This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

FSlav 109.50

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

9/ю
1267
12-18

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ленинградский филиал ЛАФОКИ

ЗАКАЗ № 3161

Шифр или наименование издания: Об списанных летописях в пуд. русского и соседних

МИКРО репродукция | ФОТО репродукция

(ненужное зачеркнуть)

Стр., рис. полностью

Исполнитель Воробьев (подпись)

ИЗГОТОВИТЬ ФОТООТПЕЧАТКИ:

Формат ________ ____ по ________ экз.

Дата поступления оригиналов в ЛАФОКИ

Тип. БАН, з. 746, т. 30 000 21-VII-61 г.

9152.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ЧИТАННЫХЪ

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

30807

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Съ снимками почерка Крылова.

КНИЖНЫЕ ... БИБЛІОТЕКИ АКАДЕМІИ НАУК СС...

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12.)
1869.

00971

PSlaw 109.50 (6, Pt. 1)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY
9 Sept. '63
MRHP Fd.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, мартъ 1869 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

ЧТЕНІЯ

2 февраля 1868 года

ВЪ ПАМЯТЬ

ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Издаваемый нынѣ VI-й томъ *Сборника* содержитъ въ себѣ: во 1-хъ, все, что было читано членами Академіи Наукъ въ публичныхъ собраніяхъ по поводу юбилея Крылова въ 1868 году; во 2-хъ, „Примѣчанія“ г. Кеневича къ баснямъ Крылова, изданныя въ то время отдѣльно и въ этомъ видѣ уже вполнѣ разошедшіяся; въ 3-хъ, нѣсколько ненапечатанныхъ доселѣ сочиненій знаменитаго баснописца; наконецъ, въ 4-хъ, новые матеріалы для его біографіи, частью доставленные сторонними лицами, частью собранные въ самой Академіи.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности вмѣняетъ себѣ въ пріятнѣйшую обязанность выразить искреннюю свою признательность всѣмъ почтеннымъ любителямъ просвѣщенія, радушно содѣйствовавшимъ къ пополненію настоящаго тома существенными вкладами, и именно: В. Ѳ. Кеневичу, В. М. Княжевичу, Л. М. Лобанову, В. А. Олениной, М. И. Семевскому, Н. И. Стояновскому, М. П. Сумароковой и П. С. Ѳедорову.

Къ концу тома приложены, на двухъ листахъ, снимки съ почерка Крылова въ разные періоды его жиз-

ни; нелишнимъ считаемъ пояснить чтеніе неразборчиво написанной на второмъ листѣ первоначальной редакціи басни *Тришкинъ кафтанъ*:

У Тришки на локтяхъ кафтанъ прорвался.
Портнаго бы призвать и дѣло все съ концомъ.
По Тришка малой былъ съ умомъ.
Онъ говоритъ: и сами мы зашьемъ,
И тотчасъ за иглу принялся.
На четверть онъ обрѣзалъ рукавовъ
И локти заплатилъ — кафтанъ готовъ,
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Смѣется Тришкѣ всякъ.
По Тришка не дуракъ.
Смѣется Тришкѣ всякъ.
. . . . . .
По Тришка не дуракъ.
По Тришка . . . . . .
Лишь на четверть голѣе руки стали.

Зачеркнуто. Точками означены неразобранные стихи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧТЕНІЯ НА ЮБИЛЕѢ КРЫЛОВА.

стр.

Литературная жизнь Крылова. Я. К. Грота..... 1

Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ. Его же... 29

Приложенія:

I. Представленіе Оленина отъ 23 мая 1830 года, объ исходатайствованіи Крылову чина статскаго совѣтника..... 42

II. Представленіе Оленина отъ 29 декабря 1840 г. объ увольненіи библіотекаря Императорской Публичной библіотеки Крылова 43

III. Журнальные труды Крылова..... 44

Указатель «Почты Духовъ»..... 45

Труды Крылова въ «Зрителѣ»..... 47

Труды Крылова въ «С.-Петербургскомъ Меркуріи»..... 47

О басняхъ Крылова въ художественномъ отношеніи. А. В. Никитенко..... 49

О языкѣ Крылова. И. И. Срезневскаго..... 65

О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностранные языки. А. Ѳ. Бычкова..... 81

Сатира Крылова и его «Почта Духовъ». Я. К. Грота..... 109

Слово въ день столѣтняго юбилея И. А. Крылова. Преосвященнаго Макарія..... 135

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЧТЕНІЯМЪ.

Пирогъ, ком. въ одномъ дѣйствіи, соч. И. А. Крылова..... 141

Предварительная замѣтка В. Ѳ. Кеневича..... 143

Лѣнтяй, ком. въ стихахъ, соч. И. А. Крылова..... 183

Надпись на автографѣ «Лѣнтяя»..... 184

Предварительная замѣтка..... 185

Кофейница, комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. И. А. Крылова..... 215

Предварительная замѣтка Я. К. Грота..... 217

ПОСМЕРТНЫЯ МЕЛОЧИ КРЫЛОВА:

стр.

I. Пиръ. Басня 273
II. Объясненіе Крылова по поводу приписанныхъ ему чужихъ стиховъ 274
III. Письмо Крылова къ Варварѣ Алексѣевнѣ Олениной 275

Замѣтка о нѣкоторыхъ басняхъ Крылова. Я. К. Грота 279
О новомъ англійскомъ переводѣ басенъ Крылова. Его же 286

Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. В. Ѳ. Кеневича 1
Матеріалы для біографіи Крылова. Приложенія къ «Примѣчаніямъ» В. Ѳ. Кеневича 291
I. Свѣдѣнія о службѣ А. П. Крылова и о годѣ рожденія И. А. Крылова ..... —
II. Служба И. А. Крылова до первой отставки 296
III. 1792—1796 (Крыловъ-типографъ) и 1797—1811 г. 298
IV. Служба при Императорской Публичной библіотекѣ 300
V. Пятидесятилѣтній юбилей Крылова 306
VI. Со времени послѣдней отставки до смерти 317
VII. Переписка Льва Андреевича Крылова съ братомъ 324
Матеріалы для біографіи Крылова (Изъ замѣтокъ, писанныхъ въ 1820 году). В. М. Княжевича 343
Матеріалы для біографіи Крылова, доставленные М. И. Семевскимъ 345
Примѣчаніе Я. К. Грота ..... —
I. Челобитная Крылова объ опредѣленіи его въ с.-петербургскую казенную палату 346
II. Просьба Крылова объ увольненіи его изъ с.-петербургской казенной палаты 348
III. Записка о службѣ Крылова въ казенной палатѣ 349
IV. Прошеніе Крылова о выдачѣ ему жалованья ..... —

Снимки съ почерковъ Крылова.

Листъ I. Заключеніе подлинной челобитной (1783) ..... См. стр. 347
Начало оперы «Кофейница» (1784) ..... См. стр. 219
Листъ II. Начало 1-й редакціи басни «Тришкинъ кафтанъ» (1815). См. стр. VI
Начало басни «Змѣя и Овца». См. басни Крылова.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ КРЫЛОВА.

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

Талантъ, драгоцѣннѣйшій даръ природы, есть печать высшаго отличія человѣка въ толпѣ обыкновенныхъ смертныхъ. Самый блестящій примѣръ тому — Крыловъ. При рожденіи онъ не получилъ отъ судьбы ничего, кромѣ таланта; въ жизни не пріобрѣлъ ни богатства, ни высокаго сана. Но его почтили царь и народъ, и весь образованный міръ. Счастіе, котораго онъ повидимому не искалъ, само отличило его: общее признаніе его заслугъ, матеріальное обезпеченіе, беззаботная жизнь, лестное вниманіе двухъ государей и ихъ царственнаго семейства были удѣломъ скромнаго баснописца, говорившаго о себѣ въ старости: «Вѣдь я то же, что иной морякъ, съ которымъ отъ того только и бѣды не случалось, что онъ не хаживалъ далеко въ море»[1]. Надъ нимъ самимъ съ избыткомъ осуществилось выраженное имъ въ молодости желаніе: «чтобы всѣ народы оказывали почтеніе великимъ людямъ, родившимся у нихъ съ отличными дарованіями... Я увѣренъ», заключалъ онъ, «что если Англія съ давняго времени славится многими высокими умами, то это ни отъ чего другаго, какъ отъ того одобренія и поощренія, которое дается тамъ ученымъ людямъ»[2]. Честь, которую современники такъ обильно воздавали Крылову, потомки оказываютъ въ той же, или еще въ большей мѣрѣ его памяти, и къ нему менѣе нежели къ кому-либо

[1] *Полн. собр. соч. Крылова*, Спб. 1847, т. I, стр. LXXVI.

[2] *Почта Дух.* ч. II, стр. 45.

другому можно приложить его юношескую насмѣшку надъ поздней оцѣнкой заслугъ писателя. «Премудраго человѣка», говорилъ онъ, «весьма трудно замѣтить, прежде нежели пройдетъ триста лѣтъ послѣ его смерти; и потому-то многіе благоразумные народы сперва убивали своихъ мудрецовъ, а послѣ дѣлали имъ статуи; когда же вывелось это изъ употребленія, тогда сыскали лучшій способъ: допускали ихъ умирать въ нуждахъ, въ гоненіи и въ презрѣніи; а спустя же послѣ ихъ смерти лѣтъ сто, говорили имъ похвальныя рѣчи»[1].

Всей славой своей Крыловъ обязанъ баснямъ, писаннымъ имъ въ послѣднія 30 лѣтъ жизни. Ихъ всѣ знаютъ, всѣ въ свое время учили ихъ наизусть; это самая популярная русская книга; герои ихъ изображены и на памятникѣ Крылова, единственномъ народномъ памятникѣ, воздвигнутомъ писателю въ Петербургѣ. Въ прекрасномъ изваяніи покойнаго профессора Клодта мы видимъ нашего баснописца такимъ, каковъ онъ былъ въ старости— тучнымъ и тяжелымъ; многіе изъ людей нашего поколѣнія еще помнятъ его въ этомъ обликѣ. Современники представляютъ намъ Крылова, въ позднѣйшую пору жизни, человѣкомъ мало подвижнымъ, лѣнивымъ, любящимъ вкусный столъ и рѣдко выходящимъ изъ своей обычной апатіи, чтобъ взяться за перо и начертать одинъ изъ своихъ художественно-прекрасныхъ разсказовъ. Какой-то недоброжелатель Крылова, въ первые годы нынѣшняго столѣтія, изобразилъ его въ слѣдующихъ нѣсколько карикатурныхъ чертахъ:

Небритый и нечесаный,
Взвалившись на диванъ,
Какъ будто неотесаный
Какой-нибудь чурбанъ,
Лежитъ, совсѣмъ разбросанный,
Зоилъ Крыловъ Иванъ.
Объѣлся онъ иль пьянъ[2]?

Преданіе приписываетъ эти стихи графу Хвостову (для котораго, впрочемъ, они слишкомъ хороши); разсказываютъ, что онъ любилъ распускать ихъ и что Крыловъ, тотчасъ угадавши

[1] *Спб. Меркурій* ч. I, «Похв. рѣчь наукѣ убивать время», стр. 33.
[2] *Отеч. Зап.* 1855, т. CI. *Дисов. чиновн.*, стр. 136.

ихъ автора, сказалъ Хвостову: «Въ какую хочешь нарядись кожу, мой милый, а ушка не спрячешь», и отмстилъ ему самымъ оригинальнымъ образомъ: подъ предлогомъ желанія прослушать какіе-то новые его стихи, напросился къ нему на обѣдъ, къ заторнхъ, и послѣ обѣда, когда амфитріонъ, пригласивъ гостя въ кабинетъ, сталъ читать стихи свои, онъ безъ церемоніи повалился на диванъ, заснулъ и проспалъ до́ поздняго вечера[1].

Характеристическія черты своей наружности Крыловъ самъ описалъ намъ въ молодости:

Нерѣдко милымъ быть желая,
Я передъ зеркаломъ верчусь...
И испужавшись самъ себя,
Ворчу, что вялая природа
Не доработала меня
И такъ пустила какъ урода.
Досада сильная беретъ,
Почто я выпущенъ на свѣтъ
Съ такою грубой головою.
Забывшись, рокъ я поношу,
И головы другой прошу,
Не зная, чѣмъ и той я стою,
Которую теперь ношу[2].

Но судя по біографическимъ о немъ свѣдѣніямъ и по прежнимъ, довольно разнообразнымъ трудамъ его, онъ отличался нѣкогда живостью и энергіей. Чтобы вполнѣ уразумѣть существо этого геніальнаго русскаго человѣка, представившаго въ себѣ типическое соединеніе и высокихъ качествъ и недостатковъ своего народа, необходимо сперва обозрѣть главныя черты его дѣятельности, а потомъ вникнуть въ значеніе тѣхъ его произведеній, которыя доставили ему безсмертіе. Мимоходомъ замѣтимъ, что къ сожалѣнію, источники для его біографіи чрезвычайно скудны. Самъ онъ не былъ словоохотенъ на разсказы о своемъ прошломъ, письма писалъ рѣдко и, подобно Карамзину, вовсе не заботился о передачѣ потомству извѣстій относительно своей жизни. Но Карамзинъ имѣлъ обширныя связи, родство, семейство, вель

[1] Тамъ-же.

[2] *Сѣв. Меркурій* ч. III, «Къ другу моему А. И. К.» (*Клушину*), стр. 12 и 13.

со многими лицами постоянную переписку. Крыловъ, напротивъ, всегда жилъ довольно одиноко. Главнымъ матеріаломъ для его жизнеописанія служатъ нелишкомъ обильные разсказы современниковъ, состоящіе по большей части, какъ и біографія древняго Езопа, изъ однихъ анекдотовъ, передающихъ оригинальныя мысли и изреченія мудреца-поэта. Въ числѣ этихъ разсказовъ полнѣе всѣхъ и богаче содержаніемъ превосходная статья нашего покойнаго сочлена Плетнева, напечатанная при собраніи сочиненій Крылова. Тонкій и наблюдательный критикъ, Плетневъ былъ давно въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Крылову и могъ, по собственнымъ воспоминаніямъ своимъ, сообщить много любопытныхъ чертъ его жизни и характера. До Плетнева никто еще такъ глубоко не всматривался въ нашего баснописца. Важнѣйшимъ, но почти еще вовсе не тронутымъ источникомъ для изученія внутренней жизни Крылова и его литературныхъ отношеній остаются его собственныя сочиненія. Попытка воспользоваться ими съ этою цѣлью будетъ сдѣлана въ настоящемъ сжатомъ очеркѣ. Онъ родился въ Москвѣ, но по службѣ отца своего, въ то время армейскаго офицера, провелъ первые годы дѣтства въ Оренбургѣ, гдѣ его застала пугачевщина и онъ едва не сдѣлался одною изъ безчисленныхъ жертвъ ея. Хотя еще на восьмомъ году Крыловъ, вмѣстѣ съ своими родителями, оставилъ тотъ край, однакожъ онъ навсегда сохранилъ нѣкоторыя воспоминанія о тамошней жизни своей [1]. По окончаніи бунта, отецъ его переселился въ Тверь, на свою родину, и тамъ поступилъ въ гражданскую службу. Въ Твери маленькій Крыловъ, благодаря заботливой, хотя и малообразованной матери, пріобрѣлъ кое-какія познанія, и, лишившись отца, уже на 14-мъ году опредѣлился канцелярскимъ чиновникомъ въ калязинскій уѣздный судъ, откуда вскорѣ былъ переведенъ въ тверской магистратъ. Черезъ годъ, въ 1782 году, мать его переѣхала съ нимъ въ Петербургъ, и здѣсь онъ продолжалъ службу сперва въ казенной палатѣ, получая жалованья по 2 руб. въ мѣсяцъ, а потомъ въ Кабинетѣ Его Величества. Въ 1788 г. мать Крылова также умерла.

[1] Однажды, около 1840 года, на вечерѣ у князя Одоевскаго, онъ съ живостью разсказывалъ мнѣ, какъ уральскіе казаки, зимою ватагами отправляются на ледъ и, прорубивъ его, ловятъ рыбу баграми.

Оставшись круглымъ сиротой, двадцати лѣтъ отъ роду, онъ страстно предался авторству, въ которомъ давно уже пробовалъ свои силы, сдѣлался журналистомъ и завелъ свою типографію; но черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 90-хъ годахъ, не имѣвъ большаго успѣха, бросилъ невыгодное въ то время изданіе журналовъ. Послѣ того, до начала нынѣшняго столѣтія, Крыловъ исчезаетъ съ литературнаго поприща. Вопреки мнѣнію прежнихъ его біографовъ оказывается, что онъ вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Павла былъ приглашенъ въ домъ князя С. О. Голицына, впавшаго тогда въ немилость, и жилъ нѣсколько лѣтъ въ кіевскомъ его имѣніи Казацкомъ, а на пути туда посѣтилъ другое, саратовское имѣніе князя, Зубриловку[1]. По воцареніи Александра I, когда Голицынъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Ригу, Крыловъ поступилъ къ нему на службу и тамъ прожилъ года два опять въ княжескомъ домѣ. Въ концѣ 1805 года онъ вдругъ является въ Москвѣ, отдаетъ въ печать три басни и, почти 40-ка лѣтъ отъ роду, сознаетъ свое настоящее призваніе въ области поэзіи. Съ 1806 года онъ становится навсегда петербургскимъ жителемъ и служитъ короткое время въ Монетномъ департаментѣ, а съ 1812 по 1841 годъ — въ Императорской Публичной библіотекѣ, пользуясь особенною дружбой ея директора Оленина, въ домѣ котораго онъ, вмѣстѣ со многими другими литераторами и особенно своимъ сослуживцемъ Гнѣдичемъ, находитъ родственный пріемъ, ласку и ободреніе. Крыловъ умеръ въ 1844 году, 76-ти лѣтъ отъ роду.

Литературная дѣятельность его началась необыкновенно рано. Съ самаго дѣтства чувствовалъ онъ особенную охоту къ драматическому искусству; на оперу смотрѣли тогда, какъ на самое совершенное театральное представленіе, и мальчикъ Крыловъ смѣло принимается за сочиненіе оперы. Потомъ онъ пробуетъ себя въ трагическомъ родѣ, а наконецъ переходитъ и къ комедіи. Первые драматическіе опыты Крылова, хотя и не имѣвшіе никакого достоинства, были для него тѣмъ важны, что когда онъ переѣхалъ въ Петербургъ, они открыли ему доступъ въ литера-

[1] См. вслѣдъ за этимъ статью: *Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ.*

турный кружокъ, въ которомъ надолго установилось его авторское направленіе. Черезъ Княжнина[1] познакомился онъ съ Дмитревскимъ и явился къ знаменитому актеру съ однимъ изъ своихъ юношескихъ трудовъ. Дмитревскій строго разобралъ незрѣлую пьесу, но обласкалъ начинающаго литератора. Вскорѣ Крыловъ сблизился и съ другими драматическими писателями. Между тѣмъ, однакожъ, онъ сталъ искать постоянной литературной дѣятельности. Въ этомъ помогло ему знакомство съ другимъ писателемъ, бывшимъ почти 25-ю годами старше его. Это былъ капитанъ Рахманиновъ, почитатель и переводчикъ Вольтера, издававшій въ 1788 году журналъ *Утренніе Часы*, который печатался въ собственной его типографіи. Въ слѣдующемъ году Крыловъ самъ затѣялъ журналъ или, вѣрнѣе, ежемѣсячный сатирическій сборникъ *Почту Духовъ*, въ формѣ переписки жителей Плутонова царства. Здѣсь Крыловъ въ первый разъ вступилъ на поприще сатиры, которое послѣ, хотя въ другомъ видѣ, оказалось истиннымъ его призваніемъ. Послѣ басенъ *Почта Духовъ* — любопытнѣйшее и важнѣйшее его произведеніе, показывающее въ двадцатилѣтнемъ авторѣ замѣчательную зрѣлость мысли, наблюдательность и способность къ юмористическому изображенію человѣческихъ слабостей[2]. Вскорѣ послѣ ея прекращенія, Рахманиновъ, какъ тамбовскій помѣщикъ, уѣхалъ на родину, и Крыловъ, спустя два года, самъ является содержателемъ типографіи, вѣроятно переданной ему этимъ его сотрудникомъ. Она находилась близъ Лѣтняго сада, въ нижнемъ этажѣ дома Бецкаго, что нынѣ дворецъ Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Съ наступленіемъ 1792 года Крыловъ сталъ печатать въ ней новый предприня-

---

[1] Позднѣе отношенія Крылова къ Княжнину измѣнились, какъ видно изъ разныхъ выходокъ нашего автора противъ этого знаменитаго въ свое время драматическаго писателя. По свидѣтельству Греча, въ комедіи *Проказникъ* осмѣяны Княжнинъ и жена его подъ именами Рюмонрада и Таторы (*Сѣв. Пчела* 1857, № 147); въ *Почтѣ Духовъ* и другихъ журналахъ Крылова авторъ *Свитенщика* не разъ служитъ предметомъ враждебныхъ нападеній. Въ этихъ журналахъ встрѣчается много необъясненныхъ еще указаній и намековъ на явленія тогдашней литературы.

[2] См. мою статью: «Сатира Крылова и его Почта Духовъ» въ *Вѣстникѣ Европы* 1868 года, № 3.

тый имъ журналъ *Зритель*. Главнымъ товарищемъ его по этому изданію сдѣлался армейскій офицеръ и драматическій писатель Клушинъ, сынъ орловскаго помѣщика, умершій въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Послѣ его смерти, Державинъ, на одномъ изъ своихъ вечеровъ, спросилъ у нашего баснописца: «Скажите, Иванъ Андр., точно ли Клушинъ былъ такъ остеръ и уменъ, какъ многіе утверждаютъ, судя по вашей дружеской съ нимъ связи?» Крыловъ отвѣчалъ съ усмѣшкой: «Онъ точно былъ уменъ, и мы съ нимъ были искренніе друзья, покамѣсть не пришло ему въ голову сочинить оду на пожалованіе андреевской ленты графу Кутайсову». — «А тамъ поссорились?» — «Нѣтъ, не поссорились, но я сдѣлалъ ему нѣкоторыя замѣчанія насчетъ цѣли, съ какой эта ода была написана, и совѣтовалъ ея не печатать изъ уваженія къ самому себѣ. Онъ обидѣлся и не могъ простить мнѣ моихъ замѣчаній, до самой своей смерти[1]». Другіе сотрудники Крылова по изданію *Зрителя* были: Дмитревскій, Плавильщиковъ, Туманскій и Эминъ. Ихъ всѣхъ, не исключая и Дмитревскаго, какъ писателя, Крыловъ превосходилъ талантомъ и впослѣдствіи перерось славой. Изъ нихъ одинъ Туманскій, издатель историческихъ актовъ, не посвящалъ трудовъ своихъ драматическому искусству. Дмитревскій, какъ мы видѣли, былъ давно наставникомъ Крылова на этомъ поприщѣ. Плавильщиковъ, подобно Дмитревскому превосходный актеръ, писалъ статьи о театрѣ, замѣчательныя по вѣрности литературныхъ взглядовъ. Ник. Эминъ, сынъ извѣстнаго своими приключеніями автора и переводчика, писалъ также для сцены. Журналъ *Зритель*, предположившій себѣ сколько можно разнообразить свое содержаніе, заявилъ, что онъ будетъ, между прочимъ, изображать порокъ во всей его гнусности, избѣгая однакожъ всякихъ личныхъ примѣненій, т. е. одною изъ его задачъ была сатира. Надобно вспомнить, что онъ начался въ важную для русской литературы эпоху, когда *Московскій Журналъ* Карамзина продолжался уже годъ. Дѣятельность этого молодаго писателя, пробывшаго полтора года за границею и своими письмами какъ будто поддерживавшаго пристрастіе своихъ соотечественниковъ ко все-

[1] *Отеч. Зап.* т. CI, *Дневн. чин.*, стр. 133.

му иноземному, была недружелюбно встрѣчена крыловскимъ кружкомъ, который особенно заботился о возбужденіи національнаго чувства. Въ сущности Карамзинъ не расходился съ ними въ этомъ стремленіи, но имъ не могли нравиться ни его новый слогъ съ примѣсью чуждыхъ элементовъ, ни извѣстный оттѣнокъ мечтательности или сентиментализма въ его настроеніи, ни наконецъ тотъ взглядъ его, который, на перекоръ имъ, ставилъ Шекспира и нѣмецкихъ драматическихъ писателей неизмѣримо выше французскихъ классиковъ. Въ особенности же раздражала крыловскую партію взыскательная въ то время критика Карамзина, не щадившая нѣкоторыхъ изъ этихъ литераторовъ и занимавшаяся часто утонченнымъ разборомъ языка въ ихъ сочиненіяхъ и переводахъ. Извѣстно, что журналъ Крылова, хотя и могъ въ отношеніи къ языку и къ складу рѣчи похвалиться чисто-русскимъ характеромъ, но зато отличался крайнимъ невниманіемъ къ грамматической исправности и къ изяществу выраженія. Отъ того *Зритель* сталъ въ непріязненное отношеніе къ *Московскому Журналу*, издѣвался надъ слогомъ Карамзина и укоряя его за произвольную, привязчивую критику. Карамзинъ не возражалъ, но въ письмахъ къ Дмитріеву говорилъ: «И такъ Эминъ, Крыловъ, Клушинъ, Туманской не благоволятъ ко мнѣ! Какое несчастіе![1]»

Что касается до самого Крылова, то статьи, подписанныя его именемъ въ *Зритель*, имѣютъ опять значеніе сатиры на нравы. Въ отношеніи къ ея формѣ онъ платитъ дань вкусу своего времени, въ содержаніи же обнаруживаетъ много колкаго остроумія и юмора. Въ его сказкѣ: *Ночи* происходитъ, на пиршествѣ у бога Момуса, споръ между *Днемъ* и *Ночью* о томъ, кто изъ нихъ видитъ на свѣтѣ болѣе людскихъ дурачествъ. Для рѣшенія этого вопроса, богиня Ночи поручаетъ автору вести записку о томъ, что̀ случается во время ея владычества, и онъ описываетъ ночныя похожденія. Въ восточной повѣсти: *Каибъ* разсказывается исторія калифа, который собираетъ свой диванъ, чтобы услышать мнѣніе визирей, какимъ бы образомъ ему совершить далекое странствованіе такъ, чтобы никто изъ подданныхъ не замѣтилъ

[1] *Письма Карамзина къ Дмитріеву*, Спб. 1866, стр. 33.

его отсутствія. Это — самое замѣчательное изъ сочиненій Крылова въ *Зрителѣ*; личность Канба и его визирей: Дурсана, Ослаища и Грабилея изображена въ рѣзкихъ чертахъ. При дворѣ Канба календарь былъ составленъ изъ одних праздниковъ, и будни были рѣже, чѣмъ именины Касьяновъ; тѣмъ не менѣе Канбъ всячески старался поощрять науки, и хотя не пускалъ ученыхъ людей во дворецъ, но изображенія ихъ составляли не послѣднее украшеніе его стѣнъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ рѣзвились на золотыхъ цѣпочкахъ забавныя обезьяны, которыя кривлялись такъ искусно, что люди ставили за честь подражать имъ, а нерѣдко, по слабости человѣческой, выдумки обезьянъ выдавали за свои, отъ чего произошли великіе споры, о которыхъ тамошняя академія издала исторію въ 36 фоліантахъ. Описывая диванъ Канба, Крыловъ говоритъ, что калифъ былъ разсчетистъ: обыкновенно одного мудреца сажалъ между десяти дураковъ; умныхъ людей сравнивалъ со свѣчами, которыхъ умѣренное число производитъ пріятный свѣтъ, а слишкомъ большое можетъ причинить пожаръ, и часто говаривалъ, что ему, для сохраненія добраго порядка, дураки по крайней мѣрѣ столько же нужны, какъ и умные люди. Въ другихъ сатирическихъ статьяхъ своихъ Крыловъ, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ писателей, избираетъ иногда форму шуточныхъ рѣчей и похвальныхъ словъ.

Зритель издавался только 11 мѣсяцевъ, до конца 1792 года. Тогдашніе журналы соблюдали благое обыкновеніе печатать при своихъ книжкахъ имена постепенно прибывавшихъ подписчиковъ, что̀ въ то время было и легко по ограниченному количеству читающей публики. Нынѣшніе издатели, по разнымъ причинамъ, не объявляютъ числа и именъ своихъ подписчиковъ, хотя такія свѣдѣнія были бы во многихъ отношеніяхъ любопытны и полезны, не только для современниковъ, но и для потомства. По спискамъ, приложеннымъ къ *Зрителю*, оказывается, что его разсылалось всего 170 экземпляровъ, изъ которыхъ 136 приходилось на Петербургъ, только 12 на Москву и не болѣе 22 на всѣ прочіе города. *Московскій Журналъ* Карамзина, самое распространенное изъ тогдашнихъ періодическихъ изданій, имѣлъ въ томъ же году только до 300 подписчиковъ; изъ этого числа $^2/_3$ жили въ Москвѣ, а въ Петербургѣ ихъ было не болѣе 28-ми человѣкъ. От-

сюда видно, какъ мало въ то время объ столицы мѣнялись своими литературными произведеніями.

Журналъ Карамзина въ концѣ 1792 г. совсѣмъ прекратился; *Зритель* же Крылова кончился только по имени и преобразился въ *С.-Петербургскій Меркурій*, который издавался въ продолженіи всего 1793 года. По предисловію, подписанному Крыловымъ и Клушинымъ, видно, что они хотѣли сдѣлать изъ этого изданія то же для Петербурга, чѣмъ былъ журналъ Карамзина для Москвы, т. е. изданіе въ родѣ иностранныхъ журналовъ съ извѣстіями о новыхъ книгахъ и театрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ издатели, уже при сообщеніи своей программы, косвенно задѣваютъ Карамзина, обѣщая, что ихъ сужденія не будутъ *деспотическія* и охуждая его обычай не подписывать имени подъ своими статьями. — Въ преобразованномъ журналѣ сатирическое направленіе Крылова видимо слабѣетъ. Есть поводъ думать, что это было слѣдствіемъ ропота, который сатира *Зрителя* возбуждала въ нѣкоторыхъ читателяхъ, обвинявшихъ ее въ личностяхъ: въ этомъ журналѣ вся *Рѣчь повѣсы въ собраніи дураковъ* посвящена отраженію такихъ нареканій. Между прочимъ ораторъ говоритъ отъ имени подобныхъ ему, т. е. повѣсъ: «Будто разсказывать дурачества разныхъ особъ не есть то же, что выставлять ихъ лица на осмѣяніе? Такъ, государи мои, не выставлены наши имена, но дѣла наши обнаружены[1]». Въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи* напечатаны только двѣ сатирическія статьи Крылова, обѣ въ формѣ *похвальныхъ рѣчей:* одна посвящена *наукѣ убивать время*; другая осмѣиваетъ уже не сословные пороки, а новое направленіе въ современной литературѣ. Этой послѣдней статьѣ дано заглавіе: «Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей». Подъ *Ермалафидомъ*, т. е. человѣкомъ, который несетъ ермолафію, или чепуху, очевидно, подразумѣвается преимущественно Карамзинъ. Онъ иронически ставится тутъ въ образецъ начинающимъ авторамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ затронута вся его первоначальная литературная дѣятельность: переводы изъ Шекспира и Лессинга, изданіе журнала, Письма русскаго путешественника, литератур-

[1] *Зритель*, ч. II, стр. 49.

ная критика, стихотворенія въ новомъ вкусѣ, наконецъ самый слогъ его и нѣкоторые отдѣльные взгляды[1]. Непріязненное отношеніе Крылова къ Карамзину нисколько не удивительно. Если мы перенесемся въ ту эпоху и безпристрастно взглянемъ на разнородную личность обоихъ, на несходныя обстоятельства, въ которыхъ тотъ и другой развивались, то для насъ станетъ совершенно ясно, почему они не понимали другъ друга. Крыловъ, какъ талантъ своеобразный, рано усвоившій себѣ народный языкъ вмѣстѣ съ глубокимъ знаніемъ народнаго быта, не могъ сочувствовать особенностямъ другаго, хотя и замѣчательнаго, но воспитавшагося на почвѣ иностранныхъ литературъ писателя. Какой-то тверской старожилъ, въ дѣтствѣ учившійся вмѣстѣ съ нашимъ баснописцемъ, разсказывалъ, что Крыловъ уже въ первой молодости любилъ толкаться посреди чернаго народа, на торговыхъ площадяхъ, около качелей и кулачныхъ боевъ, жадно прислушивался къ говору простолюдиновъ. Нерѣдко, живя въ Твери, сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги и потомъ передавалъ своимъ сослуживцамъ забавные анекдоты и поговорки, которые уловилъ въ рѣчахъ словоохотныхъ прачекъ, сходившихся на рѣку съ разныхъ концовъ города[2]. Этимъ объясняется, отъ чего Крыловъ, рано прочитавъ въ подлинникѣ многихъ французскихъ авторовъ, остался однакожъ оригиналенъ не только въ идеяхъ, но и въ языкѣ: онъ развѣ только для шутки употребитъ иногда иностранное слово. Проза перваго періода его авторства не такъ гладка и плавна, какъ многіе думаютъ, судя по источному тексту послѣдняго изданія его сочиненій[3], но его

---

[1] Ср. въ статьѣ моей: «Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка» приложеніе III, *Крыловъ противъ Карамзина*. (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867 г., стр. 70—73.)

[2] *Сын. Отечества* 1846, № 292.

[3] См. указанную статью, *Журн. Мин. Нар. Просв.* При сужденіи о языкѣ Крылова необходимо также принимать въ соображеніе, прежде ли *Московскаго Журнала*, или послѣ изданія его писано то или другое сочиненіе нашего автора. Само собою, разумѣется, что хотя Крыловъ и посмѣивался надъ языкомъ Карамзина, но, подобно всѣмъ тогдашнимъ литераторамъ, не могъ остаться совершенно чуждымъ вліянію той непринужденности письменной рѣчи, о которой прежде не имѣли понятія. Для сужденія о языкѣ прежнихъ произведеній Крылова невозможно пользоваться Собраніемъ его сочиненій,

языкъ всегда чистъ въ составѣ своемъ, самобытенъ и народенъ въ выраженіяхъ и оборотахъ. Письма *Почты Духовъ* писаны въ томъ же году, какъ и «Письма русскаго путешественника». Въ отношеніи къ строю и изяществу рѣчи, между тѣми и другими большая разница. Каждый изъ обоихъ писателей имѣлъ свою особую исходную точку; ихъ трудно сравнивать: и кругъ идей, и и цѣль, и тонъ у обоихъ свои. Слогъ Карамзина, вмѣстѣ съ его настроеніемъ, пришелся болѣе по вкусу современниковъ и надолго одержалъ побѣду. Но тотъ элементъ, который составлялъ отличіе слога Крылова, — элементъ *народности*, взялъ свое и былъ оцѣненъ впослѣдствіи самимъ его счастливымъ соперникомъ. Крыловъ же, съ своей стороны, никогда не переялъ ни щегольскаго блеска карамзинской прозы, ни музыкальной легкости поэзіи Жуковскаго: онъ въ позднѣйшее время только откинулъ нѣкоторые устарѣлые слова и пріемы рѣчи, но навсегда удержалъ въ своихъ стихахъ, по мѣткому выраженію его біографа, что-то *увльистое*, свойственное и его наружности. Замѣтимъ, что до сихъ поръ языкъ басенъ Крылова, даже и самыхъ давнихъ, писанныхъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, почти нисколько не устарѣлъ.

Въ «похвальной рѣчи Ермалафиду» Крыловъ въ послѣдній разъ явился на полемической аренѣ. Отказавшись на время отъ роли сатирика, онъ преобразился въ поэта. Въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи* находимъ довольно много стихотвореній его. Увлекаемый потокомъ времени, онъ не вполнѣ обошелъ и тѣ роды стихотворства, надъ которыми самъ прежде подшучивалъ. Довольно странно читать подписанную его именемъ, небольшую оду въ ломоносовскомъ вкусѣ *На фейерверкъ* по случаю ясскаго мира[1]. Но гораздо лучше удалась ему шуточная ода *Къ счастію*, въ державинскомъ родѣ[2]. Оба издателя *Меркурія*, выступивъ на поприще стихотворства, явно пошли по слѣдамъ тогдашняго корифея русскихъ поэтовъ, и каждый взялъ себѣ въ удѣлъ особую сторону таланта Державина: Клушинъ довольно ловко усвоилъ себѣ

гдѣ почти всѣ выраженія подновлены, и потому-то наши выписки изъ него дѣлаются здѣсь по первоначальнымъ изданіямъ.

[1] *Спб. Мерк.*, ч. III, стр. 191.

[2] Тамъ же, ч. IV, стр. 96.

его стиль въ живописи природы[1]; Крыловъ съ большимъ успѣхомъ воспроизводилъ игриво сатирическій элементъ державинской оды. Такъ свое обращеніе къ Счастью онъ начинаетъ стихами:

Богиня рѣзвая, слѣпая,
Худыхъ и добрыхъ дѣлъ предметъ,
Въ которую влюбленъ весь свѣтъ,
Подъ-часъ не кстати слишкомъ злая,
Подъ-часъ роскошна не впопадъ,
Скажи, фортуна дорогая,
За что у насъ съ тобой не ладъ?
За что ко мнѣ ты такъ сурова?
Ни въ путь со мной не молвишь слова,
Ни улыбнешься на меня?

Когда впослѣдствіи Крыловъ служилъ при Публичной библіотекѣ, ему вздумалось однажды просмотрѣть свои прежнія сочиненія. Его сослуживецъ Быстровъ принесъ ему журналы: *Почту Духовъ*, *Зритель* и *Меркурій* и, заведя рѣчь объ одѣ «Къ счастью», спросилъ его: «Ив. Андреевичъ! за что это вы пеняете на фортуну, когда она такъ милостива къ вамъ?» — «Ахъ, мой милый», отвѣчалъ онъ: «со мною былъ случай, о которомъ теперь смѣшно говорить, но тогда... я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя... Журналу не повезло; полиція... и еще одно обстоятельство... да кто не былъ молодъ и не дѣлалъ на своемъ вѣку проказъ?[2]» Тутъ, очевидно, рѣчь идетъ о двоякой невзгодѣ: о непріятностяхъ, вѣроятно, по типографіи (Крылова подозрѣвали въ напечатаніи книги Радищева) и о несчастной любви. Слѣдъ этой продолжительной страсти остался въ цѣломъ рядѣ стихотвореній его къ Аннѣ, изъ которыхъ часть напечатана въ *Меркуріи*, а другая найдена въ рукописяхъ по смерти Крылова и вошла въ изданное собраніе его сочиненій. Въ этихъ стихахъ есть счастливыя мѣста, такъ же какъ и въ другихъ лирическихъ, довольно многочисленныхъ пьесахъ Крылова, сдѣлавшихся извѣстными послѣ его кончины. Между прочимъ, онъ всегда возвышается при сравненіи сельскаго быта съ городскимъ, при мысли

[1] Напр. въ одѣ *Человѣкъ* (*Спб. Мерк.*, ч. II, стр. 3), которую впослѣдствіи и приписывали Державину.

[2] *Сѣв. Пчела* 1845, № 203.

о страданіяхъ народа подъ гнетомъ помѣщичьей власти, противъ злоупотребленій которой онъ сильно вооружался уже и въ сатирѣ своей. Въ пьесѣ *Уединеніе*, напр., онъ говоритъ о жизни въ городахъ:

Тамъ роскошь, золотомъ блестя,
Зоветъ гостей въ свои палаты
И ставитъ имъ столы богаты,
Изнѣженнымъ ихъ вкусамъ льстя;
Но въ хрусталяхъ своихъ безцѣнныхъ
Она не вина раздаетъ:
Въ нихъ пѣнится кровавый потъ
Народовъ, сю разоренныхъ [1].

Эти стихи написаны, вѣроятно, уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія *Меркурія*, именно въ деревнѣ у князя Голицына, такъ какъ и разныя другія стихотворенія Крылова, въ которыхъ рѣчь идетъ о сельской жизни.

Журналъ *Меркурій* опять просуществовалъ только одинъ годъ, имѣвъ немного болѣе 150 подписчиковъ. Оба издателя собирались ѣхать въ чужіе краи, какъ видно изъ ихъ обращенія къ публикѣ и изъ прощанія Крылова съ Анютой; послѣдній не успѣлъ, однакожъ, осуществить своего плана и никогда не выѣзжалъ изъ отечества. Вмѣсто того, ему удалось, какъ было сказано, побывать на югѣ Россіи, именно, въ Саратовской и въ Кіевской губерніяхъ. Въ Зубриловкѣ, прекрасномъ имѣніи на Хоперѣ, еще живы воспоминанія о нашемъ поэтѣ. Въ украинскомъ селѣ Казацкомъ написалъ онъ, свою шуточную трагедію-каррикатуру *Трумфъ;* ее нѣсколько разъ играли тамъ, и самъ авторъ исполнялъ при этомъ роль главнаго героя. О пребываніи Крылова въ Казацкомъ разсказываетъ Вигель, который, будучи тогда мальчикомъ, находился тамъ же по семейной связи своихъ родителей съ Голицынными и учился вмѣстѣ съ дѣтьми князя [2].

Отдавая полную справедливость таланту Крылова, Вигель рисуетъ однакожъ личность его довольно темными красками:

---

[1] Эти стихи печатаются здѣсь по изданію 1817 г., такъ какъ мы не имѣли случая сравнить ихъ съ рукописью.

[2] См. ниже статью: *Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ.*

именно, онъ представляетъ его человѣкомъ холоднымъ, себялюбивымъ, равнодушнымъ ко всякому высшему интересу и угодливымъ изъ разсчета. Къ этому отзыву одного сатирика о другомъ мы еще возвратимся и посмотримъ, насколько онъ заслуживаетъ довѣрія. Теперь же отмѣтимъ только замѣчательный отзывъ Вигеля о баснописцѣ, какъ педагогѣ. По его словамъ, Крыловъ, вызвавшись преподавать русскій языкъ сыновьямъ кн. Голицына, «и въ этомъ дѣлѣ показалъ себя мастеромъ. Уроки проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ такъ же толковито, такъ же ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не довольствовался однимъ русскимъ языкомъ, а къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ[1]». Домъ кн. Голицына отличался не только высшимъ свѣтскимъ образованіемъ, но и любовью къ литературѣ. Княгиня, племянница Потемкина, сама занималась переводами и воспѣта Державинымъ, который, бывши тамбовскимъ губернаторомъ, также находилъ дружескій пріемъ въ селѣ Зубриловкѣ. Нѣсколько лѣтъ пребыванія въ такомъ домѣ не могли остаться безъ вліянія на умнаго и даровитаго Крылова. Это обнаружилось вскорѣ послѣ оставленія имъ семейства Голицыныхъ.

Съ самаго появленія своего на журнальномъ поприщѣ онъ пользовался извѣстностью; нѣкоторыя драматическія сочиненія его, написанныя въ концѣ прошлаго столѣтія, нашли мѣсто въ изданномъ Академіею Наукъ *Россійскомъ Театрѣ;* въ 1802 году явилось въ Петербургѣ, хотя безъ имени его, 2-е изданіе *Почты Духовъ* (на счетъ книгопродавца Свѣшникова). Но слава его была еще впереди. По замѣчательному жребію, она должна была возникнуть въ самомъ средоточіи русской народной жизни, въ Москвѣ, гдѣ Крыловъ провелъ нѣсколько времени въ концѣ 1805 года. Какое-то счастливое вдохновеніе побудило его, на 38 году отъ рожденія, написать въ подражаніе Лафонтену три басни: *Дубъ и трость, Разборчивая невѣста, Старикъ и трое молодыхъ.* Въ Москвѣ онъ показываетъ свой опытъ знаменитѣйшему въ то время русскому баснописцу. Дмитріевъ съ поразительною проница-

[1] *Воспом. Виг.*, ч. I, стр. 144.

тельностью тотчасъ убѣждается, что это истинный родъ Крылова, и, не боясь приготовить себѣ соперника, поощряетъ его продолжать въ этомъ родѣ; полученныя же басни отдаетъ въ журналъ кн. Шаликова *Московскій Зритель*: литературное призваніе Крылова, наконецъ, найдено и разомъ опредѣлено навсегда. Можно сказать, что онъ, самъ того не зная, съ дѣтства готовился къ этому поприщу. Въ остальныя тридцать лѣтъ своей жизни онъ почти уже и не уклонялся въ сторону отъ избранной имъ литературной дѣятельности. Только въ 1807 году явились двѣ его новыя комедіи противъ ослѣпленія въ пользу всего французскаго, «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ», можетъ быть, вызванныя тогдашнимъ патріотическимъ настроеніемъ русскаго общества въ виду борьбы съ Наполеономъ. Но, не смотря на блестящій успѣхъ этихъ двухъ пьесъ на петербургскомъ театрѣ, Крыловъ понялъ, что не драма — его призваніе, и почти не возвращался уже къ этому роду, въ которомъ не произвелъ ничего истинно-замѣчательнаго. Первое небольшое собраніе его басенъ (23-хъ), вышло въ 1809 году. Съ тѣхъ поръ количество ихъ быстро умножалось; изданія слѣдовали одно за другимъ, каждое съ прибавленіемъ новаго отдѣла; послѣднее, сдѣланное при жизни его, было напечатано въ 1843 г. и состояло изъ 9 такихъ отдѣловъ, или книгъ, которыя всѣ вмѣстѣ содержали около 200 басенъ. Съ 1819 г. изданія расходились въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, которымъ книгопродавцы, противъ обыкновенія, вели счетъ: число экземпляровъ всѣхъ изданій басенъ Крылова дошло при жизни его до 77 т.[1] Многія новыя басни его, еще до ихъ напечатанія, читались имъ самимъ въ частныхъ собраніяхъ, при Дворѣ или въ литературныхъ обществахъ. Уже въ 1811 г. онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, по преобразованіи которой сдѣлался и членомъ Академіи Наукъ; въ 1813 вступилъ въ учрежденную незадолго передъ тѣмъ въ домѣ Державина «Бесѣду любителей русскаго слова» и тамъ не разъ читалъ вновь написанныя имъ произведенія. Тогдашніе журналы наперерывъ старались украшать свои страницы его баснями. Почти каждая изъ нихъ, при появленіи своемъ, возбуждала вниманіе

[1] М. Лобанова «Жизнь Крылова» въ *Сынѣ Отеч.* 1847, № 1.

публики и дѣлалась предметомъ общихъ толковъ. Еще въ 1812 году императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ Крылову пенсію въ 1,500 р. асс., которая, при отставкѣ его, по ходатайству Оленина, была возвышена до 5,400 р. сер.[1]

Между родами поэзіи, перешедшими на русскую почву съ Запада въ XVIII столѣтіи, *басня* всѣхъ болѣе полюбилась нашимъ писателямъ. Не было почти ни одного русскаго поэта, который бы не писалъ между прочимъ басенъ. Въ числѣ неизданныхъ сочиненій Державина отыскалось до 25 пьесъ этого рода. Жуковскій и Батюшковъ также испытывали себя въ баснѣ. Успѣхъ Крылова вызвалъ несчетное множество новыхъ баснописцевъ, которые однакожъ давно забыты. Правда, что и въ другихъ литературахъ, послѣ счастливаго примѣра, поданнаго Лафонтеномъ, басня, по своей видимой легкости, привлекала множество писателей; но нигдѣ ей такъ не посчастливилось какъ въ Россіи; нигдѣ не получила она такого глубокаго національнаго значенія. Изъ всѣхъ родовъ поэзіи въ русской литературѣ, до сихъ поръ только басня, благодаря Крылову, сдѣлалась въ полной мѣрѣ органомъ народности и по духу и по языку. Причины такого явленія должно искать въ томъ, что басня и по сущности своей, и по формѣ особенно соотвѣтствуетъ свойствамъ народнаго духа. Для нея именно нуженъ и практическій смыслъ, и простодушная замысловатость, и охота изъясняться притчами и пословицами, которыя такъ преобладаютъ въ русскомъ народѣ. Если самъ Крыловъ едва не до сорокалѣтняго возраста удерживался отъ художественной басни, то это можно объяснить только его сильнымъ сатирическимъ талантомъ, который долго искалъ себѣ болѣе прямаго и открытаго выраженія. Это преобладающее свойство его духа придало и баснямъ его особенное значеніе. Какъ скоро оказалось, что только въ формѣ басни для него возможно вполнѣ успѣшное сочетаніе художественнаго дарованія съ проявленіемъ глубоко сатирическаго ума, то онъ не могъ не предпочесть ее всякой другой формѣ поэзіи. Изъ всѣхъ русскихъ писателей у одного Крылова соединились въ высшей мѣрѣ тѣ условія, которыя могутъ сообщить баснѣ истинно-глубокое со-

[1] Подробности см. въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ.

держаніе. У другихъ писателей басня почти всегда только словесная игрушка; у него она дѣло, полное жизни и значенія. Но потому-то Крыловъ, давъ ей все то развитіе, къ какому она способна на русской почвѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ надолго заградилъ всѣмъ дорогу на этомъ поприщѣ. Ни одинъ русскій писатель не отважится въ скоромъ времени идти по его слѣдамъ.

До сихъ поръ басни Крылова имѣли у насъ преимущественно педагогическое примѣненіе, и дѣйствительно, хотя философическая и правоучительная сторона ихъ не всегда вполнѣ доступна молодому уму, однакожъ, по художественной оболочкѣ своей, онѣ для дѣтскаго возраста тѣмъ пригоднѣе, чѣмъ болѣе въ нихъ живыхъ образовъ и правды въ развитіи дѣла, чѣмъ проще и народнѣе языкъ ихъ. Вотъ почему басни Крылова въ рукахъ свѣдущаго педагога составляютъ и еще долго будутъ составлять настоящее сокровище не только для раскрытія тайнъ языка, но и для доставленія здоровой пищи уму.

Историко-литературное и общественное значеніе басенъ Крылова тогда только обнаружится вполнѣ, когда онѣ будутъ во всѣхъ отношеніяхъ разработаны. То, что до сихъ поръ было писано о нихъ, по большей части ограничивалось общими и весьма остроумными замѣчаніями или случайными объясненіями, разборомъ, примѣненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, или сопоставленіемъ между собою другихъ по ихъ содержанію. Для болѣе полнаго уразумѣнія этихъ произведеній Крылова необходимо критическое изданіе ихъ въ хронологическомъ порядкѣ съ историческими и другими поясненіями. Вотъ почему Отдѣленіе русскаго языка и словесности съ радостію воспользовалось случаемъ напечатать къ нынѣшнему дню книгу, которая послужитъ важнымъ началомъ подобныхъ работъ для изученія нашего баснописца. Это трудъ г. Кеневича, извѣстнаго уже своими добросовѣстными изслѣдованіями о басняхъ Крылова. Въ новой книгѣ его опредѣленъ годъ сочиненія или, по крайней мѣрѣ, время перваго появленія каждой басни въ печати, сличены тексты ихъ по всѣмъ изданіямъ и рукописямъ и собраны свѣдѣнія касательно происхожденія многихъ басенъ и ихъ отношенія къ современной дѣйствительности.

За этой самой существенной и трудной работой, которая конечно не могла еще выполнить своей задачи во всемъ ея объемѣ,

желательно бы видѣть цѣлый рядъ разнородныхъ этюдовъ надъ баснями Крылова. На первый случай позволю себѣ обозначить одинъ такой этюдъ.

Въ отношеніи къ сатирическому содержанію басни Крылова должны быть раздѣлены на два разряда: одѣ касаются людскихъ недостатковъ вообще и примѣнимы ко всякому человѣческому обществу; другія имѣютъ предметомъ преимущественно особенности русскаго общества, либо вызванныя ходомъ его исторіи, либо коренящіяся въ народномъ духѣ и характерѣ. Къ этому вдвойнѣ русскому разряду басенъ Крылова примыкаютъ также и тѣ, которыхъ происхожденіе связано съ современными историческими событіями или обстоятельствами. Тѣ и другія составляютъ довольно обширный отдѣлъ созданій Крылова и заключаютъ въ себѣ, разумѣется, особенный интересъ. Потому, при опредѣленіи общественнаго и историческаго значенія его басенъ, эта группа ихъ должна быть прежде всего выдѣлена изъ общаго ихъ собранія и поставлена на первый планъ. Нѣкоторыя изъ такихъ басенъ, по основной идеѣ разсказа, могутъ быть и заимствованныя у иностранныхъ баснописцевъ, но по подробностямъ обстановки и по выводу онѣ все таки имѣютъ значеніе національное. Приведу нѣсколько примѣровъ такихъ басенъ. Одна изъ нравственныхъ болѣзней стараго русскаго общества, имѣющая и названіе, не переводимое на другіе языки, «взяточничество», составляетъ предметъ многихъ басенъ Крылова. Не говоря уже о той пресловутой лисѣ съ «пушкомъ на рыльцѣ», которая въ поговоркѣ ходитъ по всей русской землѣ, обратимся къ другимъ, менѣе извѣстнымъ баснямъ. У крестьянъ одной деревни рѣчки и ручейки, при водопольи, то сорвутъ мельницу, то потопятъ скотъ; видя, что рѣка, принимающая въ себя всѣ эти мелкія воды, течетъ спокойно и не трогаетъ стоящихъ на ней большихъ городовъ, раззоренные мужики идутъ къ ней съ жалобой на ея вассаловъ, но, подходя, видятъ,

«Что половину ихъ добра по ней несетъ»

Тогда они

«Взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой.

А, отходя проговорили:
«На что и время тратить намъ?
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по-поламъ».

Сюда же относится: слабоумный воевода, который хотя самъ съ умыслу и мухи не обидитъ, но позволяетъ волкамъ собрать съ овецъ по шкуркѣ, и та лисица, которую мужикъ беретъ къ себѣ въ караульные съ тѣмъ, чтобъ она перестала воровать; свято обѣщавъ ему это, она все-таки, при первомъ удобномъ случаѣ, передушила у него куръ. Въ послѣдней баснѣ надобно, кажется, видѣть возраженіе людямъ, которые извиняли лихоимство скудостью казеннаго содержанія; вотъ заключеніе Крылова:

«Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой-бы нуждѣ ни былъ онъ;
А вору дай хоть милліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ».

Упрекъ Русскимъ, оставляющимъ свое отечество для пребыванія въ чужихъ краяхъ, высказанъ въ баснѣ о двухъ мухахъ, которыя, собравшись туда, тщетно подзываютъ съ собой и пчелу. Изъ ея отвѣта выводится такое заключеніе:

«Кто съ пользою отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится;
А кто полезнымъ быть способности лишенъ,
Чужая сторона тому всегда пріятна:
Не бывши гражданинъ, тамъ менѣе презрѣнъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна».

Басня *Лжецъ* хотя, главнымъ образомъ, направлена противъ общечеловѣческой слабости, однакожъ задѣваетъ и то ослѣпленіе, съ какимъ многіе изъ нашихъ соотечественниковъ готовы преувеличивать всякую хорошую сторону чужеземнаго быта въ укоръ Россіи. Возвратившійся путешественникъ

«Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилгалъ:
«Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце прячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ *тамъ*-то прямо рай!»

Есть нѣсколько басенъ противъ разбогатѣвшихъ откупщиковъ; такъ, напр., они сравнены съ мѣшкомъ, который валялся въ прихожей подъ ногами, прежде нежели былъ набитъ червонцами.

«По долго-ль былъ мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ?
Пока всѣ изъ него червонцы повыскали:
А тамъ онъ выброшенъ и слуха нѣтъ о немъ».

Здѣсь басня безъ обиняковъ переходитъ въ сатиру:

«. . . Сколько есть такихъ мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли,
Иль между игроковъ;
Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ по-полямъ съ грѣхомъ богаты стали,
Съ которыми теперь и графы и князья
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У кого они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запросто въ бостонъ.
Велико дѣло — милліонъ!
Однакоже, друзья, вы столько не гордитесь!
Сказать ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, если разоритесь:
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ мѣшкомъ!

Въ разрядѣ историческихъ басенъ есть нѣсколько вызванныхъ событіями 12-го года. Такъ, извѣстная басня *Щука и Котъ* намекаетъ на неудачныя дѣйствія и потери при Березинѣ адмирала Чичагова, коего охарактеризовавшаго двумя стихами:

«А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли».

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно, чтобъ показать, что изъ числа басенъ Крылова можно выдѣлить цѣлую группу такихъ, которыя всѣ вмѣстѣ составили бы картину современной ему Россіи.

Въ отношеніи къ формѣ его басенъ замѣтимъ, что не всѣ онѣ собственно заслуживаютъ это названіе; у него довольно много разсказовъ, въ которыхъ дѣйствуютъ не животныя, а люди;

когда эти лица принадлежатъ къ простонародью, Крыловъ является глубокимъ знатокомъ быта его. Разсказы этого рода, обыкновенно называемые притчами, должны, по собственному его выраженію, быть названы *былями*. Таковы напримѣръ: Демьянова уха, Музыканты, Крестьянинъ и Работникъ, Крестьянинъ и Разбойникъ, Крестьянинъ въ бѣдѣ, Разбойникъ и Извощикъ, Три мужика, Два мужика, Вельможа и Философъ и многія другія. Особенную жизнь этимъ разсказамъ, такъ же какъ и баснямъ собственно, придаетъ драматическая форма: притча о двухъ пьяныхъ мужикахъ, напр., которая могла бы въ наше время имѣть обширное примѣненіе, состоитъ вся изъ разговора между Егоромъ и Одиссемъ; первый самъ сжегъ до тла свой дворъ, а другой, чтобъ не сдѣлать пожару, въ потьмахъ попелъ на ледникъ за пивомъ и, свалившись съ лѣстницы, сдѣлался калѣкою.

«Для пьянаго и со свѣчою худо,
Да вряд, не хуже ль и въ потьмахъ!»

Разсказы, взятые Крыловымъ прямо изъ народнаго быта, примыкаютъ по содержанію своему къ обозначенному уже отдѣлу, но по формѣ должны составить въ немъ особенный разрядъ.

О превосходствѣ басенъ Крылова было столько говорено, что едвали остается что-либо прибавить къ высказаннымъ похваламъ. Но въ чемъ же дѣйствительная заслуга Крылова? Не будетъ ли справедливо, спроситъ иной, придти наконецъ къ заключенію, что онъ, выразивъ общеизвѣстныя истины, хотя и въ художественной формѣ, не сказалъ ничего новаго? Онъ не былъ, могутъ замѣтить, ни ученымъ, ни даже высокообразованнымъ или особенно-дѣятельнымъ и благородно-мыслящимъ человѣкомъ. Онъ уже при жизни былъ достаточно вознагражденъ за незначительный трудъ сочиненія басенъ и не пора ли, наконецъ, забыть увлеченіе, возбужденное въ его современникахъ замысловатыми апологами, которые были въ духѣ той эпохи, но потеряли цѣну для нашего серьезнаго времени? Какъ ни странно такое сужденіе, но намъ случалось его слышать, и потому не излишне будетъ распространиться нѣсколько объ умственной и нравственной физіономіи Крылова, и о значеніи его басенъ. Точно ли Крыловъ не былъ высокообразованнымъ человѣкомъ? Ученымъ онъ дѣй-

ствительно не быть, хотя, изучивъ греческій языкъ въ 50-тилѣтнемъ возрастѣ, съ цѣлію удивить своего друга, переводчика Иліады Гнѣдича, и показалъ, что, по своимъ способностямъ, могъ бы съ честію посвятить себя наукѣ, еслибъ тому не помѣшали обстоятельства и особыя свойства его природы. Во время служенія своего при Публичной библіотекѣ Крыловъ задумалъ было составить библіографическій указатель ко всѣмъ русскимъ журналамъ, но, разумѣется, при непривычкѣ къ подобнымъ трудамъ, остановился въ самомъ началѣ этого предпріятія. Хотя художественное призваніе увлекало его къ дѣятельности другаго рода, однакожъ онъ всегда питалъ глубокое уваженіе къ знанію и наукѣ. Еще въ *Почтѣ Духовъ* были цѣлыя письма, посвященныя защитѣ образованія; такова же цѣль и нѣсколькихъ басенъ его; разсказъ о животномъ, которое, напитавшись желудями подъ дубомъ, стало рыломъ подрывать корни его, оканчивается стихами:

«Невѣжда такъ же въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды».

При всей своей видимой наклонности къ бездѣйствію, Крыловъ, въ художественномъ творчествѣ, не гнушался труда. Напрасно многіе думаютъ, что сочиненіе басенъ легко доставалось ему. Возможное совершенство во всякомъ произведеніи искусства рѣдко достигается безъ настойчивыхъ усилій. Такъ было и съ Крыловымъ. Теперь уже несомнѣнно, что онъ долго отдѣлывалъ свои басни, возвращался къ нимъ неоднократно и многія изъ нихъ совершенно передѣлывалъ по нѣскольку разъ. Природная лѣнь никогда не мѣшала ему сознавать превосходство дѣятельности. Въ образахъ «пруда и рѣки» онъ наглядно представилъ разницу бездѣйствія и труда, объяснивъ свою мысль такимъ заключеніемъ:

«Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станетъ».

Крыловъ обладалъ глубокимъ умственнымъ и нравствен-

нымъ образованіемъ, чему краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ всѣ его литературные труды, въ которыхъ съ самой юности своей онъ выражалъ неизмѣнно-здравыя убѣжденія о святости долга, о высокомъ значеніи гражданской честности, и глубокую ненависть ко всему, что унижаетъ достоинство человѣка, на какой бы общественной ступени онъ ни стоялъ. Всю жизнь онъ преслѣдовалъ корыстолюбіе, лицемѣріе, чванство, лесть, обманъ; всю жизнь онъ старался словомъ своимъ просвѣщать общество и наводить сограждан на путь истины, долга и чести. Смолоду онъ, подобно Карамзину, отказался отъ всѣхъ приманокъ честолюбія, корысти и тщеславія; смолоду дорожилъ болѣе всего духовными благами и съ жаромъ устремился къ пріобрѣтенію знаній. 15-ти-лѣтнему юношѣ, принужденному отказывать себѣ въ самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ своего возраста, петербургскій книгопродавецъ Брейткопфъ предлагаетъ 60 руб. за первый драматическій трудъ его; но начинающій писатель предпочитаетъ получить, вмѣсто денегъ, нѣсколько томовъ знаменитыхъ французскихъ авторовъ, — черта, еще не довольно оцѣненная въ біографіи баснописца. Не получивъ никакого правильнаго образованія, молодой Крыловъ съ жадностію поглощаетъ книги и знакомится съ замѣчательнѣйшими явленіями европейской литературы. Объ этой ранней начитанности свидѣтельствуютъ всѣ его юношескія сочиненія: вотъ еще примѣръ того, что такъ часто поражаетъ насъ при изученіи нашихъ литературныхъ дѣятелей: Сумароковъ, Державинъ, Карамзинъ были въ большей или меньшей степени самоучками; Крыловъ — болѣе нежели кто-либо изъ нихъ. Въ томъ возрастѣ, когда Ломоносовъ только-что начиналъ учиться въ Спасскихъ школахъ, Крыловъ былъ уже писателемъ, обнаруживавшимъ замѣчательную умственную зрѣлость. Онъ имѣлъ предъ Ломоносовымъ и Карамзинымъ великое преимущество, — счастіе провести годы дѣтства подъ надзоромъ заботливой матери, и это преимущество было чрезвычайно плодотворно для его будущности. Почти сверстникъ Карамзина, онъ пошелъ совершенно другой дорогой и сдѣлался, какъ мы видѣли, его противникомъ; ихъ разномысліе еще болѣе поддерживалось различнымъ поприщемъ ихъ дѣятельности: одинъ былъ писатель московскій, другой — петер-

бургскій: особаго рода антагонизмъ, тогда въ первый разъ рѣзко обозначившійся въ нашей литературѣ. Любопытные факты представляетъ исторія нашей умственной дѣятельности. Новый періодъ ея начался въ Петербургѣ, въ трудахъ питомца европейской науки, академика Ломоносова. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ Москва становится поприщемъ молодаго Карамзина, вносящаго въ русскую литературу западно-европейскіе элементы дальнѣйшаго развитія, а противникъ его Крыловъ, предпочитающій разработку слова въ чисто народномъ духѣ, дѣйствуетъ въ Петербургѣ. Проведя свое дѣтство сперва на южномъ концѣ Россіи, на Уралѣ, а потомъ въ одной изъ приволжскихъ губерній, Крыловъ почерпнулъ первыя умственныя пріобрѣтенія свои почти изъ той же сокровищницы, какъ Ломоносовъ; народный бытъ и народный языкъ сдѣлались для обоихъ источниками драгоцѣнныхъ для будущей ихъ дѣятельности знаній и образовъ.

Въ послѣднемъ періодѣ своего поприща Державинъ, Крыловъ и Карамзинъ сошлись въ Петербургѣ. Между двумя первыми завязались дружескія отношенія; Крыловъ, въ молодости подражавшій Державину, теперь самъ сдѣлался образцомъ для престарѣлаго лирика, который въ свои басни видимо вносилъ нѣкоторыя черты Крыловскаго апологa, отдавая полную справедливость уму и тонкости нашего народнаго баснописца[1]. Говорятъ, что положеніе баснописца между шишковской Бесѣдой и Арзамасомъ было нѣсколько двусмысленно; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ фактовъ для повѣрки этого преданія; но, судя по частымъ чтеніямъ Крылова въ Бесѣдѣ, онъ примкнулъ къ ней довольно тѣсно. Не забудемъ прежнихъ отношеній между нимъ и Карамзинымъ, которыя могли оставить нѣкоторый отстой въ душѣ обоихъ писателей. Нельзя впрочемъ думать, чтобъ Крыловъ искренно сочувствовалъ Шишкову и его школѣ; напротивъ, извѣстно, что онъ подшучивалъ надъ Бесѣдой, и къ ней, по современному свидѣтельству, относится его басня *Квартетъ*,

[1] Это видно между прочимъ изъ четверостишія Державина: *Судъ о баснописцахъ*, начинающагося такъ:

«Езопъ, Хемницера зря, Дмитрева, Крылова,
Послѣднему сказалъ: Ты тонокъ и уменъ».

(*Соч. Держ.*, изд. А. Н., т. III, стр. 520).

написанная по поводу приготовленій для пріема въ Бесѣдѣ Государя. Педантизмъ, тупоуміе и спѣсь, во всѣхъ видахъ, были ненавистны нашему баснописцу. Во второй половинѣ жизни, умудренный опытомъ, осторожный, почти никогда не высказывавшійся искренно, онъ, по самому характеру своему, не могъ быть человѣкомъ партіи и вступилъ въ Бесѣду скорѣе по личнымъ, отчасти случайнымъ отношеніямъ своимъ, нежели по убѣжденію. Есть мнѣніе, набрасывающее тѣнь на личный характеръ Крылова: Вигель представляетъ его человѣкомъ холоднымъ, себялюбивымъ, равнодушнымъ ко всякому высшему интересу и угодливымъ изъ разсчета. По сужденія современниковъ о личности всякаго писателя, а тѣмъ болѣе о личности сатирика требуютъ строгой критической повѣрки: въ настоящемъ случаѣ, надобно принять въ соображеніе, что Крыловъ своею сатирой, очень прозрачной часто и въ басняхъ его, своими остроумными и мѣткими выходками въ свѣтѣ конечно возбуждалъ противъ себя расположеніе многихъ и не могъ не имѣть враговъ, которые, безъ сомнѣнія, не упускали случая мстить даровитому обличителю пороковъ и странностей. Я уже имѣлъ честь указать на пасквиль, въ которомъ баснописецъ знаменательно названъ *зоилом*. Весьма вѣроятно, что и враждебный ему приговоръ желчнаго Вигеля былъ вызванъ какою-нибудь насмѣшкой или горькою правдой, кольнувшей глаза бывшему зубриловскому ученику его[1]. О томъ, что Крыловъ вооружалъ противъ себя бездарность и посредственность, можно судить по его отношеніямъ къ графу Хвостову. Сначала неутомимому стихотворцу очень польстило, что Крыловъ, поступивъ на службу въ Публичную библіотеку, просилъ его прислать свои сочиненія, которыхъ тамъ еще не было. Но потомъ, находя, что осторожный баснописецъ не довольно его хвалитъ и даже иногда тонко издѣвается надъ нимъ, онъ охладѣлъ къ Крылову и не упускалъ случая отплатить ему той же монетой. Особенно кольнуло Хвостова одно критическое замѣчаніе остроумнаго поэта. Стихи перваго на отъѣздъ двухъ высокихъ лицъ начинались словами:

«Изъ нѣдръ отечества надежда, честь Россіи»...

---

[1] См. ниже *Дополнительное извѣстіе.*

Прочитавъ это, Крыловъ шутя замѣтилъ, что слѣдовательно по отъѣздѣ этихъ особъ Россія остается безъ чести и надежды. Обиженный авторъ написалъ и едва не напечаталъ предлинную антикритику на эту шутку. Въ другой разъ посредственный стихотворецъ, Пожарскій, принесъ къ Хвостову въ рукописи свой разборъ басенъ Крылова, состоявшій изъ однихъ придирчивыхъ замѣчаній на слова. Забавный отзывъ свой на эту критику самъ Хвостовъ увѣковѣчилъ въ своихъ рукописныхъ тетрадяхъ. «Сіе все справедливо», отвѣчалъ онъ: «но молодаго поэта (т. е. Крылова), ежели онъ грамматикѣ не учился, не научишь. Лучше бы было, еслибъ г. критикъ замѣтилъ, что вообще во всѣхъ басняхъ слогъ Крылова вялъ, растянутъ и гонится за остротой: Крыловъ у своихъ предшественниковъ лавра не вырветъ»[1].

Возвращаясь къ обвиненіямъ, взводимымъ на характеръ баснописца, заключимъ замѣчаніемъ, что безъ положительныхъ фактовъ, мы не имѣемъ права обременять упреками частную жизнь писателя, который въ своихъ произведеніяхъ является краснорѣчивымъ проповѣдникомъ добра, чести и правды. Крыловъ еще въ молодости велъ небезопасную войну съ предразсудками и пороками. И если въ позднѣйшемъ возрастѣ онъ прикрылъ свои нападенія не такъ легко проницаемой оболочкой, то не надобно забывать, что къ этому могли побудить его печальные опыты прошлаго. Есть много обстоятельствъ, говорящихъ противъ обвиненія Крылова въ холодности и эгоизмѣ. Извѣстны его нѣжныя отношенія къ отсутствовавшему брату[2]; у него есть басни, дышащія глубокимъ чувствомъ: въ описаніи дружбы двухъ голубей слышится трогательный голосъ сердца, подъ который поддѣлаться невозможно; о томъ же свидѣтельствуютъ его отношенія къ дому Олениныхъ, которымъ онъ за ихъ доброе расположеніе къ нему платилъ горячею благодарностью.

Говорятъ, что басня есть форма поэзіи слишкомъ тѣсная для фантазіи и въ наше время устарѣлая. Но эта форма такъ при-

---

[1] См. Рукописи графа Д. И. Хвостова, находящіяся у М. И. Семевскаго, тетрадь № 42.

[2] См. въ *Русск. Арх.* 1868 г., № 2, статью г. Кеневича: *Левъ Андреевичъ Крыловъ.*

шлась по уму и праву Крылова, что именно въ ней было ему всего привольнѣе и только въ ней могъ онъ проявить свой художественно-сатирическій талантъ во всей его силѣ и полномъ блескѣ. Тѣмъ изумительнѣе этотъ талантъ, если онъ въ сухую, повидимому, форму сумѣлъ вложить такъ много жизни и поэзіи, что въ первый разъ представилъ образцы народнаго искусства въ словѣ. Названіе *баснописца*, дѣйствительно, не довольно почетно для Крылова. Онъ выше своего рода и доказалъ, что не мѣсто краситъ человѣка, а наоборотъ. Его басня многозначительна, не какъ басня, а какъ созданіе, въ которомъ художественно воплотился умъ и опытная мудрость цѣлаго народа. Какъ ни высоко правоописательное и правоучительное значеніе произведеній Крылова, одного этого достоинства было бы недостаточно, чтобъ доставить имъ безсмертіе: для этого, къ нему должны были присоединиться эстетическая красота и отраженіе народнаго духа. Крыловъ-человѣкъ могъ имѣть конечно свои несовершенства въ частной жизни; но *тотъ человѣкъ*, который является намъ въ его баснях, есть высокій мудрецъ, исполненный правилъ чести и добродѣтели, гонитель всякой лжи и низости, защитникъ науки и мысли противъ невѣжества и глупости, наконецъ наставникъ современниковъ и потомства. Что можетъ быть выше этого въ призваніи писателя? Со времени перваго торжественнаго признанія заслугъ Крылова прошло ровно 30 лѣтъ; смѣнилось и возросло цѣлое поколѣніе, а слава Крылова все та же; она переживетъ конечно еще и нашихъ внуковъ. Подтверждая приговоръ другаго поколѣнія, порадуемся, что участіемъ нашимъ въ общественномъ юбилеѣ Крылова намъ удалось заявить свое сочувствіе къ національному направленію современной умственной жизни.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ
БІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ О КРЫЛОВѢ.

Занимающимся исторіей русской литературы извѣстно, какъ скудны матеріалы для біографіи Крылова. Самъ онъ, какъ человѣкъ, сосредоточенный въ себѣ и осторожный, былъ очень не сообщителенъ по этому предмету. Изъ его современниковъ никто, къ сожалѣнію, не постарался вывѣдать у него по болѣе положительныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ его жизни до той поры, когда онъ сталъ обращать на себя общее вниманіе. Самъ преосвященный Евгеній, собиравшій для своего словаря такъ много біографическихъ данныхъ, часто даже относительно менѣе замѣчательныхъ лицъ, не далъ себѣ труда запастись матеріалами для біографіи Крылова. Въ его словарь занесено объ этомъ писателѣ не болѣе восьми самыхъ незначительныхъ строчекъ[1]. Дѣло оставалось въ томъ же положеніи почти до самой смерти баснописца. Юбилей его въ 1838 году нѣсколько усилилъ любознательность въ этомъ отношеніи. Въ концѣ 1843 года, т. е. только за годъ до смерти Крылова, нашлась дама, которая за-

[1] «Крыловъ, И. А. титулярный совѣтникъ, членъ Россійской Академіи, сочинилъ: 1) комедію въ 3-хъ дѣйств., подъ заглавіемъ: *Модная лавка*, напечатана въ С.-Петербургѣ, 1807 г. 2) комедію въ 1-мъ дѣйств., *Урокъ дочкамъ*, напечатана того же года и тамъ же. 3) *Басни въ стихахъ*, коихъ 23 напеч. въ С.-Петерб., 1809 г., а сверхъ того нѣкоторыя въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова.»

хотѣла воспользоваться возможностью услышать отъ знаменитаго писателя его біографію и ѣздила къ нему для разспросовъ о его прошломъ. Это была г-жа Карлгофъ, которая вслѣдъ затѣмъ и напечатала въ «Звѣздочкѣ» статью о Крыловѣ [1]. Эта статья послужила однимъ изъ главныхъ источниковъ для біографіи, составленной вскорѣ послѣ его смерти П. А. Плетневымъ. Онъ внесъ въ нее сверхъ того личныя свои воспоминанія изъ разсказовъ покойнаго писателя, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, а также и нѣкоторыя подробности, переданныя ему другимъ пріятелемъ Крылова, Я. И. Ростовцовымъ. Немного позже эти свѣдѣнія дополнилъ еще нѣсколькими новыми чертами М. Е. Лобановъ [2], также пользовавшійся знакомствомъ баснописца. Наконецъ, кое-что присоединилъ еще Бантышъ-Каменскій въ своемъ «Словарѣ достопамятныхъ людей» [3].

Во всѣхъ этихъ статьяхъ біографія Крылова представляетъ болѣе или менѣе значительныя недомолвки и пробѣлы, а иногда и неясность. Такъ всѣ онѣ, съ небольшими отличіями, повторяютъ, что Крыловъ въ 1801 или 1802 г. поступилъ на службу къ рижскому военному губернатору князю С. Ѳ. Голицыну. Это извѣстіе совершенно справедливо, но затѣмъ почти всѣ, не исключая и Лобанова, говорятъ, что Крыловъ, по оставленіи княземъ этой должности, ѣздилъ съ нимъ въ его саратовское имѣніе, Зубриловку, и пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ Лобановъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи упоминаетъ, что Крыловъ въ 1798 году находился въ помѣстьѣ князя Голицына; изъ остальныхъ же двухъ статей нельзя заключить, чтобъ нашъ писатель еще до начала нынѣшняго столѣтія былъ близокъ къ этому дому. Плетневъ даже положительно говоритъ, что въ 1801 году императрица Марія Ѳедоровна поручила Крылова рижскому военному губернатору, въ чемъ едвали оказалась бы надобность, еслибъ Иванъ Андреевичъ тогда уже пользовался расположеніемъ князя.

За такую неточность фактическихъ указаній мы однакожъ не въ правѣ строго винить названныхъ біографовъ Крылова,

[1] *Звѣзд.* ч. IX, 1844, № 1-й.
[2] *Сынъ Отеч.* 1844, № 1-й.
[3] М. 1847.

потому что имъ недоставало источниковъ. Мы и теперь еще не можемъ вполнѣ исправить замѣченныхъ недостатковъ; но и то уже хорошо, что они обнаруживаются. Нѣкоторый свѣтъ на эту эпоху жизни Крылова бросаютъ записки Вигеля, которыя еще не были изданы, когда писались указанныя статьи. Этими записками уясняется біографія самого князя Голицына, а съ нею отчасти и біографія Крылова. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Вигель попалъ въ кіевское имѣніе Голицыныхъ, *Казацкое*, въ февралѣ 1799, когда, по его словамъ, еще не было года, какъ тамъ поселилось это семейство. Князь находился въ то время при арміи, на походѣ въ Литвѣ. Императоръ Павелъ, при вступленіи на престолъ, осыпалъ его ласками и наградами; скоро, однакожъ, Голицынъ долженъ былъ оставить службу и поселиться въ Москвѣ. «Но когда война съ Французами», разсказываетъ Вигель, «заставила вызвать Суворова изъ заточенія, тогда вспомнили и о другихъ брошенныхъ мечахъ Екатерины. Призванный въ Петербургъ, обласканный, Голицынъ отправился ко ввѣренному ему корпусу».

Съ нетерпѣніемъ ожидала княгиня извѣстія отъ мужа изъ арміи, какъ вдругъ она получила письмо, которымъ онъ увѣдомлялъ ее, что государь за что-то на него прогнѣвался, отставилъ его отъ службы, отдалъ корпусъ его генералу де-Ласси, а ему велѣлъ жить въ деревнѣ, куда и дѣйствительно черезъ три дня прибылъ самъ князь Голицынъ.

Въ числѣ постороннихъ лицъ, находившихся въ то время въ Казацкомъ, Вигель описываетъ и Крылова. Какимъ же образомъ попалъ онъ сюда? «Неимущій, безпечный юноша», отвѣчаетъ Вигель, «онъ долго не имѣлъ собственнаго угла и всегда гостилъ у кого-нибудь. *Такимъ образомъ* попалъ онъ къ князю Голицыну и жилъ у него уже два года до нашей встрѣчи» (слѣдовательно съ начала 1797 г.?). «Онъ сопутствовалъ ему въ арміи и въ званіи частнаго секретаря, надѣялся за границей получить новыя впечатлѣнія, пріобрѣсть новыя познанія; но неблагопріятный оборотъ, который взяли дѣла его патрона, заставилъ его съ нимъ вмѣстѣ укрыться въ деревнѣ»[1]. Изъ этихъ словъ

[1] *Восп. Вигеля*, ч. I, стр. 142.

можно вывести, что Крыловъ былъ взятъ Голицынымъ еще въ началѣ царствованія Павла, жилъ при князѣ въ Москвѣ, потомъ сопровождалъ его въ Литву и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Казацкое въ февралѣ 1799[1].

По мнѣнію автора «Воспоминаній», Крыловъ «былъ тогда лѣтъ 36 и болѣе 12 извѣстенъ въ литературѣ. Онъ находился у насъ», прибавляетъ Вигель, «въ качествѣ пріятнаго собесѣдника и весьма умнаго человѣка, а о сочиненіяхъ его никто, даже онъ самъ, никогда не говорилъ. Мнѣ это досель еще непонятно: отъ того ли сіе происходило, что онъ не былъ иностранный писатель? отъ того ли, что въ это время у насъ дорожили одною только воинскою славой? Какъ бы то ни было, но я не подозрѣвалъ, что каждый день вижу человѣка, *коего творенія печатаются, играются на сценѣ и читаются* всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи; еслибы зналъ это, то конечно смотрѣлъ бы на него совсѣмъ иными глазами».

Въ этихъ строкахъ обнаруживается совершенное незнаніе хода авторской дѣятельности Крылова: до пребыванія въ домѣ Голицыныхъ онъ еще не пользовался той литературной славой, о которой тутъ говорится; правда, онъ уже показалъ себя замѣчательнымъ сатирикомъ, но журналы, въ которыхъ онъ участвовалъ въ этомъ качествѣ, давно прекратились, а два-три театральныя сочиненія, написанныя имъ въ прежнее время, не имѣли успѣха. Журналъ *Почта Духовъ* выходилъ за 10 лѣтъ до сближенія Вигеля съ Крыловымъ, но это изданіе не доставило послѣднему той извѣстности, на которую первый указываетъ.

Неосновательность сужденія Вигеля въ этомъ случаѣ даетъ мѣрило и для оцѣнки его отзыва о нравственной сторонѣ Крылова. Что касается до его взгляда на тогдашній возрастъ будущаго баснописца, то надобно принять, что или онъ казался старѣе, нежели былъ на самомъ дѣлѣ, или что годъ его рожденія означается невѣрно. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы до сихъ

---

[1] Г-жа Сумарокова, показанія которой будутъ переданы ниже, совершенно отрицаетъ это свидѣтельство Вигеля о двукратной немилости князя Голицына и переѣздахъ его съ Крыловымъ: по ея положительному увѣренію, они вмѣстѣ жили въ Казацкомъ безвыѣздно съ осени 1797 г. до весны 1801 года.

поръ имѣемъ, выходитъ, что онъ уже 14-ти лѣтъ написалъ оперу *Кофейница;* но позднему же началу и недостаточности ученія Крылова позволительно усомниться, чтобъ онъ такъ рано могъ сдѣлаться авторомъ, да еще драматическимъ. Не явился ли Иванъ Андреевичъ на свѣтъ годиками тремя-четырьмя ранѣе того срока, къ которому мы относимъ его рожденіе? Въ такомъ случаѣ, если, напримѣръ, онъ родился въ 1764 году, ему въ концѣ столѣтія дѣйствительно могло быть лѣтъ 36, какъ показалось Вигелю[1].

Между лицами, которыхъ авторъ *Воспоминаній* засталъ въ Казацкомъ, была и молодая родственница Голицыныхъ, въ то время дѣвочка лѣтъ 13-ти, Марья Павловна Сумарокова, отецъ которой (племянникъ извѣстнаго писателя) прежде служилъ въ Преображенскомъ полку подъ начальствомъ князя Сергѣя Ѳедоровича и женился на двоюродной сестрѣ его, княгинѣ Маріѣ Васильевнѣ Голицыной. Родившіеся отъ этого брака сынъ и дочь воспитывались въ домѣ Сергѣя Ѳедоровича. Отецъ ихъ, будучи принужденъ оставить службу, находился тогда вмѣстѣ съ ними въ Казацкомъ. Мать этихъ дѣтей была въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что не могла сама заботиться объ ихъ воспитаніи и не послѣдовала за ними.

Памятникомъ совмѣстнаго пребыванія Крылова и Маріи Павловны Сумароковой въ Казацкомъ осталось подлинное письмо его къ ней, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ было подарено ею Императорской Публичной библіотекѣ. По распоряженію директора библіотеки, И. Д. Делянова, съ этого письма былъ сдѣланъ литографированный снимокъ, по которому оно и напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1865 года (стр. 992—994).

На этомъ письмѣ не означено время, когда оно написано, и потому самыя обстоятельства, которыя въ немъ упоминаются, оставались до сихъ поръ не совсѣмъ понятными[2]. Чтобъ разъ-

[1] По словамъ М. П. Сумароковой, Крылову тогда могло быть даже лѣтъ 38. Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, чтобъ онъ не зналъ въ точности своего возраста. Въ провинціальномъ русскомъ быту подобное невѣдѣніе и теперь еще встрѣчается. Свѣдѣніе о рожденіи его въ 1768 году въ первый разъ напечатано въ *Опытѣ краткой исторіи русск. лит.* Греча, въ 1822 году, когда и по общепринятому разсчету баснописцу было уже 54 года.

[2] Это видно напр. изъ того, что г. Лавровскій въ *Ж. Мин. Нар. Просв.*

яснить ихъ и тѣмъ способствовать къ пополненію біографіи Крылова, я обращался къ почтенной Марьѣ Павловнѣ, которая, какъ и другая, лично знавшая его дама, Варвара Алексѣевна Оленина, свято хранитъ воспоминаніе о знаменитомъ писателѣ. Считаю обязанностью передать въ общее свѣдѣніе то, что̀ я слышалъ отъ М. П. Сумароковой.

Сколько сей извѣстно, знакомство Крылова съ княземъ Голицынымъ началось около времени коронаціи императора Павла, совершившейся въ апрѣлѣ 1797 года. Вскорѣ послѣ этого событія князь впалъ въ немилость за неуваженіе къ кому-то изъ новыхъ временщиковъ и получилъ повелѣніе жить въ деревнѣ. Онъ отправился въ Казацкое, а съ нимъ и нѣсколько лицъ, хотѣвшихъ показать ему свою преданность[1]; тогда онъ взялъ съ собою и Крылова. Поѣхали на Зубриловку (что нынѣ въ Балашевскомъ уздѣ, Саратовской губерніи), и вотъ въ какое время (въ іюлѣ и августѣ 1797 г.) Крыловъ пожилъ въ этомъ прекрасномъ имѣніи, гдѣ онъ, страдая отъ комаровъ и мошекъ, искалъ спасенія отъ нихъ на высокой колокольнѣ, и однажды найденъ былъ спящимъ подъ самыми колоколами[2].

Въ Казацкое прибыли уже въ позднюю осень. Тамъ по обѣ стороны барскаго дома, было по три деревянныхъ флигеля (а не мазанки, какъ говоритъ Вигель). Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась контора имѣнія; тутъ же отвели комнату и Крылову. Въ

(февр. 1868, стр. 405) могъ усомниться даже въ эпохѣ, къ которой отнесено это письмо въ *Архивѣ*, и принять съ своей стороны, что оно написано въ 1806 или даже 1807 году.

[1] Напр. Петръ Иван. Поливановъ. Многочисленное общество отправилось на долгихъ; на пути князь останавливался во всѣхъ значительныхъ городахъ, въ Тулѣ, въ Воронежѣ и въ другихъ, и пировалъ въ каждомъ: съ нимъ была роговая музыка; оркестръ состоялъ изъ 40 человѣкъ, умѣвшихъ играть и на духовыхъ инструментахъ. Какъ устроена была его домашняя жизнь, можно судить изъ того, что въ его Зубриловкѣ было не менѣе 600 дворовыхъ людей.

[2] Въ Зубриловкѣ разсказывали мнѣ еще анекдотъ о Крыловѣ. До князя Голицына дошло, что иногда гость его, для облегченія себя отъ зноя, днемъ ложится въ постель, раздѣвшись до нага. Князь захотѣлъ въ шутку пристыдить его и однажды вошелъ къ нему, когда онъ только что успѣлъ расположиться такимъ образомъ. Крыловъ до того перепугался, что выскочилъ голый изъ постели и сѣлъ у письменнаго стола: видя же удивленіе князя, сталъ увѣрять, что это случилось съ нимъ въ первый разъ отъ нестерпимой жары.

строеніи, гдѣ была баня, давалъ онъ уроки двумъ молодымъ князьямъ и Маріѣ Павловнѣ; въ сосѣднемъ покоѣ (въ самой банѣ, гдѣ полокъ) занимался еще ученикъ; его отдѣляли потому, что боялись его шалостей: это и былъ столь опасный впослѣдствіи языкомъ своимъ Ф. Ф. Вигель[1]; во время уроковъ онъ иногда вбѣгалъ въ общую учебную комнату съ вопросами учителю или просто изъ любопытства; тутъ-то, вѣроятно, и зародилось его нерасположеніе къ человѣку, не щадившему его самолюбія (Крыловъ называлъ его вздорнымъ мальчикомъ). Отецъ Вигеля былъ комендантомъ въ Кіевѣ; но такъ какъ въ то время чувствовался недостатокъ въ средствахъ для воспитанія, то онъ охотно отдалъ мальчика въ домъ Голицынныхъ, гдѣ жили извѣстные намъ уже по *Воспоминаніямъ* Вигеля наставники, французы Роллень и Керлеро.

Крыловъ не отъ скуки, какъ увѣряетъ Вигель, а по преданности къ семейству, его пріютившему, вызвался учить двухъ сыновей Голицынныхъ русскому языку; къ нимъ присоединилась и М. П. Сумарокова, которую онъ полюбилъ, хваля въ ней доброе сердце и способности. За грамматикой, вспоминаетъ она, Крыловъ не очень гонялся, а болѣе упражнялъ ее диктовкой и переводами и поощрялъ къ самодѣятельности, совѣтуя писать письма въ видѣ дневника, о чемъ и упомянуто въ указанномъ письмѣ его. Такъ какъ въ деревнѣ не было учителя музыки, то Иванъ Андреевичъ, владѣя скрыпкою, аккомпанировалъ свою молодую ученицу, игравшую на фортепіано. Иногда Крыловъ давалъ маленькіе концерты для домашнихъ; разъ онъ игралъ такимъ образомъ пьесу извѣстнаго въ то время скрыпача Жерновика, и М. П. еще помнитъ смущеніе, съ какимъ онъ началъ играть. Картъ въ Казацкомъ не являлось; самъ князь любилъ шахматы, а Иванъ Андреевичъ предпочиталъ триктракъ и часто проводилъ за нимъ время съ молодымъ княземъ Сергѣемъ.

Тотчасъ, по вступленіи на престолъ императора Александра I, князь Голицынъ былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ лифляндскимъ военнымъ губернаторомъ. Отправляясь въ столицу, онъ взялъ съ собою и Крылова; Марья Павловна осталась съ

[1] Род. въ 1786 г. Онъ былъ ровесникъ г-жи Сумароковой.

своей тетушкой въ Казацкомъ до коронаціи, на которую, къ сентябрю мѣсяцу, всѣ должны были съѣхаться въ Москву. Въ этомъ-то промежуткѣ времени, именно въ августѣ 1801 г., когда княгиня и ея племянница были уже тамъ, Крыловъ, находясь еще въ Петербургѣ, и написалъ къ своей ученицѣ письмо напечатанное въ *Архивѣ*.

Названная въ немъ *Прасковья Андреевна*, въ дѣвицахъ Кіевская, въ замужествѣ Таманская[1], которой не забылъ и Вигель, была дочь зубриловскаго управляющаго; няня Кузминишна, также упомянутая Крыловымъ, была хотя и не грамотная, но очень умная и добрая женщина. Она всегда присутствовала, съ вязаньемъ въ рукахъ, при урокахъ Крылова Марьѣ Павловнѣ. Наконецъ, въ письмѣ говорится о воробьѣ и канарейкахъ его ученицы. «Еслибъ это», пишетъ Иванъ Андреевичъ, «попалось мнѣ гдѣ-нибудь въ книгѣ, то бы меня ни въ половину такъ не тронуло; для того, что я бы почелъ это за сказку». Мѣсто это требуетъ нѣкотораго поясненія. Марья Павловна была большая охотница до птицъ и, между прочимъ, забавлялась воспитаніемъ воробьевъ. Одна изъ такихъ птичекъ жила въ ея комнатѣ и сдѣлалась удивительно ручною. Это было не совсѣмъ пріятно княгинѣ, которая раздѣляла повѣрье, что воробей въ домѣ предвѣщаетъ несчастье. Когда наступила весна, М. П., боясь, чтобъ любимецъ ея не вылетѣлъ изъ оконъ, придѣлала къ нимъ сѣтки. Но воробей въ одной изъ нихъ успѣлъ пробить себѣ отверзтіе и, къ крайнему горю своей хозяйки, вырвался на волю. Прошло нѣсколько недѣль; его считали уже пропавшимъ, когда разъ онъ вдругъ опять подлетѣлъ къ окну, но уже не одинъ, а съ дѣтками, выведенными имъ въ лѣсу. Онъ не забылъ своей хозяйки и сѣлъ къ ней на руку. Радость была неописанная. Птичка и ея семейство были водворены въ домѣ. Готовясь къ отъѣзду, М. П. просила свою тетушку взять съ собой и воробья; но та объявила, что если онъ останется въ ея рукахъ, то она велитъ свернуть ему голову. Нечего было дѣлать: пришлось его выпустить. Прочихъ

[1] Таманскій, о которомъ также говоритъ Вигель, былъ пріемышъ князя Голицына, жившій уже у него, когда Сергѣй Ѳедоровичъ женился на Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ сыновьями отъ этого брака.

птичекъ своихъ, канареекъ, молодая путешественница рѣшилась увезти въ Москву, и въ дорогѣ, подпявъ окна кареты, выпускала ихъ изъ клѣтокъ.

Въ *Казацкомъ*, а не въ Зубриловкѣ, какъ до сихъ поръ думали, Крыловъ написалъ свою *шуто-трагедію* «Трумфъ». Эта пьеса играна въ деревнѣ; самъ авторъ исполнялъ роль Трумфа; роль цыганки онъ нарочно придумалъ для любимой имъ ученицы. Здѣсь же была написана утратившаяся впослѣдствіи комедія его *Пирогъ*.

По свидѣтельству Марьи Павловны, онъ послѣ того никогда не бывалъ уже ни въ Казацкомъ, ни въ Зубриловкѣ; послѣднее изъ этихъ имѣній онъ посѣтилъ только разъ, какъ уже было замѣчено, по пути въ Казацкое, гдѣ прожилъ отъ осени 1797 года до весны 1801. Въ этомъ послѣднемъ году, послѣ коронаціи, слѣдовательно осенью, поѣхалъ онъ съ княземъ Голицынымъ въ Ригу правителемъ его канцеляріи. Вскорѣ однакожъ обнаружилась его неспособность къ такой должности, тѣмъ болѣе, что онъ полюбилъ карты, играя сперва въ маленькій банкъ съ дамами, а потомъ перейдя и къ большому. Намѣсто его былъ назначенъ въ названную должность бывшій при князѣ свѣдущій чиновникъ Сергѣевъ, а Крыловъ еще нѣсколько времени оставался въ домѣ только какъ собесѣдникъ. Домашнимъ секретаремъ князя онъ никогда не былъ; въ Казацкомъ Сергѣю Осдоровичу помогалъ въ небольшой его, по тогдашнимъ обстоятельствамъ[1], перепискѣ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ. Нѣтъ никакихъ извѣстій, по которымъ можно бы было заключить, что Иванъ Андреевичъ полюбилъ карты прежде переселенія въ Ригу. Извѣстно, что князь пробылъ здѣсь не долго, только до 1804 года[2]. По неудовольствіямъ съ кѣмъ-то изъ подчиненныхъ ему генераловъ, онъ сталъ проситься въ отставку; Государь его удерживалъ, но князь не перемѣнилъ своего намѣренія. Въ слѣдующіе затѣмъ годы онъ проводилъ лѣто въ Зубриловкѣ, а на зиму уѣзжалъ въ Москву. Г-жѣ Сумароковой памятно особенно лѣто 1805 года, когда въ именины князя, 5-го іюля, отпраздновапа была, при

[1] Кн. Голицынъ былъ подъ надзоромъ полиціи.

[2] Крыловъ былъ опредѣленъ къ кн. Голицыну 5-го октября 1801, а уволенъ 26-го сентября 1803 года.

множествѣ съѣхавшихся гостей, его серебряная свадьба. Но ни при этомъ случаѣ, ни вообще послѣ пребыванія въ Ригѣ, Крылова въ Зубриловкѣ не было. М. П. все это время оставалась въ семействѣ Голицыныхъ, переѣзжала вмѣстѣ съ ними, но ни въ деревнѣ, ни въ Москвѣ не видала Крылова[1]. Замѣтимъ, что и г-жа Карлгофъ, писавшая объ Иванѣ Андреевичѣ по его собственному разсказу, ничего не упоминаетъ о его пребываніи въ деревнѣ послѣ службы въ Ригѣ, а говоритъ только, что онъ оттуда возвратился въ Петербургъ и долго былъ въ отставкѣ.

Изъ собственныхъ признаній Крылова извѣстно, что онъ, пристрастившись къ карточной игрѣ разъѣзжалъ для нея по разнымъ городамъ и, между прочимъ, посѣтилъ нижегородскую ярмарку. Не къ этому ли періоду (1804—1805) относится такая полукочевая жизнь Крылова? Преданіе говоритъ, что онъ выигралъ въ Ригѣ большую сумму[2] (по воспоминаніямъ М. П. С., 30 т.). На эти деньги онъ могъ прожить довольно долго безъ службы. Не на обратномъ ли пути изъ Нижняго онъ и былъ въ Москвѣ, когда сдѣлался баснописцемъ? О пребываніи его въ этомъ городѣ говоритъ и г-жа Карлгофъ, толкуя однакожъ неправильно, что онъ посѣтилъ Москву «между своими журнальными занятіями и сценическими успѣхами». Журнальныя его занятія кончились съ 1793 годомъ, а сценическія успѣхи относятся къ 1807. Первыя басни его помѣщены И. И. Дмитріевымъ въ двухъ новыхъ книжкахъ *Московскаго Зрителя* 1806. Слѣдовательно личное сближеніе его съ тогдашнимъ корифеемъ басни могло быть не позже, какъ въ концѣ 1805 года.

Единственнымъ литературнымъ изданіемъ Крылова въ началѣ нынѣшняго столѣтія, до этого времени, было вторичное появленіе *Почты Духовъ* въ 1802 году. Соображая обстоятельства, можно предполагать, что эта перепечатка была сдѣлана по соглашенію его съ книгопродавцемъ (Свѣшниковымъ) передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Ригу, осенью 1801 года. Въ замѣткѣ моей о степени участія Крылова въ *Почтѣ Духовъ*, приписан-

[1] Въ 1807 году князь Голицынъ былъ назначенъ областнымъ начальникомъ милиціи, послѣ чего, въ 1809, онъ былъ отправленъ въ Галицію, гдѣ и умеръ отъ удара (въ Тарнополѣ) 20-го января 1810 года.

[2] Словарь Б. Каменскаго.

ной мимоходомъ къ статьѣ о сатирѣ Крылова (В. Е., № 3), я не коснулся еще одного предположенія, незадолго передъ тѣмъ высказаннаго. Въ *Русскомъ Инвалидѣ* за 2-е февраля нынѣшняго года (№ 31) упомянуто о печатныхъ заявленіяхъ, что издателемъ *Почты Духовъ* былъ Радищевъ. Источникомъ этого свѣдѣнія служатъ записки Массона (т. II, стр. 189). Очень желательно было бы, чтобъ дальнѣйшія изслѣдованія подтвердили или отвергли участіе въ этомъ журналѣ автора *Путешествія въ Москву*[1]. Но покуда остается сомнѣніе, не смѣшаны ли въ показаніи Массона имена Радищева и Рахманинова? Статья *Русскаго Инвалида* замѣчаетъ: «Это обстоятельство» (изданіе *Почты Духовъ* Радищевымъ) «важно въ томъ отношеніи, что въ немъ можно искать разъясненія, почему Крыловъ долженъ былъ скоро — два года спустя — оставить службу при Кабинетѣ и оставаться въ отставкѣ до вступленія на престолъ Александра I». Едвали можно принять, что Крыловъ вышелъ изъ Кабинета по непріятностямъ за свою литературную дѣятельность. Въ такомъ случаѣ она не могла бы такъ скоро послѣ того[2], именно съ начала 1792 года, возобновиться съ прежнимъ направленіемъ еще въ бо́льшихъ

---

[1] Почти одновременно съ настоящею статьею, въ первый разъ напечатанною въ концѣ апрѣля 1868 г. въ *С.-Петерб. Вѣдом.*, появилась въ майской книжкѣ *Вѣстника Европы* любопытная статья А. Н. Пыпина подъ заглавіемъ: «Крыловъ и Радищевъ». Авторъ, основываясь на свидѣтельствѣ Массона, считаетъ весьма вѣроятнымъ, что Радищевъ принималъ значительное участіе въ *Почтѣ Духовъ* и приписываетъ ему многія изъ сатирическихъ писемъ этого журнала. Сознавая, что на сторонѣ такого мнѣнія есть не лишенные основанія доводы, нельзя однакожъ не согласиться и съ тѣмъ, что безъ болѣе прямыхъ доказательствъ предположеніе все таки остается предположеніемъ. Когда нѣтъ никакихъ внѣшнихъ данныхъ для рѣшенія вопроса, кѣмъ именно писаны разныя статьи *Почты Духовъ*, то для достиженія путемъ изслѣдованія какого-нибудь болѣе удовлетворительнаго результата необходимо, по крайней мѣрѣ, вполнѣ исчерпать всѣ внутреннія доказательства; въ настоящемъ случаѣ нужно бы внимательно разсмотрѣть всю *Почту Духовъ* въ отношеніи къ содержанію и къ языку, и для того употребить три слѣдующіе пріема: 1) сравнить въ этихъ двухъ отношеніяхъ всѣ письма *Почты Духовъ* между собою; 2) сравнить каждое изъ нихъ съ тѣми статьями *Зрителя* и *Меркурія*, которыя несомнѣнно принадлежатъ перу Крылова, и 3) сравнить всѣ письма *Почты Духовъ* съ сатирическими статьями, такъ же несомнѣнно принадлежащими Радищеву.

[2] Крыловъ былъ опредѣленъ въ Кабинетъ ея в. 1788, марта 11-го, а уволенъ оттуда за болѣзнію 7-го декабря 1790 г.

размѣрахъ и притомъ такъ открыто, на этотъ разъ уже съ именемъ Крылова въ главѣ типографіи и журнала (*Зрителя*). Здѣсь съ именемъ же его стали являться рѣзкія сатирическія статьи, и въ числѣ ихъ извѣстная восточная повѣсть *Каибъ*, что едвали было бы возможно, еслибъ Крыловъ лишился мѣста за *Почту Духовъ*. Гораздо проще предположить, что, по его свойствамъ, всякая служба была ему въ тягость и что онъ рѣшился испытать счастья на другомъ поприщѣ, взяться за содержаніе типографіи и совершенно посвятить себя литературѣ.

Въ статьѣ П. А. Лавровскаго: «О Крыловѣ и его литературной дѣятельности»[1] есть интересныя соображенія о томъ, у какого Львова нашъ баснописецъ въ дѣтствѣ, живя съ матерью въ Твери, могъ пользоваться ученіемъ? Какъ ни правдоподобна догадка, что это былъ извѣстный своимъ образованіемъ и талантами Николай Александровичъ Львовъ, къ нему не можетъ относиться это извѣстіе о дѣтствѣ Крылова. П. А. жилъ въ то время уже въ Петербургѣ; въ Твери же служилъ тогда совѣтникомъ, а потомъ и предсѣдателемъ уголовной палаты Николай Петровичъ Львовъ[2] (дядя Николая Александровича). Вотъ, по всей вѣроятности, лицо, которому Крыловъ такъ много обязанъ былъ своимъ образованіемъ. Братъ этого Львова, Петръ Петровичъ, былъ около того же времени городничимъ въ Торжкѣ[3]. Сынъ этого послѣдняго, Осдоръ Петровичъ, былъ также литераторомъ и извѣстенъ, между прочимъ, какъ издатель *Объясненій* Державина. О личности Николая Петровича, къ сожалѣнію, намъ ничего не извѣстно. Въ то время, какъ онъ занималъ означенныя мѣста въ Твери, намѣстникомъ тверскимъ былъ знаменитый графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, а губернаторомъ Т. И. Тутолминъ. Извѣстіе, будто Крыловъ ходилъ учиться и въ губернаторскій домъ, лишено, кажется, основанія и произошло отъ смѣшенія двухъ значительныхъ должностей въ провинціальной іерархіи.

---

[1] *Журналъ Мин. Нар. Просв.* февр. 1868, стр. 395.

[2] См. *Мѣсяцословы* 1778 и 1781 г.

[3] *Мѣсяцословъ* 1778. — Здѣсь же вторымъ предсѣдателемъ губернскаго магистрата показанъ коллежскій ассессоръ Андрей Прохоровичъ Крыловъ, отецъ писателя.

Кстати, вотъ еще двѣ замѣтки о баснях Крылова. Есть преданіе, объясняющее слѣдующимъ образомъ происхожденіе басни: *Рыбы пляски*. Во время одного изъ своихъ путешествій по Россіи, императоръ Александръ I, въ какомъ-то городѣ, остановился въ губернаторскомъ домѣ. Готовясь уже къ отъѣзду, онъ увидѣлъ изъ окна, что по площади приближается къ дому довольно большое число людей. На вопросъ государя, что это значитъ, губернаторъ отвѣчалъ, что это депутація отъ жителей, желающихъ принести его величеству благодарность за благосостояніе края. Государь, спѣша отъѣздомъ, отклонилъ пріемъ этихъ лицъ. Послѣ распространилась молва, что они шли съ жалобой на губернатора, получившаго между тѣмъ награду. Изъ розысканій г. Кеневича[1] видно, что первоначальная редакція этой басни очень отличалась отъ позднѣйшей.

Басня *Левъ и Человѣкъ* была напечатана только въ двухъ первыхъ изданіяхъ басенъ Крылова (1809 и 1811). Поэтому можно заключить, что онъ вовсе оставилъ ее; но между позднѣйшими его баснями есть одна, которая, кажется, не что иное, какъ пересозданіе *Льва и Человѣка*. Въ этой послѣдней Крыловъ справедливо созналъ не только отсутствіе художественнаго развитія, но и бѣдность вымысла, а потому, сохранивъ въ основѣ первоначальную идею, онъ облекъ ее въ другіе образы: такъ произошла около 1830 года басня *Левъ, Серна и Лисица*, въ которой вновь изображена побѣда хитрости или ума надъ тѣлесной силой. Первоначальная басня перепечатана въ трудѣ г. Кеневича и въ *Русскомъ Архивѣ* 1865. Это двоякое выполненіе одного и того же сюжета въ два періода, на разстояніи 20 лѣтъ слишкомъ одинъ отъ другаго, показываетъ, какъ настойчивъ былъ Крыловъ въ преслѣдованіи родившейся у него художественной идеи и какъ взыскателенъ къ себѣ въ ея разработкѣ.

---

[1] См. ниже, его *Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова.*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Представленіе Оленина отъ 23-го мая 1830 года объ исходатайствованіи Крылову чина статскаго совѣтника[1].

Господину министру народнаго просвѣщенія.

Библіотекарь Императорской Публичной библіотеки г. коллежскій совѣтникъ Крыловъ, выслуживъ съ отличнымъ усердіемъ въ настоящемъ чинѣ узаконенныя лѣта, пріобрѣлъ право на представленіе его къ наградѣ слѣдующимъ чиномъ статскаго совѣтника.

Высочайшими указами 6 августа 1809 и 14 января 1811 годовъ, равно какъ и высочайше утвержденными положеніями комитета гг. министровъ 7 марта, 15 апрѣля, 5 августа и 25 октября 1819 года, установлены для производства чиновниковъ въ статскіе совѣтники особенныя правила*. Хотя г. библіотекарь Крыловъ не имѣетъ университетскаго аттестата и ни въ учебной, ни въ медицинской службѣ не находился, но поелику 9 статьею высочайшаго указа 14 января 1811 года допускаются изъ общихъ правилъ изъятія, *по особеннымъ уваженіямъ къ людямъ, снискавшимъ въ ученомъ свѣтѣ сочиненіями ихъ и трудами отличную славу;* поелику чиновникъ сей еще изъ титулярныхъ совѣтниковъ произведенъ былъ въ коллежскіе ассесоры, по высочайшему именному указу 14 августа 1814 года, во уваженіе отличныхъ дарованій въ россійской словесности; поелику онъ нынѣ съ ученою должностію библіотекаря соеди-

[1] Два первыя приложенія заимствованы изъ хранящагося въ Публичной библіотекѣ дѣла о службѣ Крылова.

* По симъ правиламъ, въ статскіе совѣтники производятся только тѣ чиновники, которые имѣютъ аттестаты университетовъ и другихъ мѣстъ, или отправляли ученыя и учебныя должности, въ высочайшемъ указѣ 14 января 1811 года означенныя (примѣч. изъ подлиннаго представленія).

имѣть званіе члена Императорской Россійской Академіи и давно уже извѣстенъ любителямъ отечественной словесности многими печатными сочиненіями, въ особенности же своими баснями **, снискавшими ему отличную славу не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ: то я почитаю его имѣющимъ полное право на производство въ чинъ статскаго совѣтника, въ каковый по сей же библіотекѣ произведены въ 1828 году г. библіотекарь Гнѣдичъ, а въ 1829 году г. почетный библіотекарь Гречъ.

** Г. Крыловъ былъ издателемъ ежемѣсячныхъ сочиненій: *Почты Духовъ* (1789 года), *Зрителя* (1792 года) и *С.-Петербургскаго Меркурія* (1793 года); потомъ написаны имъ для театра комедіи: *Урокъ дочкамъ*, *Модная лавка*, *Бѣшеная семья* и *Илья богатырь*; сочинена для открытія Императорской Публичной библіотеки притча *Водолазы;* наконецъ напечатаны четырьмя изданіями и многими тисненіями Басни его, которыхъ и теперь печатаются три новыя изданія, полнѣйшія прежнихъ (примѣч. изъ подлиннаго представленія).

II.

Представленіе Олснина отъ 29-го декабря 1810 года объ увольненіи библіотекаря Императорской Публичной библіотеки Крылова.

Господину министру народнаго просвѣщенія.

На сихъ дняхъ г. статскій совѣтникъ Крыловъ, служащій въ званіи библіотекаря въ Императорской Публичной библіотекѣ тридцать уже лѣтъ сряду, а именно съ 1811 года, объяснилъ мнѣ нынѣшнее его положеніе въ слѣдующемъ видѣ:

Въ теченіе тридцати-лѣтней его службы съ преклонными лѣтами здоровье его ослабло, а потому нынѣ онъ чувствуетъ, что не можетъ уже выполнять своихъ обязанностей по службѣ, какъ бы то должно было и какъ бы онъ того желалъ. По сему обстоятельству онъ рѣшился просить объ увольненіи отъ службы. Но г. Крыловъ не имѣетъ никакого другаго состоянія, какъ то, которое онъ получаетъ отъ щедротъ Монаршихъ, а именно: по милости нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора и въ Бозѣ почивающаго Императора Александра I. Сіи оклады и пособія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Пенсіи изъ Кабинета Его Величества онъ получаетъ	857 р. $14^{2}/_{7}$ к.
2) Жалованья	771 » $42^{6}/_{7}$ »
и 3) Прибавочныхъ	857 » $14^{2}/_{7}$ »
	1628 р. $57^{1}/_{7}$ к.
Всего же . . .	2485 р. $71^{3}/_{7}$ к.

Прибавляя къ симъ суммамъ квартиру съ дровами, сараемъ и конюшнею, занимаемую въ домѣ принадлежащемъ Императорской Публичной библіотекѣ и которую нельзя менѣе имѣть какъ за 857 р. $14^2/_7$ к. сер., что и составило бы всего 3342 р. $85^5/_7$ к. сер.

Сими денежными окладами и пособіями г. Крыловъ живетъ не нуждаясь и даже имѣетъ экипажъ, что къ несчастію, по слабости ногъ его, сдѣлалось ему необходимымъ. Г. Крыловъ былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ помянутая сумма (за исключеніемъ 857 р. $14^2/_7$ коп. сер. пенсіи, которая останется при немъ и по отставкѣ его) была бы ему исходатайствована у Государя Императора въ пожизненный пенсіонъ, ибо сія сумма именно составляетъ содержаніе его въ библіотекѣ и тогда бы онъ, присовокупя къ сему пенсію получаемую имъ изъ Кабинета, могъ спокойно и беззаботно дожить остальные дни свои, которыхъ вѣроятно на удѣлъ ему остается уже не много [1].

Вотъ [2] что мнѣ объяснялъ знаменитый нашъ баснописецъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ! Я не буду обременять ваше высокопревосходительство многословнымъ ходатайствомъ: скажу только, что здоровье г. Крылова очень разстроено и требуетъ совершеннаго спокойствія. Онъ достоинъ особеннаго уваженія за отличные его труды, извѣстные всей почти Европѣ! Участь его зависитъ отъ благосклоннаго вниманія вашего высокопревосходительства!

(Въ отвѣтъ на это ходатайство министръ отъ 17 февраля 1841 года сообщилъ директору библіотеки высочайшее повелѣніе производить Крылову, по отставкѣ его, въ пенсію изъ Государственнаго казначейства, не въ примѣръ другимъ, полное содержаніе его по библіотекѣ, которое составляло 11,703 р., 80 к. ассигн. = 3,342 р. $85^5/_7$ коп. сер.)

---

[1] Крыловъ пережилъ Оленина двумя годами.

[2] Начиная отсюда, послѣднія строки въ отпускѣ написаны рукой самого Оленина, при чемъ выраженія нѣсколько разъ были измѣняемы и между прочимъ зачеркнуты слѣдующія слова: «котораго творенія при жизни еще его достигли до общей европейской славы».

III.

Журнальные труды Крылова.

Для облегченія тѣхъ, которые пожелаютъ заняться разсмотрѣніемъ журнальной дѣятельности нашего баснописца въ прошломъ столѣтіи, помѣщаю краткій указатель содержанія *Почты Духовъ* и оглавленіе статей Крылова въ *Зрителѣ* и въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи*.

Чтобы удобнѣе было сличать первоначальную *Почту Духовъ* съ извлеченіями изъ нея въ *Полномъ собраніи соч. Крылова*, отмѣчаю тѣ письма, которыя помѣщены и въ этомъ собраніи, двойною цифрою: *арабская цифра* означаетъ, какъ и всюдѣ, порядокъ писемъ въ самомъ журналѣ, а *римская* — порядокъ ихъ въ изданіи 1847 года. Въ скобкахъ ставится страница по первоначальному изданію *Почты Духовъ*.

Указатель Почты Духовъ.

Часть первая.

Письма.

1. (с. 1). — I. Отъ *Зора*. Современные обычаи и моды; опера буффа, италіянскій театръ; галантерейные товары.
2. (с. 8). Отъ *Дальновида*. Размышленія сильфа надъ Парижемъ о неразуміи людей разныхъ состояній; о правителяхъ, придворныхъ и духовныхъ.
3. (с. 20). — II. Отъ *Буристона*. Адскіе судьи и дворъ Плутона.
4. (с. 29). Отъ *Дальновида*. О мизантропѣ, честномъ человѣкѣ.
5. (с. 42). Отъ *Астарота*, который спасъ бѣднаго стихотворца отъ голода.
6. (с. 53). — III. Отъ *Зора*. О порокахъ писателей. Щеголь. Неуваженіе къ ученымъ. Дороговизна иностранцевъ. Французы и ихъ хвастливость.
7. (с. 63). Отъ *Дальнов.* Старуха торговка соблазняетъ дѣвушку золотошвейку.
8. (с. 74). Отъ *Свѣтовида*. Презрѣніе дворянъ къ наукамъ.
9. (с. 82). — IV. Отъ *Зора*. Знакомство съ Припрыжкинымъ; ученые; французскій парикмахеръ.
10. (с. 102). Отъ *Свѣтов.* Петиметръ и обезьяна.
11. (с. 107). — V. Отъ *Зора*. Именинный столъ у купца Плуторѣза. Плуты разныхъ сословій. Участь художниковъ.
12. (с. 125). Отъ *Буристона*. Сцена въ судѣ: воръ-живописецъ и воръ государственный.
13. (с. 143). Отъ *Свѣтов.* Разговоры о графинѣ въ модномъ салонѣ. Притворство и лесть. Щегольство женщинъ.
14. (с. 153). — VI. Отъ *Зора*. Модная лавка.
15. (с. 170). Отъ *Свѣтов.* Любовныя шашни; брачныя обязательства; похороны.
16. (с. 181). — VII. Отъ *Буристона*. Актеръ и вельможа. Трагедія въ восьми дѣйствіяхъ.
17. (с. 192). — VIII. Отъ *Зора*. Женитьба Припрыжкина. Ѣзда съ нимъ въ ряды.
18. (с. 209). Отъ *Астарота*. Примѣрные судья и секретарь; крючкотворцы и плутни ихъ.

19. (с. 223). Отъ *Свѣтов.* О модахъ и театрѣ.
20. (с. 239). Отъ *Дальновида.* Слава государей-завоевателей; вельможи, вредные для государства.
21. (с. 247). — IX. Отъ *Вѣстодава.* Покровительство Прозерпины италіянцу. Порча судей. Богадѣльня для чиновниковъ.
22. (с. 265). Отъ *Дальнов.* Выводы сна.
23. (с. 273). — X. Отъ *Зора.* Глупые мужья и умныя жены.
24. (с. 293). Отъ *Дальнов.* Истинно честный человѣкъ.

Часть вторая.

25. (с. 1). Отъ *Дальнов.* Средства отъ скуки. Истинные мудрецы. Небесная азбука.
26. (с. 12). — XI. Отъ *Буристона.* Вельможа другаго острова.
27. (с. 31) Отъ *Выспрепара.* Искаше тѣни секретаря. Разговоръ съ тѣнью судьи.
28. (с. 40). Отъ *Малкульмулька.* Размышленіе и глупость. Свѣтъ — училище.
29. (с. 47). Отъ *Дальнов.* Праздность въ разныхъ состояніяхъ.
30. (с. 56). — XII. Отъ *Зора.* Книжныя лавки.
31. (с. 64). Отъ *Дальнов.* Ревность женщинъ. О неумѣстныхъ шуткахъ надъ развратомъ.
32. (с. 70). Отъ *Астарота.* Публичный садъ.
33. (с. 83). Отъ *Дальновида.* Глупые счастливѣе ученыхъ. Славолюбіе послѣднихъ.
34. (с. 98). — XIII. Отъ *Вѣстод.* Фурбиній, первый министръ.
35. (с. 109). Отъ *Выспрен.* Свадьба и внезапная смерть молодаго супруга.
36. (с. 117). — XIV. Отъ *Буристона.* Судъ и письмо судьи къ сыну.
37. (с. 139). — Отъ *Дальнов.* О дворянствѣ и дворянахъ.
38. (с. 150). Отъ *Астарота.* Разговоръ откупщика и танцовщицы.
39. (с. 163). — XV. Отъ *Зора.* Мотовство на моды. Французы и француженки.
40. (с. 178). Отъ *Эмпедокла.* Слабость и непостоянство разума. Глупости Аристотеля и Лейбница.
41. (с. 198). Отъ *Борелда.* Подводныя его странствованія.
42. (с. 214). — XVI. Отъ *Зора.* Наставленія француженки своему брату.
43. (с. 231). Отъ *Свѣтов.* Философы въ трактирѣ.
44. (с. 237). — XVII. Отъ *Зора.* Похвала одному государству. Театръ.
45. (с. 251). Отъ *Выспрен.* Льстецы вокругъ молодаго государя. Роль писателя. Истинный мудрецъ.
46. (с. 273). — XVIII. Отъ *Зора.* Разговоръ о новой книгѣ. Ссора у актрисы.
47. (с. 290). Отъ *Борелда.* Кораблекрушеніе и гибель корыстолюбца. (Богачъ и его семейство.)

48. (с. 311). Отъ *Малькульмулька*. Развращеніе свѣта. Предостереженіе противъ коварства.

Труды Крылова въ Зрителѣ.

Ночи. Зр. Ч. I, стр. 70, 140, 228; ч. II, стр. 95.
Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ. Ч. II, стр. 42.
Разсужденіе о дружествѣ. Ч. II, стр. 236.
Мысли философа по модѣ. Ч. II, стр. 279.
Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ. Ч. III, стр. 63.
Каибъ. Ч. III, стр. 90 и 257.

Труды Крылова въ С.-Петербургскомъ Меркуріи.

Похвальная рѣчь наукѣ убивать время. Спб. Мерк. Ч. I, стр. 22.
Разборъ комедіи Клушина *Смѣхъ и горе*. Ч. I, стр. 104.
Похвальная рѣчь Ермалафиду. Ч. II, стр. 26.
Театръ. Ч. II, стр. 213.
Стихи: Утѣшеніе Анютѣ. Ч. II, стр. 56.
Мое оправданіе. Ч. II, стр. 188.
Къ другу моему (Клушину)[1]. Ч. III, стр. 3.
Ода на случай фейерверка. Ч. III, стр. 191.
Изображеніе Анеты эскизомъ. Ч. III, стр. 193.
Похищенные волоски въ перстень. Ч. III, стр. 202.
Къ Счастью. Ч. IV, стр. 96.
Мой отъѣздъ. Ч. IV, стр. 205.

---

[1] Отвѣтъ Клушина см. въ ч. IV, стр. 177.

О БАСНЯХЪ КРЫЛОВА
ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ.

АКАДЕМИКА А. В. НИКИТЕНКО.

Мм. гг. Намѣреваясь въ настоящій достопамятный день занять благосклонное вниманіе ваше разсужденіемъ о художественномъ характерѣ замѣчательнѣйшихъ произведеній Крылова — его басенъ, я конечно не могу имѣть въ виду полной оцѣнки ихъ въ этомъ отношеніи. Для этого потребовалось бы болѣе времени и другіе пріемы анализа, Но я постараюсь уловить хотя немногія черты въ томъ безсмертномъ образѣ, въ какомъ является передъ потомствомъ нашъ знаменитый баснописецъ, какъ одинъ изъ первоклассныхъ художниковъ.

Родъ произведеній, преимущественно усвоенный себѣ Крыловымъ, не предполагаетъ, повидимому, необходимыхъ условій художественнаго творчества. Не напрасно басню, какъ иносказательное изображеніе извѣстной нравственной истины, относили къ дидактикѣ. И дѣйствительно, по первоначальному своему значенію, она является въ качествѣ особенной діалектической стратагемы, которую авторъ употребляетъ, когда стремится напечатлѣть въ умахъ, какъ бы не хотя, безъ намѣренія, мимоходомъ, такъ сказать, какой-нибудь урокъ житейской мудрости, или мысль, почерпнутую изъ наблюденій общественнаго быта. Поучать притчей, символомъ, притчею, иносказаніемъ всегда и у всѣхъ народовъ было однимъ изъ общеупотребительныхъ пріемовъ, свойственныхъ духу человѣческому, когда онъ, посреди всяческихъ вол-

нующихъ его недоумѣній, не стремится воззрѣній своихъ обратить въ строгій догматъ, а только въ разнообразной игрѣ жизни ищетъ указаній на высшія ея задачи. Но мысль о художественномъ творчествѣ не входила въ понятіе объ изображеніи, гдѣ должно угадывать какую-либо цѣль внѣ самаго изображенія, гдѣ оно не въ самомъ себѣ носитъ свою убѣждающую или изъяснительную силу, а въ аналогическомъ приспособленіи къ чему-то другому, сторонпему. Въ новѣйшія времена Лафонтенъ первый возвысилъ басню, независимо отъ ея аллегорическаго характера, до высокаго художественнаго значенія. И мы, по всей справедливости, въ твореніяхъ Крылова можемъ представить другой самобытный образецъ подобнаго превращенія иносказательнаго изображенія въ поэму. Мудрость жизни ищетъ союза съ красотою, также какъ искусство, съ своей стороны, пи мало не теряя своей свободы, въ откровеніяхъ мудрости почерпаетъ долю богатствъ для успѣнія своего благотворнаго вліянія на людей. Не даромъ Платонъ совѣтовалъ суровому учителю Киносарга приносить жертву граціямъ. Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что ученіе, имѣющее въ виду дѣлать людей лучшими, наиболѣе достигаетъ своей цѣли, когда, съ сознаніемъ истины, оно пробуждаетъ въ нихъ чувство прекраснаго.

Такимъ образомъ поэтическое развитіе по праву принадлежитъ иносказанію въ баснѣ. Мы очень хорошо знаемъ, что, изображая предметы неодушевленные и существа не мыслящія съ ихъ природными свойствами и надѣляя ихъ въ то же время аттрибутами человѣческими, баснописецъ имѣетъ въ виду что-то другое, а не ихъ самихъ. Искусно развивая нить поэтическаго о нихъ сказанія, онъ постоянно даетъ намъ чувствовать аналогію между вымысломъ и дѣйствительностью. И въ этомъ сближеніи, въ этой чудной игрѣ противуположностей, онъ однако, какъ бы случайно и ненамѣренно, рисуетъ картины, глубоко дѣйствующія на наше эстетическое чувство. Отсюда возникаетъ уже поэзія басни, которая сама въ себѣ носитъ увлекательную прелесть, сдружая насъ съ природою, влагая, такъ сказать, въ ея созданія сердце и языкъ, чтобъ чувствовать съ нами за одно, говорить намъ внятно; все твореніе, такимъ образомъ, проникается однимъ духомъ жизни, повсюду напоминающимъ намъ объ общемъ род-

ственномъ происхожденіи отъ одного всемогущаго Жизнедавца. И когда, наконецъ, поэма басни разрѣшается важною мыслію, или нравственною истиною, мы поражены ими, какъ внезапнымъ свѣтлымъ озареніемъ, которое тѣмъ глубже проникаетъ въ нашу душу, чѣмъ менѣе мы были въ правѣ подозрѣвать автора въ доктринерствѣ, въ намѣреніи сдѣлаться нашимъ учителемъ и располагать нашими убѣжденіями. Баснописецъ принесъ обильную жертву граціямъ. Онъ далъ намъ уроки, какъ мудрецъ, и какъ поэтъ провелъ ихъ въ наше сердце. Онъ доставилъ торжество идеѣ, или истинѣ, какое доставляется ей только соединеніемъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ пользу ея, на человѣка.

Всѣ эти мысли вытекаютъ не изъ теоріи — основаніе ихъ лежитъ въ изученіи произведеній нашего великаго баснописца. Взглянемъ же на тѣ силы, какими осуществлялъ онъ свою задачу.

Первое, что̀ представляется намъ въ его баснях̀ъ, самое высокое качество въ нихъ — это умъ. Но вѣдь это само собою разумѣется, могутъ возразить мнѣ. Умъ не есть ли общее достояніе всѣхъ людей — что же тутъ относящагося собственно къ Крылову и его баснямъ? Всякому однако извѣстно, что мѣра и степени ума чрезвычайно различны. Но не въ этомъ дѣло. Между тѣмъ, какъ умъ дѣйствительно составляетъ общее преимущество людей, многіе ли изъ нихъ могутъ похвалиться, что обладаютъ тѣмъ свѣжимъ, чистымъ, стихійнымъ умомъ, который, если можно такъ выразиться, заключался въ первоначальномъ планѣ природы относительно человѣка и котораго существеннѣйшіе признаки суть естественность и здравомысліе? Не есть ли большая рѣдкость встрѣтить такой здоровой стихійный, слѣдственно сильный умъ, счастливо сохранившій свою природную прямоту, неповрежденность и свободу посреди безчисленныхъ искажающихъ и порабощающихъ его вліяній внутреннихъ и внѣшнихъ? Именно такой рѣдкій умъ — и это уже была, конечно, большая особенность — надѣленный сверхъ того даромъ тонкаго наблюденія и проницательности, достался въ удѣлъ Крылову. Онъ далъ ему возможность избирать всегда вѣрную точку зрѣнія на вещи, обсуживать ихъ безпристрастно и изображать съ неподражаемою ясностію и простотою истины. Мы не знаемъ, въ какихъ начинаніяхъ и результатахъ проявилъ бы себя этотъ избранный умъ, если бы онъ

принялъ направленіе болѣе широкое, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе отвлеченное. Но ему было суждено установиться въ сферѣ живыхъ явленій, стать лицомъ къ лицу съ повседневною человѣческою дѣйствительностію и, не вмѣшиваясь поступками ни въ какія дѣла людей, говорить имъ о дѣлахъ, но не столько о томъ, что они должны дѣлать, сколько о томъ, чего они дѣлать не должны. Несмотря на этотъ отрицательный способъ отношеній къ дѣйствительности, у Крылова, конечно, была своя философія; философія эта заключалась въ обобщеніи и формулированіи тѣхъ нравственныхъ выводовъ, какіе вытекаютъ единственно изъ знанія и опытовъ жизни. Не его дѣло было систематизировать идеи, возводить ихъ къ отдаленнымъ началамъ, витать въ высшихъ сферахъ умозрѣній. Онъ не былъ идеалистъ; но его нельзя было также назвать и реалистомъ въ теоретическомъ смыслѣ, потому что онъ не способенъ былъ подчиняться теоріямъ, и онъ былъ бы очень удивленъ, если бы его вздумали причислить къ какой-нибудь партіи, или считать послѣдователемъ какого-нибудь ученія. Это вовсе не согласовалось ни съ любовію его къ свободѣ, ни съ его высокимъ здравомысліемъ, которое знало важность великихъ вопросовъ, но знало также и то, что не должно связывать себя отвѣтственностію въ рѣшеніи того, о чемъ нельзя сказать ничего рѣшительнаго. Онъ конечно, видѣлъ великость разстоянія между совершающимся въ судьбѣ и правахъ людей и, между тѣмъ, что́ должно бы, по видимому, совершаться, но понималъ, что стадіи этого разстоянія не переходятся легко и быстро — и хотя на покушенія перебѣжать ихъ вдругъ онъ смотрѣлъ безъ непріязни, однако, не питалъ большой увѣренности въ ихъ успѣхѣ. За всѣмъ тѣмъ указывать на несообразности и противорѣчія въ быту людскомъ, онъ считалъ нужнымъ; въ этомъ заключалось его общественное призваніе. Ища удовлетворенія своимъ умственнымъ стремленіямъ въ кругу человѣческой дѣйствительности и различныхъ ея отношеній, онъ, естественно, долженъ былъ войти въ самую тѣсную связь съ тѣмъ, что́ всего ближе было къ нему — съ бытомъ и духомъ своего народа. Въ отечествѣ нашемъ не было другаго сильнаго ума, который бы, подобно Крылову, усвоилъ себѣ, или, лучше сказать, воплотилъ въ себя самыя стихіи народной индивидуальности, психологическія

особенности народа, его возрѣнія на вещи, весь складъ его діалектики, пріемы его мысли и слова. Получивъ въ даръ отъ природы необыкновенный умъ, онъ какъ бы вторично принялъ его изъ богатой сокровищницы народныхъ умственныхъ силъ и сталъ народнымъ писателемъ не потому уже, что того хотѣлъ, а потому что не хотѣть этого не могъ. Равнодушный ко всѣмъ выспреннимъ утопическимъ и оптимическимъ міровоззрѣніямъ, тонкій наблюдатель жизни и знатокъ человѣческаго сердца, аналитикъ, и немножко скептикъ въ житейской практикѣ, онъ естественно былъ расположенъ къ иронiи; но и ее обнаруживалъ онъ въ народномъ смыслѣ и тонѣ. Эта спокойная, лукавая и вмѣстѣ добродушная иронiя, въ которой сквозь незнаніе, сю выказываемое и отстраненіе себя отъ вопроса, свѣтятся какъ бы вскользь глубокое и вѣрное пониманіе настоящаго хода вещей и готовность вопросъ разрѣшить по своему — это иронiя, повсюду разлитая въ басняхъ Крылова, есть одно изъ самыхъ коренныхъ и глубокихъ свойствъ нашей народности. Иронiя является и у другихъ писателей-баснописцевъ со свойственнымъ ей сатирическимъ направленіемъ. Но въ томъ-то и состоитъ геніальная черта нашего баснописца, что его иронiя вылилась въ форму народнаго духа, получила отъ него особенную физіогномію, колоритъ, что ея нельзя ни вполнѣ понять, ни примѣнить нигдѣ и ни къ чему, какъ только посреди насъ и къ намъ. Не будь приправлена она свойственнымъ нашему національному характеру добродушіемъ, она могла бы принять видъ болѣе серьозный и даже мрачный. У нашего баснописца этого нѣтъ, потому что если серьозность въ извѣстной степени намъ свойственна, то мрачность уже никакъ къ намъ нейдетъ. Заунывность нашихъ пѣсень ничего не доказываетъ; она есть выраженіе историческихъ моментовъ и положеній, а не природы нашей. Мы народъ жизни и движенія, и если мы иногда унываемъ, то не надолго и не съ тѣмъ, чтобы погрузиться въ плаксивое бездѣйствіе, которымъ обыкновенно сопровождается уныніе. Съ нашей грустной думой мы не менѣе того способны и готовы дать смѣлый и рѣшительный отпоръ всякой бѣдѣ, откуда бы она намъ ни угрожала. В раги наши думали иногда иначе — но они ошибались.

Нѣть никакой надобности приводить въ свидѣтельство ска-

занаго здѣсь, мѣста изъ самыхъ басней, отзывающіяся народностію. Тутъ дѣло не въ частностяхъ, не въ отрывкахъ, не въ языкѣ даже, а въ направленіи, въ тонѣ каждой поэмы, въ цѣлости взятой и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ первой до послѣдней. Тутъ Русь, тутъ Русью пахнетъ повсюду — въ главныхъ мотивахъ, на которые мѣтитъ авторъ, въ изобрѣтеніи содержанія, въ манерѣ повѣствованія, въ рѣчахъ лицъ повѣствуемыхъ. Что многія выраженія изъ басенъ могли сдѣлаться народными пословицами, это само собою разумѣется. Но всего удивительнѣе то, что всѣ эти лисицы, волки, медвѣди, быки, сурки, тигры, львы, гуси, даже голуби, прилетѣвшіе изъ чужой стороны, какъ будто родились и выросли на поляхъ и въ лѣсахъ нашихъ; они охотно сбѣжались, слетѣлись на зовъ волшебника-поэта, чтобы вмѣстѣ служить ему орудіемъ для изображенія важныхъ истинъ въ нашихъ нравахъ и общественности.

Я сейчасъ говорилъ объ иронiи — это господствующій тонъ басенъ Крылова. Я позволяю себѣ остановиться еще на минуту на этомъ характеристическомъ качествѣ его ума. Нельзя не восхищаться ея прелестію, несмотря на то, что она колется порядочно. Въ самомъ дѣлѣ, сколько остроумія въ вымыслѣ, въ содержаніи, которыми выражается она, въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ и положеніяхъ ихъ! Какая простодушная веселость въ изображеніи нравовъ, обычаевъ всѣхъ странностей звѣринаго и птичьяго міра! Какъ смѣшонъ напр. хоть бы этотъ слонъ, мечтающій, что онъ поступилъ очень справедливо, позволивъ волкамъ сдрать кожу съ овецъ, но не трогать ихъ волоскомъ, или сколько комизма во всей этой исторіи, какимъ образомъ медвѣдь попалъ, по звѣриному выбору, въ надсмотрщики надъ ульями съ медомъ и что изъ этого произошло. Извѣстно, что медвѣдь потаскалъ весь медъ въ свою берлогу; его отдали подъ судъ, отрѣшили отъ должности и приговорили, какъ знатнаго звѣря, пролежать зиму въ берлогѣ.

По меду все не воротили.
А мишенька и ухомъ не ведетъ.
Со свѣтомъ Мишка распрощался
Въ берлогу темную забрался
И лапу съ медомъ тамъ сосетъ,
Да у моря погоды ждетъ.

Крестьяне, претерпѣвъ великое разореніе отъ ручьевъ и рѣчекъ, разыгравшихся во время полноводья, пошли жаловаться на нихъ рѣкѣ, въ которую эти ручья и рѣчки впадали. Рѣка была почтенная, текла величаво и тихо. Но, приведши къ ней, просители увидѣли, что все ихъ добро, захваченное ихъ разорителями, по ней же плыветъ.

Тутъ попусту не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили,
Потомъ взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой,
А, уходя проговорили:
На что и время тратить намъ;
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по-поламъ.

Мужикъ поручилъ ослу на лѣто охранять его огородъ отъ воронъ и воробьевъ. Оселъ былъ честныхъ правилъ, но за дѣло взялся по-ослиному. Онъ

Гоняя птицъ со всѣхъ ослиныхъ ногъ
По всѣмъ грядамъ и вдоль и поперегъ
Такую подпялъ скачку,
Что въ огородѣ все примялъ и притоптalъ.

Волкъ искалъ мѣсто овечьяго старосты, и ему сильно покровительствовала лисица. Однако, какъ вообще волки не пользуются хорошей репутаціей, то велѣно было навести о немъ справки, и для этого собранъ былъ звѣриный сходъ. Голоса присутствовавшихъ оказались въ пользу кандидата, и онъ получилъ просимое имъ мѣсто въ овчарнѣ.

Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужь вѣрно были?
Вотъ то-то нѣтъ! овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Иногда баснописецъ оставляетъ звѣрей и содержаніе для своего иносказательнаго разсказа прямо беретъ изъ міра человѣческаго. Такъ онъ разсказываетъ анекдотъ про одного изъ своихъ пріятелей, который въ присутствіи его брился и терпѣлъ отъ того

несказанныя мученія. На замѣчаніе автора, что онъ оттого такъ страдаетъ, что у него бритвы тупы, чудакъ отвѣчалъ:

Охъ, братецъ, признаюсь,
Что бритвы очень тупы!
. . . . . .
Да острыми-то я порѣзаться боюсь!
— А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,

(Отвѣтилъ ему авторъ)

Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.

Священникъ въ церкви произнесъ удивительную проповѣдь, которая всѣхъ присутствовавшихъ восхитила и разстрогала до глубины сердца; всѣ почти плакали. Оказался, однако и такой, который обнаружилъ полнѣйшее равнодушіе. Одинъ изъ слушателей обратился къ нему съ упрекомъ, говоря:

А у тебя сосѣдъ знать черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ? Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать!
Вѣдь я не здѣшняго прихода.

Вы чувствуете, что, изъ-за всѣхъ этихъ искусныхъ прикрытій иносказанія, авторъ бросаетъ стрѣлы свои не куда попало, а туда, гдѣ нужнѣе и общеполезнѣе ихъ уязвляющая сила. Извѣстно, что большая часть басенъ написана Крыловымъ по какому-нибудь поводу или случаю, происшедшему въ современномъ ему обществѣ. Далеко не всѣ эти случаи намъ извѣстны; конечно, любопытно было бы знать ихъ въ біографическомъ интересѣ и въ интересѣ исторіи нравовъ вообще. Но это рѣшительно не прибавило бы никакой цѣны самымъ произведеніямъ. Въ нихъ нѣчто болѣе, нежели намёки на что-либо, или кого-либо, и не бѣда, если они и будутъ забыты. Но не забудутся глубокій всенародный или всечеловѣческій смыслъ и идеи, высказанныя въ твореніяхъ геніальнаго писателя.

Таковъ умъ Крылова въ его баснях, но вѣдь это только умъ — гдѣ же поэзія, гдѣ художественность? могутъ спросить у меня. Конечно, надобно, чтобы басни эти были изящны и ху-

дожественны — ибо мм. гг., никакой умъ, ни самая даже народность не могли бы безъ этого возбудить въ сердцахъ такую всеобщую любовь къ нимъ. Любовь только тамъ, гдѣ красота. Таковъ ужь человѣкъ. Бываютъ исключенія, но они рѣдки. Въ Крыловѣ выразился тотъ непреложный законъ человѣческой природы, по которому высшій умъ, несмотря даже на положительность своего направленія, чѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ ближе къ поэзіи, и это, безъ сомнѣнія, потому, что и поэзія есть дѣло умное. Конечно, не всякъ, одаренный высшимъ умомъ, способенъ спеціально сдѣлаться поэтомъ — для того нужны еще сила творчества, геній. Ими-то природа богато одарила Крылова въ дополненіе къ уму. Смотря на цѣли, какія онъ имѣлъ въ виду въ своихъ басняхъ, можно было бы опасаться, что мы увидимъ въ немъ сухаго холоднаго моралиста — этого, какъ извѣстно не случилось. Такимъ моралистомъ онъ не могъ быть уже потому, что вообще, по свойственной ему иронiи, не очень довѣрялъ возможности водворять мораль между людьми поученіями, а болѣе полагался въ томъ на силу вещей и силу впечатлѣнія, которая не только дѣлаетъ истину извѣстною, но и покоряетъ ей сердца. Въ немъ была какая-то двойственность — и то, что дѣлало его поучительнымъ, и то, что оставляя въ сторонѣ поучительность, дѣлало его просто привлекательнымъ и милымъ. Моралистъ въ басняхъ спрятался за прекрасными созданными имъ поэтическими образами, мало, кажется, думая о томъ, что отъ нихъ пропзойдетъ. Здѣсь онъ поэтъ и, повидимому, только поэтъ, въ особенной формѣ. Онъ любитъ природу — и природа раскрыла передъ нимъ міръ своихъ роскошныхъ созданій съ разнообразными оттѣнками ихъ типическихъ свойствъ. Онъ занятъ только этими созданіями. Онъ любуется ими, простосердечно играетъ съ ними, наблюдая въ то же время ихъ нравы и привычки, не какъ натуралистъ, а какъ членъ ихъ обширнаго семейства. Живыя силы природы имѣютъ неизъяснимую прелесть для поэта; они составляютъ для него неизсякаемый источникъ воодушевленія и поэтическихъ созерцаній. Смотря на Крылова съ этой точки зрѣнія, о немъ можно сказать словами одного изъ извѣстныхъ нашихъ поэтовъ:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,

несказанныя мученія. На замѣчаніе автора, что онъ оттого такъ страдаетъ, что у него бритвы тупы, чудакъ отвѣчалъ:

Охъ, братецъ, признаюсь,
Что бритвы очень тупы!
. . . . . .
Да острыми-то я порѣзаться боюсь!
— А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,

(Отвѣтилъ ему авторъ)

Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.

Священникъ въ церкви произнесъ удивительную проповѣдь, которая всѣхъ присутствовавшихъ восхитила и разстрогала до глубины сердца; всѣ почти плакали. Оказался, однако и такой, который обнаружилъ полнѣйшее равнодушіе. Одинъ изъ слушателей обратился къ нему съ упрекомъ, говоря:

А у тебя сосѣдъ знать черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ? Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать!
Вѣдь я не здѣшняго прихода.

Вы чувствуете, что, изъ-за всѣхъ этихъ искусныхъ прикрытій иносказанія, авторъ бросаетъ стрѣлы свои не куда попало, а туда, гдѣ нужнѣе и общеполезнѣе ихъ уязвляющая сила. Извѣстно, что большая часть басенъ написана Крыловымъ по какому-нибудь поводу или случаю, происшедшему въ современномъ ему обществѣ. Далеко не всѣ эти случаи намъ извѣстны; конечно, любопытно было бы знать ихъ въ біографическомъ интересѣ и въ интересѣ исторіи нравовъ вообще. Но это рѣшительно не прибавило бы никакой цѣны самымъ произведеніямъ. Въ нихъ нѣчто болѣе, нежели намёки на что-либо, или кого-либо, и не бѣда, если они и будутъ забыты. Но не забудутся глубокій всенародный или всечеловѣческій смыслъ и идеи, высказанныя въ твореніяхъ геніальнаго писателя.

Таковъ умъ Крылова въ его басняхъ, но вѣдь это только умъ — гдѣ же поэзія, гдѣ художественность? могутъ спросить у меня. Конечно, надобно, чтобы басни эти были изящны и ху-

дожественны — ибо мм. гг., никакой умъ, ни самая даже народность не могли бы безъ этого возбудить въ сердцахъ такую всеобщую любовь къ нимъ. Любовь только тамъ, гдѣ красота. Таковъ ужь человѣкъ. Бываютъ исключенія, но они рѣдки. Въ Крыловѣ выразился тотъ непреложный законъ человѣческой природы, по которому высшій умъ, несмотря даже на положительность своего направленія, чѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ ближе къ поэзіи, и это, безъ сомнѣнія, потому, что и поэзія есть дѣло умное. Конечно, не всякъ, одаренный высшимъ умомъ, способенъ спеціально сдѣлаться поэтомъ — для того нужны еще сила творчества, геній. Ими-то природа богато одарила Крылова въ дополненіе къ уму. Смотря на цѣли, какія онъ имѣлъ въ виду въ своихъ басняхъ, можно было бы опасаться, что мы увидимъ въ немъ сухаго холоднаго моралиста — этого, какъ извѣстно не случилось. Такимъ моралистомъ онъ не могъ быть уже потому, что вообще, по свойственной ему иронiи, не очень довѣрялъ возможности водворять мораль между людьми поученіями, а болѣе полагался въ томъ на силу вещей и силу впечатлѣнія, которая не только дѣлаетъ истину извѣстною, но и покоряетъ ей сердца. Въ немъ была какая-то двойственность — и то, что дѣлало его поучительнымъ, и то, что оставляя въ сторонѣ поучительность, дѣлало его просто привлекательнымъ и милымъ. Моралистъ въ басняхъ спрятался за прекрасными созданными имъ поэтическими образами, мало, кажется, думая о томъ, что отъ нихъ пропзойдетъ. Здѣсь онъ поэтъ и, повидимому, только поэтъ, въ особенной формѣ. Онъ любитъ природу — и природа раскрыла передъ нимъ міръ своихъ роскошныхъ созданій съ разнообразными оттѣнками ихъ типическихъ свойствъ. Онъ занятъ только этими созданіями. Онъ любуется ими, простосердечно играетъ съ ними, наблюдая въ то же время ихъ нравы и привычки, не какъ натуралистъ, а какъ членъ ихъ обширнаго семейства. Живыя силы природы имѣютъ неизъяснимую прелесть для поэта; они составляютъ для него неизсякаемый источникъ воодушевленія и поэтическихъ созерцаній. Смотря на Крылова съ этой точки зрѣнія, о немъ можно сказать словами одного изъ извѣстныхъ нашихъ поэтовъ:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,

несказанныя мученія. На замѣчаніе автора, что онъ оттого такъ страдаетъ, что у него бритвы тупы, чудакъ отвѣчалъ:

Охъ, братецъ, признаюсь,
Что бритвы очень тупы!
. . . . . .
Да острыми-то я порѣзаться боюсь!
— А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,

(Отвѣтилъ ему авторъ)

Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.

Священникъ въ церкви произнесъ удивительную проповѣдь, которая всѣхъ присутствовавшихъ восхитила и разстрогала до глубины сердца; всѣ почти плакали. Оказался, однако и такой, который обнаружилъ полнѣйшее равнодушіе. Одинъ изъ слушателей обратился къ нему съ упрекомъ, говоря:

А у тебя сосѣдъ знать черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ? Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать!
Вѣдь я не здѣшняго прихода.

Вы чувствуете, что, изъ-за всѣхъ этихъ искусныхъ прикрытій иносказанія, авторъ бросаетъ стрѣлы свои не куда попало, а туда, гдѣ нужнѣе и общеполезнѣе ихъ уязвляющая сила. Извѣстно, что большая часть басенъ написана Крыловымъ по какому-нибудь поводу или случаю, происшедшему въ современномъ ему обществѣ. Далеко не всѣ эти случаи намъ извѣстны; конечно, любопытно было бы знать ихъ въ біографическомъ интересѣ и въ интересѣ исторіи правовъ вообще. Но это рѣшительно не прибавило бы никакой цѣны самымъ произведеніямъ. Въ нихъ нѣчто болѣе, нежели намёки на что-либо, или кого-либо, и не бѣда, если они и будутъ забыты. Но не забудутся глубокій всенародный или всечеловѣческій смыслъ и идеи, высказанныя въ твореніяхъ геніальнаго писателя.

Таковъ умъ Крылова въ его басняхъ, но вѣдь это только умъ — гдѣ же поэзія, гдѣ художественность? могутъ спросить у меня. Конечно, надобно, чтобы басни эти были изящны и ху-

Когда-бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!
Да что же дѣлать? нужда, дѣти;
При томъ же иногда, голубчикъ-кумъ
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ?
Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ.

Или та же лисица, съ пушкомъ на рылцѣ, отвѣчаетъ сурку, на его вопросъ, куда она бѣжитъ такъ безъ оглядки:

Охъ мой голубчикъ-кумасекъ!
Терплю напраслину и выгнана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей.
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой
Въ трудахъ куска не доѣдала,
Почей не досыпала:
И я-жъ за то подъ гнѣвъ подпала.
А все по клеветамъ. Ну самъ подумай ты:
Кто-жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы.
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся?

Волкъ, преслѣдуемый всѣмъ міромъ за его хищничество, задумалъ удалиться въ страну, гдѣ, по его мнѣнію, ему не будетъ такъ худо — въ Аркадію и, прощаясь съ кукушкою, жалуется на оказываемыя ему несправедливости.

Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!
Всѣ тѣ-жъ у васъ и люди и, собаки!
Одинъ другаго злѣй, и ты хоть ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.

Потомъ въ идиллическомъ восторгѣ онъ описываетъ благодатный край — будущее свое убѣжище:

Сосѣдка! точно сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ что война;
Какъ агнцы кротки человѣки,
И молокомъ текутъ лишь рѣки.
Ну словомъ, царствуютъ златыя времена!
Какъ братья всѣ другъ съ другомъ поступаютъ,
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ
Не только не кусаютъ.

Кукушка ему дѣлаетъ ироническій вопросъ:

А свой ты нравъ и зубы,
Здѣсь кинешь, или возмешь съ собой?

И на отрицательный отвѣтъ его замѣчаетъ:

Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.

Не могу удержаться, чтобъ не привести еще прелестной поэтической картины изъ басни, гдѣ разсказывается, какъ кроткій, тихій ручеекъ, сдѣлавшійся отъ дождя большимъ потокомъ, не вынесъ своего величія, загордился и забушевалъ. Пастухъ потерялъ ягненка, который утонулъ въ рукѣ. Свидѣтель этого печальнаго событія, ручей, вотъ какъ упрекаетъ виновницу его горя:

Рѣка несытая! что̀ селибъ дно твое
Такъ было, какъ мое
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякій видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила.
Я чай бы со стыда ты землю сквозь прорыла
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла.
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижины, и каждаго кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста какъ серебро.

Но вотъ:

Туча ливнемъ надъ ближнею горой
Разсѣялась;
Богатствомъ водъ ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но ахъ! Куда въ ручьѣ смиренность дѣлась?
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною волной,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валятся дубы,
Лишь трески слышны въ далекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Попалъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Но говоря о богатствѣ, разнообразіи и живости образовъ въ поэмахъ нашего неподражаемаго баснописца, о его творческой силѣ, я еще ничего не сказалъ о томъ, въ какой степени является въ этихъ поэмахъ организующій, распорядительный, вполнѣ художественный геній. Строгая соразмѣрность, въ частяхъ каждой поэмы — вотъ что прежде всего представится вамъ, когда вы вникните въ составъ ея. Характеры, дѣйствія, описанія все здѣсь опредѣляется значеніемъ основной идеи, и каждый изъ этихъ элементовъ участвуетъ въ общемъ развитіи цѣлаго, не болѣе какъ сколько нужно. Здѣсь нѣтъ ничего случайнаго, такъ же какъ и ничего съ усиліемъ придуманнаго. Крыловъ въ высшей степени одаренъ былъ тѣмъ, что можно назвать силою художественнаго самообладанія — качествомъ чрезвычайно рѣдкимъ, но и весьма важнымъ, особенно въ писателѣ; при легкости орудія, которое ему дано, слова, качество это служитъ ручательствомъ, что онъ ничего не скажетъ, о чемъ впослѣдствіи будетъ сожалѣть самъ, или его читатели. Крыловъ могъ дать отчетъ передъ обществомъ передъ разумомъ и критикой въ каждомъ образѣ имъ созданномъ, въ каждой мысли, въ каждомъ словѣ. Это родъ доблести эстетической, такъ, какъ самообладаніе нравственное, составляетъ доблесть воли. Какъ послѣдняя принадлежитъ характерамъ великимъ, такъ первая писателямъ, образцы коихъ особенно завѣщала намъ классическая древность. Обращаясь къ другимъ отличіямъ въ общемъ характерѣ поэмъ Крылова, я уже не говорю объ объективности его изображеній: она составляетъ необходимую принадлежность всякаго истинно художественнаго творчества. Гдѣ нѣтъ ее, тамъ могутъ быть идеи, покушенія реализировать ихъ, можетъ быть какъ бы призывъ къ дѣлу, но самое дѣло оказывается несостоявшимся. Объективность и есть настоящее созданіе; что не объективно, то для насъ исчезаетъ безразлично въ безконечномъ круговоротѣ представленій. Чувство отражается въ предметѣ, его возбудившемъ, и потому самая лирика имѣетъ свою объективность, безъ чего она превращается въ одни неопредѣленные, хотя гармоническіе звуки: здѣсь она лучше сдѣлаетъ, если уступитъ права свои музыкѣ. Та же гармонія и та же мудрая сдержанность, которую мы сейчасъ видѣли у Крылова въ развитіи цѣлаго, простираются и на каждую частность въ

его поэмахъ въ особенности. И здѣсь у него нѣтъ изображенія, которое бы не было довершено вполнѣ, такъ, какъ это нужно для цѣли и идеи автора, которое бы нуждалось въ поясненіи или изъ котораго бы можно было сдѣлать малѣйшее исключеніе, не уничтожая всей прелести сказаннаго. Все необходимое тутъ прекрасно, и все прекрасное необходимо. Замѣтить, чтобы онъ чего-нибудь не договорилъ или сказалъ что-нибудь лишнее, не впопадъ, что-нибудь ослабилъ, или усилилъ вопреки своей задачѣ и потребности, есть чистая невозможность. Его можно было бы развѣ упрекнуть въ одномъ — въ тѣхъ прибавленіяхъ, которыми онъ, по обычаю баснописцевъ, выражаетъ такъ-называемую мораль басни. Мораль эта, если можно дать ей это имя, такъ ясно просвѣчиваетъ въ каждомъ изъ его иносказаній, что всякое изъясненіе оказывается излишнимъ. Притомъ и самый смыслъ каждой изъ басенъ гораздо глубже, захватываетъ область мыслей и сердца гораздо обширнѣе того, что можно выразить въ краткой сентенціи. Но мы скажемъ его же словами:

Ужъ коли терпѣть, такъ лучше отъ богатства,

Всѣ эти добавленія дотого остроумны, исполнены такихъ глубокихъ истинъ и такъ прекрасно изложены, что, отдѣливъ ихъ, изъ нихъ однихъ можно составить антологію, которая бы послужила украшеніемъ любой литературы.

Удивительная способность собирать себя, сосредоточиваться въ одной мысли или намѣреніи, при необыкновенной раздѣльности и ясности понятій, давала автору возможность группировать и выражать всѣ частности въ самыхъ сжатыхъ и немногихъ чертахъ, а тонкое знаніе языка во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ и формаціяхъ, отъ высшей до самой низшей, надѣляло его способами придавать этимъ чертамъ такую точность и пластическую видимость, какъ будто они были вырѣзаны на мѣди. Часто одного краткаго оборота рѣчи было для него достаточно, чтобъ нарисовать картину, одного слова, или, такъ-сказать, удара его кисти, чтобъ картинѣ этой придать извѣстный оттѣнокъ, колоритъ. А какъ онъ думалъ и выражался по думамъ и сердцу своего народа, то неудивительно, что многіе изъ оборотовъ его рѣчи превращались скоро въ народныя пословицы и поговорки. Кому неизвѣстны, кто иногда не прилагалъ къ лицамъ и событіямъ такихъ

выраженій, какъ напримѣръ: *У него пушекъ на рыльцѣ; или ларчикъ просто открывался; да чтобъ гусей не раздразнить; а жаль, что незнакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ; въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ; услужливый дуракъ опаснѣе врага; слона-то я и не примѣтилъ; Васька слушаетъ да ѣстъ; сыръ тарелочку; а только кинь имъ кость, такъ-что твои собаки.*

При такой строгой экономіи въ употребленіи мыслей и языка, при такой бдительной управѣ надъ ними и контролированіи самаго себя, какими отличался Крыловъ, надобно было бояться нѣкотораго охлажденія въ самыхъ процессахъ его живописанія, нѣкоторой искусственности въ манерѣ и принужденности; но вы знаете, что ничего подобнаго и тѣни нѣтъ въ басняхъ Крылова. Напротивъ, его постоянно сопровождаютъ обычныя его спокойное одушевленіе, веселость и простота. Во всемъ ходѣ и развитіи каждой изъ его поэмъ вы не видите также ни малѣйшихъ признаковъ какого-нибудь техническаго затрудненія, никакой пріостановки, спайки между частями и т. п. Изложеніе течетъ, движется дотого свободно и легко, переходы отъ одного момента, или оттѣнка къ другому, такъ естественны, что вамъ кажется, будто авторъ всю эту систему событій, лицъ, положеній произвелъ однимъ пріемомъ, однимъ непрерывавшимся актомъ своей творческой мысли.

Послѣ всего, что я имѣлъ честь изложить предъ вами, что же можно вообще сказать о Крыловѣ? Когда Сервантесъ написалъ свой знаменитый романъ, вѣроятно онъ не думалъ, какую мудрую книгу подарилъ онъ людямъ. И многіе восхищались и восхищаются ею, видѣли и видятъ въ ней то остроумную сатиру на нравы, то увлекательный и веселый вымыселъ. Но истинное значеніе Сервантесова творенія не опредѣляется этимъ: это вѣчная дума философа о трагической долѣ всего великаго на землѣ и вмѣстѣ нелицепріятный судъ разума надъ самимъ собою, когда онъ простираетъ свои притязанія и цѣли слишкомъ далеко за предѣлы существующаго и дѣйствительнаго порядка вещей. Такъ, разсуждая о нашемъ Крыловѣ, мы далеко не все скажемъ о немъ, когда назовемъ его баснописцемъ и поэтомъ въ самомъ высшемъ и лучшемъ значеніи этихъ словъ. И самая иронія его столь тонкая и многозначущая, изобличающая такую проница-

тельность и независимость ума, не довершитъ настоящаго о немъ понятія. Правда, въ духѣ ея, онъ говорилъ со своимъ народомъ такъ, какъ говорилъ бы народъ самъ съ собою. Это высокое достоинство. Но важно то, что заключалось въ его словахъ. Онъ горилъ ему о недостаткахъ, порокахъ человѣческихъ, а болѣе всего о тѣхъ, которые поражаютъ самыя основы человѣческаго быта — о грубыхъ нарушеніяхъ правды и законности, о злоупотребленіяхъ силы и власти, даруемыхъ установленіями общества. Этимъ-то онъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ подобныхъ нравственныхъ золъ и направлялъ умъ ихъ къ пониманіямъ истинныхъ условій общественнаго добра. Его даютъ читать и учить на изустъ дѣтямъ; дѣйствительно и для дѣтей онъ всегда будетъ самымъ привлекательнымъ собесѣдникомъ, наставникомъ въ нѣкоторыхъ нравственныхъ истинахъ, въ чистотѣ и красотахъ самороднаго русскаго слова. Но сущность и духъ его уроковъ принадлежитъ не имъ, а ихъ отцамъ и взрослымъ братьямъ. Чаще всего должны ихъ выслушивать высшіе дѣятели общества, вожди его, когда въ тишинѣ они захотятъ бесѣдовать со своею совѣстію. Такъ изъ глубины пропіи, повитой цвѣтами поэзіи, возникаетъ предъ нами, самъ того не подозрѣвая, великій учитель, мудрецъ народа и его неподражаемо-изящныя басни становятся для насъ лучшею книгой общественной нравственности.

Я прошу у васъ, мм. гг., позволенія заключить мою рѣчь стихами маститаго нашего поэта, одного, сохранившагося доселѣ, благодаря Богу, изъ семьи лучшихъ и благороднѣйшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, къ которой принадлежалъ и Крыловъ — стихами князя П. А. Вяземскаго, которыми онъ привѣтствовалъ знаменитаго баснописца въ день празднованія пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности.

Забавой онъ людей исправилъ
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ
И слава эта — наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

ЧТЕНІЕ О ЯЗЫКѢ КРЫЛОВА.

АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Крыловъ былъ почитаемъ современниками, какъ одинъ изъ лучшихъ писателей; не менѣе чтится онъ дѣтьми и внуками ихъ. И это не то холодное почтеніе, которое остается за уважеными писателями и тогда, когда ихъ произведеній не читаетъ уже никто, кромѣ развѣ тѣхъ любознательныхъ людей, которымъ онѣ нужны, какъ памятники времени: уваженіе къ Крылову есть любовь къ нему, какъ къ человѣку, дѣйствующему на душу своею доброю душею, вызывающему простосердечное настроеніе своимъ собственнымъ простосердечіемъ, вызывающему насъ на лучшее, оставляющему въ насъ нравственное спокойствіе. За шестьдесятъ лѣтъ передъ этимъ стали читать и учить его басни; поколѣнія смѣнялись одни другими: для каждаго новаго Крыловъ становился тѣмъ же другомъ, и въ каждомъ прежнемъ, старѣвшемъ, съ лѣтами крѣпла любовь къ нему, какъ къ другу. Уваженіе къ Крылову никогда не умепьшало уваженія къ другимъ писателямъ; но и само не только не уменьшалось отъ этого, а возрастало. Произведенія другихъ писателей нерѣдко перечитывали и выучивали по наказу; къ баснямъ Крылова никогда никого не надобно было приневоливать: онъ былъ и остается каждому нуженъ.

Такое значеніе Крылова зависитъ, кромѣ многаго другаго, и отъ языка его. Его басни останутся прекрасными и въ хорошемъ переводѣ на другой языкъ, но ни въ какомъ переводѣ не

будуть такими какъ въ Русскомъ подлинникѣ — въ томъ видѣ, въ какомъ далъ онъ ихъ намъ.

Въ каждомъ языкѣ таятся неизсякаемыя силы выразительности, надобно только умѣть ими пользоваться. Только незначительною долей ихъ пользуются всѣ, кто какъ можетъ, такъ что иной не управится и съ нею; другими менѣе или болѣе незначительными долями располагаютъ разныя части народа, каждая своею, смотря по степени и роду образованности, по занятіямъ и умственному настроенію, по даровитости и наклонностямъ; только самые даровитые и внимательные овладѣваютъ долями болѣе значительными. Многое остается для немногихъ только понятнымъ, не входя въ запасы выразительности, ими для себя усвоенными; многое остается для многихъ даже и внѣ этого круга. Конечно, безъ пособія памяти и въ родномъ языкѣ не достигнуть желаемой силы выразительности, но не достигнуть ее усиліями одной памяти: нужно духовно сжиться съ языкомъ, сдѣлать его неотдѣлимою частію своего духа такъ, чтобы и думы и чувства жили въ насъ нераздѣльно съ созвучіями языка, ихъ вѣрно выражающими, и съ образами ихъ логической и поэтической постановки въ языкѣ. Въ человѣкѣ развивается чутье языка, въ силу котораго съ правильнымъ употребленіемъ общеизвѣстныхъ словъ и оборотовъ, въ ихъ различныхъ видоизмѣненіяхъ, онъ овладѣваетъ умѣньемъ пользоваться словами и выраженіями не общеизвѣстными, какъ будто новыми, нерѣдко точно новыми, но также понятными, какъ понятны разныя видоизмѣненія словъ смотря по ихъ положенію въ выраженіяхъ, пользоваться не спрашиваясь, были ли они кѣмъ когда нибудь сказаны, лишь бы вѣрно выражали то, что должны выразить, домогаясь только одного — вѣрной выразительности. Безъ этого чутья языка, какъ бы много словъ и выраженій ни внесли мы въ память, или въ памятныя книжки, все это богатство будетъ не наше, не наша плоть и кровь, а бѣлила и румяна. Такъ щеголяютъ иногда знаніемъ чужихъ языковъ, такъ щеголяютъ иногда и знаніемъ своего роднаго языка, пестря его чѣмъ придется. Нравиться можетъ иногда и эта пестрота, сходясь съ временными прихотями вкуса общества; но скоро наскучаетъ, становится противною, какъ все неестественное. Только неискусственная выразительность,

какъ сила свободная, самобытная, исходящая отъ души, проникаетъ въ душу, дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сама сильнѣе. Конечно, не всегда такая сила выражается равно сильна въ человѣкѣ: она нуждается въ волѣ и въ размышленіи, какъ и каждое отчетливое развитіе мысли или образа; но и воля и размышленіе тѣмъ легче дается, чѣмъ крѣпче внутренняя сила, чѣмъ крѣпче живое чутье языка. Какъ своей собственною, свободною и самобытною силою Крыловъ владѣлъ роднымъ языкомъ; тѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ имъ на другихъ, чѣмъ болѣе вдумывался, чѣмъ болѣе готовъ былъ выразить свою думу и чувство искренно. Отсюда сочувствіе къ нему, ничѣмъ не умаляемое, сочувствіе всѣхъ возрастовъ, нерѣдко сильнѣющее по мѣрѣ развитія въ человѣкѣ чутья языка, имъ самимъ въ немъ сѣмаго.

Можно такъ сказать химически отдѣлить, чѣмъ именно дѣйствовалъ и дѣйствуетъ Крыловъ на своихъ читателей, давая свободу выразительности языка. Можно отдѣлить въ его языкѣ *слова*, какъ вѣрныя изображенія его понятій и образовъ: и прекрасенъ и разнообразенъ и богатъ его подборъ словъ, такъ богатъ, что изъ однихъ басенъ Крылова можно выбрать довольно большой словарь Русскаго языка, не полный болѣе всего въ предметномъ отношеніи, такъ какъ Крылову не случилось говорить о многихъ предметахъ. Можно отдѣлить въ его языкѣ множество *оборотовъ*, особенныхъ способовъ сочетанія словъ и при этомъ разныхъ видоизмѣненій словъ: въ этомъ отношеніи языкъ Крылова если не богаче, то и не бѣднѣе чѣмъ словами. Можно отдѣлить въ немъ огромное число *выраженій*, тѣхъ связей словъ, которыя для ума нераздѣлимы такъ же, какъ и слоги одного слова: многія изъ нихъ — старое достояніе народа, вытравленное изъ нѣкоторыхъ его слоевъ чужеязычіемъ и чужеобычіемъ; многія вышли изъ души Крылова, и дороги своею выразительностью не меньше тѣхъ. Можно отдѣлить въ языкѣ Крылова множество *пословицъ* и *поговорокъ*, и взятыхъ имъ у народа и данныхъ имъ народу, ничѣмъ одна отъ другихъ не отличныхъ, если не знать, что та или другая изъ нихъ была въ ходу и до Крылова, а та или другая пошла въ ходъ только послѣ Крылова. За всѣмъ этимъ легко отдѣляемымъ остается то, что не выдѣляется ни какимъ химическимъ разложеніемъ: связность ча-

стей въ одно цѣлое, жизненная сила живого, безъ чего не былъ бы Крыловъ Крыловымъ, безъ чего не замѣнятъ его басенъ ни какіе сборники словъ, оборотовъ и выраженій, поговорокъ и пословицъ, вошедшихъ въ его басни, какія обольстительныя формы ни придать имъ. Тѣмъ то и великъ Крыловъ въ выразительности языка, что для него богатства Русской рѣчи не были чужимъ добромъ, такъ или иначе подобраннымъ, а достояніемъ его души.

Сравнивая Крылова съ другими писателями его времени, надобно признать, что и онъ иногда подчинялся всѣми принятымъ образцамъ не только въ выборѣ предметовъ, въ расположеніи и въ изложеніи произведеній, но и въ языкѣ и слогѣ, въ пониманіи приличій относительно выбора словъ и выраженій и относительно такъ называемой поэтической вольности, но это невольничанье, заразившее многихъ изъ нашихъ даровитыхъ писателей, было для него не жизненнымъ недугомъ, а временною болѣзнію. Въ большей части басенъ его вмѣстѣ съ силою соблюдена и чистота языка до мелочей: нѣтъ ни Славянскаго выговора словъ, ни неправильныхъ удареній для стиха или для рифмы, ни одночленныхъ прилагательныхъ вмѣсто двучленныхъ, ни неестественнаго расположенія словъ. Менѣе всѣхъ своихъ современниковъ онъ пользовался обычаемъ нарушать чистоту языка, когда оставался самъ собою, когда давалъ себѣ право говорить отъ души какъ чувствовалъ.

Чутье языка остается для большинства безотчетнымъ. Не отдавая никому отчета въ мелочахъ, оно по видимому и не отличаетъ того, что придаетъ выраженіямъ силу, отъ того, что ее ослабляетъ; но при всей своей безотчетности оно не столько снисходительно, какъ можетъ казаться. Не отвергая ничего по мелочамъ, оно караетъ писателей холодностью тѣмъ болѣе, чѣмъ само живѣе и чѣмъ болѣе бываетъ оскорбляемо нарушеніями чистоты и недостаткомъ живой силы языка. Оно покарало холодностью многихъ писателей, достойныхъ лучшей участи, писателей, для которыхъ Русскій языкъ былъ болѣе механическимъ орудіемъ, чѣмъ живою силою, не отдѣлимою отъ мысли и чувства. Не то было съ Крыловымъ. По дарованіямъ, онъ былъ не сильнѣе нѣкоторыхъ изъ писателей забытыхъ, и не только не забытъ, но

остается такимъ же живымъ возбудителемъ мысли и чувства, какимъ былъ въ свое время; границы его власти, кажется, даже раздвинулись, и не сдвинутся надолго. Такъ пѣсни пѣвца народнаго, вѣрно сбереженныя памятью народа, остаются неизмѣнно свѣжими цвѣтами поэзіи, какъ бы ни были онѣ стары по времени ихъ сложенія. Рядомъ съ этими живыми цвѣтами поэзіи ставятся нерѣдко поддѣльные цвѣты подражаній, и нравятся, нравятся даже болѣе, гораздо болѣе — на время, пока не устарѣли прихоти, силою которыхъ была за ними признаваема поэтичность,— и потомъ дѣлаются они и смѣшны и жалки своею поддѣльностью.

Нельзя отвергать, что Крыловъ заботился о выразительности языка, искалъ въ умѣ выраженій, совпадающихъ вполнѣ съ его мыслію, и потому перемѣнялъ ихъ, поправлялъ себя; но нельзя также отвергать и того, что онъ и въ первыхъ своихъ басняхъ выказалъ ту же свободную силу языка, какъ и въ другихъ, написанныхъ позже и гораздо позже, что не былъ онъ подъ тяготѣніемъ силъ новаго литературнаго языка, а самъ былъ одною изъ этихъ силъ, силою могучею, хотя и не замѣчаемою. И задолго до того, какъ сталъ онъ писать басни и только басни, владѣлъ онъ выразительностью и плавностью языка всегда, когда хотѣлъ и могъ оставаться самимъ собою, не надѣвая на себя маски условныхъ приличій, и не давая воли пользоваться тѣми отступленіями отъ чистоты языка, которыя были допускаемы навыкомъ и примѣромъ образцовыхъ писателей. Въ этомъ отношеніи его литературные труды могутъ наводить внимательнаго наблюдателя на замѣчанія, достойныя соображеній.

Крыловъ оставался дѣятелемъ въ литературѣ Русской въ продолженіи слишкомъ пятидесяти лѣтъ: писалъ въ годы славы Державина и Хераскова, продолжалъ при Карамзинѣ, при Жуковскомъ, при ученикѣ своемъ Грибоѣдовѣ, кончилъ вмѣстѣ со своими учениками, Пушкинымъ и Марлинскимъ, при Сенковскомъ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и ихъ современникахъ. Кто не знаетъ, что̀ пережила въ продолженіи этихъ многихъ лѣтъ Русская литература, а съ нею и Русскій литературный языкъ; кто не скажетъ, говоря по совѣсти, что произведенія многихъ, многихъ писателей, когда то и даже очень недавно знаменитыхъ, любимыхъ, трудно и непріятно читать — болѣе всего

потому, что ихъ языкъ не нашь языкъ? Между прочимъ и многіе изъ стиховъ Крылова, имъ напечатанныхъ въ молодые годы, могутъ поправиться развѣ въ вольномъ переводѣ на какой нибудь иностранный языкъ или въ вольномъ пересказѣ на нашемъ нынѣшнемъ.

Повсюду вкругъ меня сгущенный вьется мракъ
И кажетъ всюду мнѣ княжны кровавый зракъ.
Я слышу стонъ ея, зрю трепетъ, скорбь, смятенье.
Не мучь меня, не мучь, ужасно привидѣнье!
Уже довольно я за злость мою терплю:
Стеню, страдаю, рвусь, и ахъ! еще люблю!
Люблю, когда мой духъ всю злобу ощущаетъ.
Люблю: въ страданіяхъ то сердце мнѣ вѣщаетъ.....

Се путь изрытый пропастями,
Усѣянъ множествомъ цвѣтовъ,
Куда влекомые страстями,
Подъ мнимой прелестью оковъ,
Идутъ несчастны человѣки
Вкусить отравъ пріятныхъ рѣки,
И, чувства въ опыхъ погубя,
Въ ужасны пропасти ввергаться,
И жаломъ совѣсти терзаться
Низринувъ въ гибели себя.

Въ девяностые годы прошлаго столѣтія такимъ языкомъ выражался не одинъ Крыловъ: у лучшихъ поэтовъ того времени языкъ не лучше.

Для примѣра беру безъ особеннаго выбора часть произведенія Державина:

Какое гордое творенье,
Хвостъ пышно расширяя свой,
Чернозелены въ искрахъ перья
Со разсыпною бахрамой
Позадь чешуйкой груди кажетъ,
Какъ щёкій круглый дивный щитъ.

Лазурно-сизо-бирюзовы
На каждаго концѣ пера
Тѣнисты круги, волны новы

Струиста злата и сребра:
Наклонитъ — изумруды блещутъ!
Повернетъ — яхонты горятъ.....

Но что за чудное явленье!
Я слышу нѣкій страшный визгъ.
Сей фениксъ опустилъ вдругъ перья,
Увидя гнусность ногъ своихъ.
О пышность, какъ ты ослѣпляешь!
И баринъ безъ ума — павлинъ.

За покровомъ такого языка нашихъ поэтовъ прошлаго времени иные критики не были въ состояніи увидѣть ихъ поэтической силы и унижали ихъ какъ недостойныхъ славы, возвышая поэтическую силу въ другихъ за стихи, въ которыхъ нѣтъ ничего кромѣ хорошаго языка.

Въ тѣ же девяностые годы тотъ же Крыловъ могъ выражаться и другимъ языкомъ:

Любовь дурачеству съ родни:
Дѣля весь свѣтъ между собою,
Онѣ, мой другъ, въ двоемъ одни
Владѣть согласно стали мною...
Нерѣдко, милымъ быть желая,
Я передъ зеркаломъ верчусь,
И женскій вкусъ къ ужимкамъ зная,
Ужимкамъ ловкимъ ихъ учусь:
Лицомъ различны строю маски,
Кривляю носикъ, губки, глазки,
И, испугавшись самъ себя
Ворчу, что вялая природа
Недоработала меня,
И такъ-пустила — какъ урода...
Забывшись, рокъ я поношу,
И головы другой прошу,
Незная, чѣмъ и той я стою,
Которую теперь ношу...
Суетъ бывало ненавидя,
Въ тулупѣ лѣтомъ дома сидя,
Чиновъ я пышныхъ не искалъ
И счастья въ томъ не полагалъ
Чтобъ въ низкомъ важничать народѣ;
Въ прихожихъ ползать не ходилъ.

Мнѣ чинъ одинъ лишь лестенъ былъ,
Который я пошу въ природѣ,
Чинъ человѣка: въ немъ лишь быть
Я ставилъ должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считалъ одно неложной славой.
Теперь, мой другъ...
Отставка начала мнѣ скучить,
Хочу опять надѣть мундиръ
«Какъ счастливъ тотъ, кто бригадиръ,
Кто можетъ вдругъ шестерку мучить»!
Кричу не рѣдко съ горяча,
И шлемъ и латы надѣваю,
Въ сраженьяхъ мыслію летаю,
Какъ рюмки, башни разбиваю,
И армію рублю съ плеча.
Потомъ, въ торжественной минутѣ,
Я возвращаюся къ Анютѣ,
Покрытый лавровымъ вѣнкомъ,
Изрубленъ, кривъ, безъ рукъ и хромъ...
Бывало мнѣ и нужды нѣтъ,
Гдѣ миръ и гдѣ война сурова;
Не слышу я и самъ ни слова,
Иди, какъ хочешь, здѣшній свѣтъ.
Теперь, мой другъ, во все вплетаюсь,
И нужнымъ быть вездѣ хочу:
То къ западу съ войной лечу,
То важной мыслью занимаюсь
Европу миромъ подарить...
И все лишь только для того
Чтобъ лучь величья моего
Привлекъ ко мнѣ Анюту...
Бывалъ и мой покой мнѣ сладокъ,
Честь выше злата я считалъ,
Съ богатствомъ совѣсть не равнялъ
И къ деньгамъ былъ ни чуть не падокъ.
Теперь хотѣлъ бы Крезомъ быть;
Теперь мнѣ нужны,
Индѣйски берега жемчужны;
Не рѣдко мысленно беру
Я въ сундуки свои Перу;
Хочу, что бы судьбой изъ дружбы
За мной лишь было скрѣплено
Сибири золотое дно;

Чтобы
Анюту въ золотѣ водить,
Анюту съ золота кормить
Ее на золотѣ поить,
И деньги сыпать ей въ забаву.

Вотъ этотъ языкъ нельзя намъ не назвать нашимъ: онъ нашъ, и по словамъ, и по ихъ выговору, образованію и измѣненіямъ, и по оборотамъ, и по связи и расположенію словъ и выраженій, и вообще по духу, по тому, что легко чувствовать, и что не поддается ни какому разложенію.

Было высказываемо мнѣніе, что въ то время такой языкъ считался годнымъ только для слога простого, не возвышеннаго, другими словами: для тѣхъ случаевъ, когда писатель говорилъ или о предметахъ простыхъ, житейскихъ, или же въ обыкновенномъ настроеніи духа, не волнуясь, не восторгаясь. Мнѣ кажется, это мнѣніе несовершенно вѣрно. Тотъ же чистый Русскій языкъ звучитъ у Крылова и не какъ голосъ холоднаго разсудка, а взволнованнаго поэтическаго чувства, и не во взглядахъ на предметы простой жизни, а въ думахъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ ума. Вотъ примѣръ изъ подражанія псалму 23:

Несись на вихряхъ, мщенія царь!
Возсядь въ громахъ на тучахъ черныхъ —
Судить строптивыхъ и упорныхъ...
И въ гордыхъ молніей ударь.
Доколь вздымать имъ грудь надменну(ю)
И подпирать пороковъ тронъ,
Правдивыхъ гнать изъ свѣта вонъ?
Доколь твой презирать законъ
И осквернять собой вселенну(ю)?
Заграбя миръ себѣ въ удѣлъ,
Твердятъ они на грудахъ тѣлъ:
Господь не видитъ нашихъ дѣлъ
И не познаетъ ихъ во вѣки.
Безумецъ! гдѣ твой умъ и слухъ?
Уже ли слѣпъ создавшій око
И сотворившій ухо глухъ?
Безъ свѣта ли творецъ свѣтилъ?
Безсиленъ ли создатель силъ?
Безумецъ ли кто умъ въ насъ влилъ?
И мертвъ ли давшій душу живу?

Кто, кто съ мечемъ? Со мною рядомъ
Кто мнѣ поборникъ на убійцъ?
Кто на гонителей вдовицъ?
Никто — всѣхъ взоры пали ницъ —
Никто, но Богъ, самъ Богъ со мной.

Не показываютъ ли эти стихи, что Крыловъ могъ на чистомъ Русскомъ языкѣ возвышать свой голосъ вмѣстѣ съ думою, какъ бы ни вздумалъ высоко, — лишь бы захотѣлъ? — Конечно и у него, какъ и у другихъ нашихъ поэтовъ прошлаго и нынѣшняго вѣка, съ такими стихами, гдѣ ничто не колетъ слуха Русскаго человѣка, сходились и переплетались стихи, въ которыхъ написаны слова и выраженія не-Русскія, или же и Русскія, но испорченныя не-Русскимъ выговоромъ, или правилами не-Русской грамматики; конечно — допускалъ ихъ Крыловъ, допускали и другіе потому что можно было допускать; но коренилось это право смѣшивать языкъ Русскій съ не-Русскимъ не въ признаніи необходимости говорить не по Русски о томъ, чего нельзя было съ достоинствомъ выразить по Русски, а въ слабости требованій чутья языка и въ силѣ навыка оставлять безъ вниманія эти требованія, какъ его нестоющія. Чутье языка таже совѣсть: она никогда ни въ комъ не гаснетъ такъ, что бы не осталось хоть искры; и въ самомъ безнадежномъ сердцѣ вспыхиваетъ хоть рѣдко такимъ же свѣтлымъ пламенемъ, какъ и въ самомъ чистомъ; но и въ чистомъ сердцѣ какъ легко она можетъ покрываться пепломъ, когда нѣтъ къ нему прилива чистаго воздуха, когда кругомъ его широко и высоко лежитъ незыблемо зола привычекъ дѣлать не такъ, какъ велитъ совѣсть, а какъ случится или какъ желаютъ другіе. На совѣсти Русскихъ людей въ отношеніи къ языку въ литературѣ лежалъ такой густой слой золы и кругомъ его такая невозмутимая тишь безстрастія, что только случайно, безсознательно вспыхивали въ немъ живыя искры, и нерѣдко теплая зола выдавала себя за пламя. Ни у Крылова, ни у какого другого писателя не было ни какихъ ограничительныхъ условій для выраженія мыслей и чувствъ тѣмъ или другимъ языкомъ, но не было ни основательнаго научнаго знанія своего роднаго языка, ни твердой воли постоянно удерживать себя отъ того, что завѣдомо портило его чистоту и правильность. Вмѣстѣ съ тѣмъ у каждаго изъ пи-

сателей было такъ много самоувѣренности, а въ читателяхъ, которые могли сказать слово правды о языкѣ по внутреннему чутью, такъ много податливости и застѣнчивости, что пользоваться языкомъ какъ случится не трогало ничьей совѣсти. Все это было тѣмъ возможнѣе въ то время, когда господствовала всюду увѣренность, что языкъ для писателя тоже что для живописца краски, что для ваятеля глина или мраморъ, что не важенъ самъ по себѣ языкъ, а важно искуство владѣть имъ какъ орудіемъ, искуство, вырабатываемое въ писателѣ не столько вдумываньемъ въ свой языкъ, сколько общею образованностью, знаніемъ и усвоеніемъ пріемовъ другихъ писателей, своихъ и иноземныхъ, и т. п. Удавалось ли кому выразиться чисто по Русски или не удавалось, это было все равно. Образовались, правда, кое-какіе условія приличія выговора словъ не по Русски, какъ болѣе важнаго или болѣе выражающаго образованность, кое-какія приличія употребленія словъ не Русскихъ вмѣсто Русскихъ, неестественнаго расположенія словъ для приданія слогу величавости или стиху правильности размѣра, и т. п.; но этихъ условій было бы слишкомъ недостаточно для того, что бы чистымъ Русскимъ языкомъ нельзя было выражаться обо всемъ безъ исключенія, если бы только писатели не давали себѣ воли выражаться безсознательно, если бы и въ нихъ какъ во всемъ высшемъ обществѣ не спало подъ пепломъ живое чутье языка.

Такъ, мнѣ кажется, было въ то время, когда началъ и продолжалъ писать Крыловъ, межь тѣмъ какъ Державинъ царилъ въ нашей литературѣ, почти затмѣвая всѣхъ другихъ писателей или по крайней мѣрѣ всѣхъ ихъ увлекая за собою. И Державинъ, сколько ни давалъ онъ себѣ свободы выражаться, какъ пришлось, хоть бы и противъ основныхъ законовъ языка, нерѣдко выражался чисто по Русски о чемъ бы ни заговорилъ. И Муравьеву, Богдановичу, Майкову, Петрову, даже Хераскову, Кострову, Княжнину удавалось тоже. Съ другой стороны и Карамзину, Дмитріеву, Нелединскому и другимъ, еще болѣе позднимъ, часто не удавалось выражаться такъ хорошо по Русски, какъ удавалось Державину и другимъ писателямъ прежняго времени. Удавалось уже вполнѣ тѣмъ комикамъ и сатирикамъ, которые писали не отъ своего лица, а выводили раз-

ныя лица простого быта и смѣшили или забавляли ихъ рѣчью своихъ читателей или слушателей; но удачи этихъ писателей, кажется, надобно брать въ разчетъ не при разборѣ состоянія литературнаго языка, а при оцѣнкѣ ихъ литературныхъ понятій: они могли умѣть и точно умѣли вѣрно изображать лица разныхъ слоевъ народа особенностями ихъ рѣчи, и въ тоже время могли не умѣть и точно не умѣли говорить хорошо отъ себя. И имъ какъ всѣмъ другимъ удавалось это случайно. Всѣ удачи и неудачи зависѣли отъ однихъ и тѣхъ же причинъ, — и это бы продолжалось безвыходно, если бы не проникла въ нашу литературу новая струя.

Чувство народности стало все болѣе оживляться въ людяхъ образованнаго общества въ то время, когда это же общество заражалось все болѣе безграничнымъ пристрастіемъ къ чужому, западно-Европейскому. Чувство народности сливалось съ любовію къ отечеству, съ силою, которая связывала въ союзъ взаимнаго уваженія людей Русскихъ родомъ или домомъ и долгомъ совѣсти, по не правомъ и обычаемъ, съ людьми Русскими, которые не умѣли или не хотѣли быть иными чѣмъ отъ роду были. Съ чувствомъ народности росли всегда и вездѣ сочувствіе къ народной пѣснѣ, сказкѣ и пословицѣ, сочувствіе къ выразительности простой народной рѣчи и живое чутье роднаго языка. Литература не могла остаться въ сторонѣ отъ этого движенія общества. Не легко было однако дать ему въ ней общее значеніе: закоренѣлыя привычки писателей прежнихъ поколѣній, легко переходившія и къ новымъ, молодымъ поколѣніямъ, искавшимъ себѣ образцевъ въ произведеніяхъ прошлаго времени, необходимость читать и перечитывать произведенія литературъ иноземныхъ, необходимость, которую оправдывали не одни привычки, но и чувство правды, влеченіе къ прекрасному, сравнительная бѣдность нашей литературы, необходимость переводами и передѣлками ихъ дополнять наше литературное достояніе, дополнять сколько можно болѣе вѣрно и дословно, удобство выражаться не вдумываясь въ слова и выраженія, удобство права калѣчить языкъ на основаніи условій такъ называемой поэтической вольности, права придуманнаго въ вѣка всяческаго бесправья, — все вмѣстѣ удерживало вашу литературу на старой дорогѣ. Робко, чуть замѣтною тро-

никой могли пробираться подлѣ этой большой дороги попытки говорить отъ сердца чисто Русскою рѣчью, не смѣша читателей, а вызывая въ нихъ тѣже думы и чувства, какія, какъ всѣмъ казалось, полновластно были вызываемы искусственнымъ языкомъ большой дороги. Эти попытки, какъ ни были онѣ скромны, были замѣчаемы все болѣе и дѣйствовали на писателей по крайней мѣрѣ столько же, сколько и живой языкъ тѣхъ образованныхъ людей, которые говорили по Русски не по книгамъ. Въ искусственномъ литературномъ языкѣ допущен, а въ пользу народности одна перемѣна, одна уступка, безъ сомнѣнія, очень важная, но все же только уступка: допущено, а потомъ признано и необходимымъ подлаживать подъ строй народной логики расположеніе словъ, — но съ тѣмъ вмѣстѣ данъ входъ оборотамъ иноземнымъ, Французскимъ. Выгнано было кромѣ того изъ языка нѣсколько словъ Славянскихъ, но за то принято много словъ, занятыхъ въ подлинникѣ или въ переводѣ изъ того же Французскаго языка. Не этого можно было желать тѣмъ, для которыхъ дорога была сила прямо Русской рѣчи. Трудно было овладѣть этой силой въ такомъ положеніи дѣлъ: нужны были — твердая рѣшимость и стойкость, дарованія, счастливое умѣнье, знанія. Пытались многіе, иные довольно счастливо, но не долго; не соскучившихъ борьбою съ трудностями не остался почти никто.

Крыловъ остался. Съ 1806 года, началъ онъ печатать свои басни. Съ пересказами басенъ Лафонтена почти съ разу сталъ онъ давать и свои собственныя, — и какія: Ларчикъ, Музыканты, Оракулъ, Обезьяны и т. д. Въ 1811 году было у него уже болѣе сорока басенъ и въ томъ числѣ на половину его собственныхъ. Въ 1816 году — 115, и въ томъ числѣ собственныхъ болѣе 90. Изъ всѣхъ басенъ, написанныхъ Крыловымъ, а ихъ безъ одной 200, занятыхъ отъ другихъ баснописцевъ менѣе 40. И въ занятыхъ впрочемъ онъ столько же самобытенъ, какъ въ собственныхъ, самобытенъ въ разсказѣ, въ подробностяхъ, въ выразительности рѣчи. Это отмѣчено уже было Жуковскимъ при разборѣ перваго изданія 1809 года, хотя Жуковскій тогда еще и не понималъ значенія народной выразительности разсказа и языка. Нельзя сказать, что языкъ басенъ Крылова совершенно

безъ ошибокъ противъ чистоты и правильности; но эти ошибки изчезаютъ въ несчетномъ множествѣ разнообразныхъ красотъ чистаго Русскаго языка, и въ силѣ задушевности, которою онъ проникнутъ не менѣе чѣмъ языкъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ. Приводить ли доказательства? Но кто же не знаетъ на изустъ басенъ Крылова? Одинъ изъ нихъ, правда, менѣе извѣстны, чѣмъ другія; но кто можетъ поручиться, что какая нибудь менѣе всѣхъ другихъ извѣстная не памятна большинству? Позволяю себѣ привести всѣмъ памятную, примѣняемую не только къ простой житейской правдѣ и совѣсти, но и къ правдѣ и совѣсти въ языкѣ.

Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый гребешокъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку.
Играетъ, иль твердитъ изъ азбуки урокъ,
Свои все кудри золотыя,
Волнистыя, барашкомъ завитыя
И мягкія какъ тонкій ленъ,
Любуясь гребешкомъ, расчесываетъ онъ.
И что за гребешокъ! Не только не теребитъ,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ,
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись однакоже, что гребень затерялся.
Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокочилъ волосы копной,
Лишь няня къ волосамъ, дитя подыметъ вой.
«Гдѣ гребень мой?»
И гребень отыскался,
Да только въ головѣ ни въ задъ онъ, ни въ передъ,
Лишь волосы до слезъ деретъ.
«Какой ты злой гребнишка!»
Кричитъ мальчишка.
А гребень говоритъ: «Мой другъ, все тотъ же я,
Да голова всклокочена твоя».
Однакожъ мальчикъ мой отъ злости и досады —
Закинулъ гребень свой въ рѣку.....
Теперь имъ чешутся Наяды.

Крылову болѣе чѣмъ какому другому писателю обязана Русская литература тѣмъ, что въ языкѣ ея признана необходи-

мость народности, признана не на какихъ нибудь условіяхъ сочетанія Русскаго съ не-Русскимъ, а безусловно, — на столько же, на сколько должна быть признаваема въ словесности народной.

Признана, сказалъ я, — но развѣ можно сказать это по совѣсти? Развѣ нашъ литературный языкъ можно назвать чисто Русскимъ? Развѣ мы пишемъ по Русски не такъ же какъ прежде мѣшаемъ Русское со Славянскимъ и съ иноземнымъ безъ надобности, по безотчетной привычкѣ, или же по прихоти и даже по требованію вкуса? Развѣ не во множествѣ внесли мы и вносимъ все болѣе и болѣе словъ и оборотовъ чужихъ, только по привычкѣ и условно понимаемыхъ, къ которымъ надобно привыкать, какъ къ чужому платью, ко вставнымъ зубамъ, вносимъ не только не задумываясь о томъ, нужны ли они, или можно обойтись и безъ нихъ, а даже съ умысломъ, считая ихъ нужными, необходимыми, даже Русскими? Развѣ мы стараемся овладѣть своимъ языкомъ, усвоить себѣ его выразительность, подчинить себя ему, а не его себѣ, своимъ навыкамъ и похваламъ тѣхъ, которыхъ одобреніе въ глаза дороже намъ всѣхъ заглазныхъ порицаній? Да, это правда; но правда и то, что мы все смѣлѣе идемъ по пути необходимости говорить чисто по Русски, не подводя подъ Русскіе звуки условій чужой выразительности, а питая въ себѣ Русское чувство и ища для него выраженій внутри себя. Трудно это, иногда еще даже и невозможно для языка науки, но и языкъ науки все болѣе проникается выразительностью рѣчи народной; тѣмъ легче домогаться этого въ остальныхъ отрасляхъ литературы. Вниманіе къ памятникамъ народной словесности, къ быту и обычаямъ народа, къ древностямъ и старинѣ, уваженіе и любовь ко всему народному, изученіе родного языка, какъ онъ живетъ въ народѣ и по тѣмъ памятникамъ письменности прошедшаго времени, въ которыхъ его народная своеобразность выразилась чище и сильнѣе — возбуждаются въ образованныхъ кругахъ и учеными обществами, и трудами историковъ, археологовъ, филологовъ, этнографовъ, и живымъ словомъ преподавателей, и не менѣе живымъ, хотя и не устнымъ словомъ текучей литературы. На произведеніяхъ нашихъ даровитыхъ писателей, если не всѣхъ, то хоть нѣкоторыхъ, отпечатлѣлась ихъ забота усвоить себѣ богатства родного языка, пользоваться ими по требованію

живого чутья, избѣгать и высокопарностей высокаго изложенія и неправильностей того просторѣчія людей образованныхъ, которое щеголяетъ чужестранными словами и выраженіями въ подлинникѣ и въ переводѣ, и мертвенной правильности склада рѣчи, строимой по мѣркамъ такъ называемаго логическаго разбора, давать себѣ отчетъ если не во всякомъ словѣ и выраженіи, то по крайней мѣрѣ во всякомъ важномъ. Сдѣлано многое, Богъ дастъ сдѣлано будетъ и все, что нужно и можно. Нужно ли и можно ли совершенно очистить Русскій языкъ не только отъ всѣхъ словъ иноземныхъ, но и отъ тѣхъ Славянскихъ, которыя утвердились въ нашей письменности вѣками, изъ нея стали издавна переходить въ жизнь и стали въ ней необходимы такъ же, какъ коренныя Русскія слова? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы возможенъ, если бы подъ нимъ не таился другой: не нужно ли и нельзя ли очистить Русскій языкъ отъ тѣхъ Славянскихъ формъ словъ, къ которымъ писатели и образованное общество привыкли такъ, что Русскія формы тѣхъ же словъ кажутся или дикими или чужими, и отъ тѣхъ Славянскихъ и чужестранныхъ словъ и выраженій, которымъ есть равносильныя Русскія? Теперь возможно пока разрѣшеніе только этого вопроса. Его сдѣлали возможнымъ Крыловъ и его послѣдователи, доказавъ образцами, что можно избѣгать словъ и выраженій не-Русскихъ, что можно и замѣнять ихъ Русскими. Образцы есть; есть и указанія науки. Богъ дастъ будутъ и силы для окончательнаго рѣшенія вопроса на дѣлѣ.

О БАСНЯХЪ КРЫЛОВА
ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

АКАДЕМИКА А. Ѳ. БЫЧКОВА.

Писатели, одаренные необыкновеннымъ талантомъ, пользуются, между прочимъ, и тѣмъ заслуженнымъ преимуществомъ, что произведенія ихъ, хотя бы и были писаны на языкѣ мало распространенномъ и мало извѣстномъ, постепенно становятся достояніемъ всего образованнаго міра, предметомъ живаго его вниманія и тщательнаго изученія.

И. А. Крыловъ, столѣтнюю годовщину котораго со дня его рожденія Академія Наукъ сегодня празднуетъ, принадлежитъ къ небольшому избранному кружку русскихъ писателей, художественныя творенія которыхъ литературы Западной Европы уже давно старались себѣ усвоить.

Почти съ появленіемъ первыхъ своихъ басенъ, завоевавшій вниманіе своихъ соотечественниковъ и безусловныя ихъ похвалы, Крыловъ естественно долженъ былъ заинтересовать и иностранцевъ, преимущественно французовъ, до слуха которыхъ доносилось усвоенное нашему баснописцу, по образцу XVIII столѣтія, прозваніе русскаго Лафонтена.

Но изъ произведеній всѣхъ русскихъ писателей художественная передача на иностранные языки твореній нашего знаменитаго баснописца представляетъ трудности почти непреодолимыя.

Чѣмъ талантъ самобытнѣе, тѣмъ болѣе бываетъ работы переводчику; но чѣмъ болѣе въ сочиненіи отражается особенностей

народной жизни, чѣмъ послѣднія точнѣе воспроизводятся и получаютъ болѣе оригинальную внѣшнюю оболочку, тѣмъ еще труднѣе становится задача при переводѣ. Здѣсь уже требуется не только глубокое знаніе языка писателя, но и близкое знакомство съ нравами и обычаями страны, которые онъ живописуетъ въ своихъ произведеніяхъ.

А возможна ли точная передача произведеній Крылова, въ большей части которыхъ народная философія, выражающаяся въ пословицахъ и поговоркахъ, идетъ объ руку съ народнымъ юморомъ; обороты живой рѣчи, подслушанные у народа и не подходящіе подъ грамматическую мѣрку, бьютъ изъ каждой строки; недосказанныя фразы, какъ бы невзначай оброненныя слова рисуютъ въ воображеніи русскаго читателя цѣлую картину, ему знакомую до самыхъ мелкихъ подробностей, во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ?

Не смотря на всѣ эти затрудненія, басни Крылова усвоены Западною Европою и она, такъ ревностно оберегающая свой литературный палладіумъ, дала почетное мѣсто нашему баснописцу въ ряду своихъ, съумѣла, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, оцѣнить его достоинства.

Я позволяю себѣ занять вниманіе ваше мм. гг. сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній какъ о переводахъ на иностранные языки басенъ И. А. Крылова, который, не ограничиваясь созданіемъ новой одежды на предметы, уже разработанные баснописцами отъ Езопа до Лафонтена включительно, внесъ въ область апологa и предметы новые — плоды наблюденій надъ своеобразною русскою жизнью, такъ и о томъ какъ отнеслась западно-европейская критика къ произведеніямъ нашего баснописца.

Французы познакомились съ нимъ первые.

Басни Крылова въ переводѣ на французскій языкъ начали появляться въ парижскихъ журналахъ съ 1820-хъ годовъ. Едмъ Геро (Edme Héreau), одинъ изъ сотрудниковъ Revue encyclopédique, помѣстилъ ихъ нѣсколько въ весьма удачныхъ переводахъ въ разныхъ журналахъ и сборникахъ[1]). Въ 1821 году онъ

[1]) Вотъ названія журналовъ и сборниковъ, въ которыхъ помѣщены басни Крылова: Minerve littéraire ou l'Abeille, подъ редакціею г-жи Dufresnoy,

напечаталъ въ еженедѣльникѣ, носившемъ заглавіе l'Abeille [1]), переводъ «Гусей»; но эта басня, по ошибкѣ или его самого, или типографіи, была приписана Тассу. Подъ этимъ страннымъ, но многознаменательнымъ псевдонимомъ началось знакомство французовъ съ русскимъ баснописцемъ.

Въ 1822 году, вышли въ Петербургѣ избранныя басни Крылова, переведенныя французскими стихами Рифе [2]). Всѣхъ басенъ имъ переложено 69 изъ числа 140, въ то время написанныхъ и напечатанныхъ Крыловымъ. Достоинству этого труда много содѣйствовали Лобановъ, изготовившій для Рифе буквальный переводъ басенъ, и самъ баснописецъ, взявшій на себя просмотръ перевода и сообщившій на него нѣсколько своихъ замѣчаній [3]).

Намѣреніе Рифе познакомить Францію, а черезъ нее и всю Европу съ произведеніями нашего баснописца [4]) заслужило похвальное одобреніе со стороны отечественной критики [5]), а черезъ три

Almanach des Muses, Almanach des Dames, Causeuse, Semaine и др., въ Revue encyclopédique (t. X, p. 367).

[1]) L'Abeille du 4 Août 1821 (journal hebdom. de Paris), livr. 39, p. 578—579.

[2]) Choix des Fables de M. Kryloff, traduites en vers français par F. J. R. St.-Pétersbourg, 1822. 8°. VIII и 128 стр.

[3]) При трехъ басняхъ: «Комаръ и Пастухъ», «Волкъ и Пастухи» и «Левъ и Лисица» сказано, что оригиналами для нихъ служили Крылову басни Езопа, а при одной изъ нихъ, именно при баснѣ «Волкъ и Пастухи», Рифе замѣтилъ, что ея греческій источникъ былъ ему указанъ самимъ баснописцемъ: «L'auteur m'a dit avoir imité du grec cette petite fable».

[4]) Въ предисловіи къ своему переводу Рифе слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ художественное достоинство басенъ Крылова: «Ce poète dont la Russie s'honore, et dont toute autre nation serait fière, a composé beaucoup de fables qui réunissent à un haut degré la nouveauté, la force, la naïveté du style et la finesse de la pensée, la justesse du trait, l'exacte peinture des moeurs, et qui ne peuvent manquer de tenir un rang distingué dans l'histoire de l'apologue. Beaucoup d'entr'elles doivent être signalées comme des modèles de finesse et de bon goût. Son esprit observateur a été servi par l'étude de moeurs encore peu connues, et qui lui ont fourni des sujets neufs. Il cache avec habileté la profondeur de ses vues, sous la bonhomie de son style, et déguise la malice de son épigramme, sous la simplicité de son langage. Il emploie avec complaisance la locution populaire, pour faire mieux ressortir la morale philosophique; et, s'il est permis de faire ici une réflexion politique qui naît du sujet, ses compositions sont des preuves en faveur de la censure, qui, bien dirigée, n'arrête l'émission d'aucune vérité utile».

[5]) Conservateur impartial, № 37, Mai 1822, p. 207.

года и со стороны французской [1]). Единственный упрекъ, но едва ли вполнѣ справедливый, сдѣланный Рифе рецензентомъ [2]), состоялъ въ томъ, что онъ взялся за переводъ вещей непереводимыхъ. Но если бы переводчики послѣдовали этому совѣту, въ такомъ случаѣ лучшія басни Крылова остались бы неизвѣстными иностранцамъ и особенности его музы сдѣлались бы для нихъ недоступными. Едва ли слѣдуетъ жалѣть о томъ, что Рифе перевелъ «Тришкинъ Кафтанъ», «Демьянову уху» и другія басни, отличающіяся неподражаемою оригинальностію; но нельзя не пожалѣть что при его переложеніи исчезли изъ басенъ нѣкоторыя изрѣченія, сдѣлавшіяся пословицами, какъ напр.

Но только брось имъ кость, такъ что твои собаки!

—

А вы, друзья, какъ не садитесь,
Все въ музыканты не годитесь! [3])

Въ этомъ же 1822 году появился въ Парижѣ переводъ «Гусей» въ Miroir des spectacles, des lettres, des mœurs et des arts [4]), подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Les oisons de Russie, fable traduite de M. Knitof и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Mougig est le nom qu'on donne au paysan ou malheureux esclave russe».

Разрозненное появленіе во французской печати басенъ Крылова не могло доставить достаточныхъ матеріаловъ для произнесенія суда объ его произведеніяхъ. Въ 1823 году, когда еще переводъ Рифе не былъ извѣстенъ французской публикѣ, Дюпре де Сенъ-Моръ (Dupré de Saint-Maure), проживший въ Россіи четыре года, напечаталъ Anthologie russe, въ которой, среди разныхъ произведеній русской музы, далъ мѣсто 10-ти баснямъ Крылова, изъ которыхъ семь (Крестьянинъ и Лисица; Оракулъ; Гуси; Лисица и Сурокъ; Слонъ и Моська; Орелъ и

---

[1]) Revue encyclopédique, t. XXVIII, 1825, p. 162 — 168.

[2]) Сынъ Отеч., 1822, № 25, стр. 227 — 228.

[3]) Въ баснѣ «Огородникъ и Философъ» переводчикъ заставилъ и огородника и философа, вмѣсто огурцовъ, сажать салатъ; но при этомъ онъ замѣтилъ, что «dans la fable russe, il s'agit de concombres, parce que ce légume est en Russie d'un usage aussi général que la salade en France».

[4]) Rédigé par Jouy, Arnault, Em. Dupaty, E. Gosse, Cauchois-Lemaire, livr. du 5 Août 1822, p. 3.

Паукъ; Кукушка и Горлинка) переданы самимъ составителемъ сборника, двѣ (Сочинитель и Разбойникъ; Собачья дружба) графомъ де-Местромъ и одна (Любопытный) генераломъ С. [1]).

Сборникъ этотъ былъ встрѣченъ строгимъ разборомъ въ Journal de Paris (2 Janvier 1824). Критикъ Бауръ-Лорміанъ (Baour Lormian), знакомый дотолѣ только съ нашими полками, былъ пораженъ огромнымъ числомъ русскихъ писателей. Боязнь новаго нашествія «на прекрасную Францію» русскихъ варваровъ отразилась въ тонѣ всего его приговора. Отрицая право гражданства нашей литературы въ средѣ литературъ европейскихъ, Бауръ-Лорміанъ главнымъ образомъ напалъ на Крылова за его басню «Сочинитель и Разбойникъ», въ которой видѣлъ прозрачный намекъ на Вольтера. Такое приравненіе къ разбойнику главы французскихъ энциклопедистовъ естественно должно было возбудить противъ Крылова гнѣвъ критика, и дѣйствительно онъ, руководимый лишь національнымъ чувствомъ француза, положительно и голословно отвергнулъ всѣ достоинства, приписанныя баснямъ Крылова составителемъ Антологіи [2]).

---

[1]) Anthologie russe, suivie de poésies originales, dédiée à S. M. l'Empereur de Toutes les Russies; par P. J. Emile Dupré de Saint-Maure, chevalier de l'ordre royal de la Légion-d' honneur, ex-membre du corps législatif, ancien sous-préfet, auteur des satires publiées, en 1818, sous le titre d'*Hier et Aujourd'hui*. Avec six dessins lithographiés. Paris, 1823. 4°. 4 неном., XXIX и 268 стр. Большая часть переводовъ Дюпре де Сенъ-Мора просмотрѣна самими авторами. Крыловъ былъ доволенъ сдѣланными переводами его басенъ и, по словамъ составителя Антологіи, прослушавъ однажды нѣсколько изъ нихъ, сказалъ ему: «если иногда духъ вашего (т. е. французскаго) языка и заставлялъ васъ при переводѣ отклоняться отъ моихъ выраженій, то, говоря по истинѣ вы никогда не отдалялись отъ моихъ мыслей». Разборъ Антологіи и извлеченный изъ нея очеркъ русской литературы помѣщенъ въ Foreign quarterly Review (vol. I, № 2, p. 595 — 631).

[2]) Г. Дюпре де Сенъ-Моръ весьма вѣрно опредѣлилъ достоинства и всѣ особенности басенъ Крылова. Мы приводимъ здѣсь вполнѣ его отзывъ: «Mais c'est surtout par ses fables que cet ecrivain s'est acquis, en Russie, une grande célébrité. Leur principal mérite consiste dans l'originalité des pensées, le charme inexprimable du naturel; dans cette fléxibilité de style, qui se prête aux heureuses négligences de la fable, et unit l'élégance à la simplicité.

Couvert du manteau de l'apologue, et, pour ainsi dire, retranché dans une poésie familière et naïve, qui effleure sans déchirer, et avertit sans offenser, le poète russe attaque hardiment les moeurs et les ridicules du siècle; mais ses

Надобно удивляться одному, какъ критикъ не воспользовался смѣшнымъ промахомъ составителя Антологіи, извратившаго смыслъ басни «Лисица и Сурокъ» и не поставилъ этого промаха въ вину сочинителя. Всѣ слова Лисицы переводчикъ отнесъ къ Сурку, и на оборотъ все, что говоритъ Сурокъ приписалъ Лисицѣ. Такимъ образомъ совершенно исчезла соль басни, особенно когда судьей курятника явился Сурокъ, рыльцо котораго частенько видывали въ пуху.

Рѣзкая и желчная критика Баура-Лорміана, которая могла имѣть вліяніе на мнѣніе французовъ, защищающихъ всегда свои славы, побудила нашего соотечественника, Якова Николаевича Толстаго, принять на себя защиту Крылова. Въ изданной имъ брошюрѣ: Quelques pages sur l'Anthologie russe, не принятой ни однимъ французскимъ журналомъ, онъ обнаружилъ невѣжество Баура-Лорміана въ исторіи нашей литературы и доказалъ, хотя не слишкомъ убѣдительно, несостоятельность мнѣнія французскаго критика относительно основной мысли басни «Сочинитель и Разбойникъ».

Ознакомленіемъ Франціи и Италіи не съ отдѣльными, избранными баснями Крылова, но съ весьма значительнымъ числомъ ихъ мы обязаны сенатору графу Григорью Владиміровичу Орлову и его супругѣ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ, рожденной графинѣ Салтыковой. Съ первыхъ лѣтъ пребыванія Орлова за границею, гдѣ онъ напечаталъ на французскомъ языкѣ два ученые труда, доставившіе ему нѣкоторую извѣстность, его занимала

---

flèches ne sont point acérées comme celles du satirique. Le fabuliste s'adresse aux masses dans ses innocentes allusions; l'individu qui se reconnait au miroir, n'étant point saisi corps à corps, pardonne à la fable qui le fait rire, et à l'auteur qui ne le visait point en décochant son trait. M. Kriloff transporte rarement ses personnages hors de la Russie; il reste sur son terrein, craignant de perdre, en le quittant, cette précieuse originalité, fille de l'imagination, et dont la nature est si avare. Enjoué, spirituel, il emprunte hardiment au peuple des expressions communes, mais piquantes, qu'il relève par le tour poétique, et toujours en évitant l'écueil de la trivialité. Rapide dans ses transitions, il s'élève avec son sujet, s'abaisse avec lui, le revêt de toutes les formes, le monte à tous les tons. Habile à faire vibrer les cordes de l'harmonie imitative, si puissante dans la langue russe, il module avec le rossignol, crie avec l'aigle, gronde avec les vagues, et conserve à la nature la vérité de ses accens, aussi bien que celle de ses caractères».

мысль подарить Европѣ переводы лучшихъ произведеній отечественной словесности. Послѣ многихъ колебаній выборъ его остановился на нашемъ баснописцѣ. Изъ собранія его басенъ было выбрано 86-ть, предметъ которыхъ не былъ заимствованъ, но принадлежалъ собственно поэту. Прозаическій переводъ ихъ на французскій языкъ, исполненный по просьбѣ Орлова Эйнерлингомъ, былъ предложенъ для переложенія въ стихи литераторамъ и ученымъ, посѣщавшимъ его домъ. 59 лицъ, въ томъ числѣ 10-ть писательницъ, изъявили согласіе участвовать въ этомъ литературномъ предпріятіи новаго рода и разобрали между собою басни. Въ числѣ этихъ лицъ находилось много представителей ученаго и литературнаго круга того времени, между прочимъ: Ле-Балли, баронъ Стассартъ, Рэго и Подс—сами оригинальные баснописцы, графъ де-Сегюръ, бывшій семь лѣтъ посломъ при нашемъ дворѣ, герцогъ де-Бассано, четыре года управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ, Каріонъ Низасъ, Руже-де-Лиль (Rouget-de-l'Isle), авторъ Марсельезы [1]), Казимиръ Делавинь, графъ Дарю, написавшій исторію Венеціи, Жуи, Софія и Дельфина Ге, и мн. др.

Изданіе Орлова, вышедшее въ свѣтъ въ 1825 году, было исполнено Фирменъ Дидотомъ [2]). Русскому тексту басенъ и пе-

---

[1]) Руже-де-Лилю принадлежитъ въ этомъ сборникѣ переводъ басни «Гуси», въ которой нельзя не обратить вниманія на слѣдующее мѣсто:

Voyez, homme de bien, voyez comme nous traite
Ce rustre, ce manant! Des oisons tels que nous!
Nous, descendus tout droit de ces saintes volailles
Qu'on vit du Capitole affranchir les murailles:
Karamsine et d'Hosier sont d'accord sur ce point.

[2]) Fables russes, tirées du Recueil de M. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs; précédées d'une introduction française de M. Lémontey, et d'une préface italienne de M. Salfi. Publiées par M. le comte Orloff. Ornées du portrait de M. Kriloff et de cinq gravures. 2 tomes. Paris, 1825. 8°. T. I. LXI и 249 стр.; т. II. 381 стр. Въ 1845 году Эйнерлингъ перепечаталъ изъ изданія графа Орлова, особою книжкою, французскіе переводы, подъ заглавіемъ: Fables russes tirées du Recueil de M. Krylof, et imitées en vers français par divers auteurs; précédées d'une introduction. Publiées par J. B. Einerling. Ornées de quatre gravures. St. Pétersbourg, 1845. 8°. VI и 210 стр. Въ предисловіи г. Эйнерлингъ, сообщивъ о своемъ знакомствѣ съ графомъ Орловымъ и объ участіи, которое онъ принималъ въ изданіи его сборника, дѣлаетъ выписку того мѣста изъ введенія Лемонте, въ которомъ перечисляются

реводамъ ихъ на французскій и италіянскій языки предпослано: посвятительное письмо графа Орлова Крылову [1]), введеніе,

---

французскіе писатели, принимавшіе участіе въ передачѣ Крылова на французскій языкъ.

[1]) Такъ какъ въ этомъ посвятительномъ письмѣ графъ Орловъ излагаетъ послѣдовательно ходъ предпринятаго имъ перевода басенъ, то по этому, а также и въ виду рѣдкости изданія, мы помѣщаемъ здѣсь это письмо цѣликомъ:

«Любезный другъ Иванъ Андреевичъ!

«Желаніе познакомить ученый свѣтъ и Европу съ нашею отечественною словесностію давно занимало меня. Имѣвъ творенія ваши со мною, часто въ Италіи читали мы прелестныя басни ваши ученымъ и литераторамъ сей классической земли, переводя оныя слово въ слово; и какъ не слабъ былъ мой переводъ, я восхищалъ сихъ питомцевъ музъ оригинальными мыслями, воображеніемъ и рѣдкимъ талантомъ вашимъ.

«Именитѣйшіе поэты Италіи обратили въ стихи нѣкоторыя басни ваши, и такимъ образомъ сдѣлались они извѣстны, въ щастливыхъ подражаніяхъ, на безсмертномъ языкѣ Данта, Тасса и Аріоста.

«Первой удачной опытъ возбудилъ желаніе продолжать оный. Мы избрали въ собраніи вашемъ большую часть басень, собственно вамъ принадлежащихъ, не касаясь тѣхъ, въ коихъ вы сами подражали иностраннымъ авторамъ.

«Я перевелъ ихъ въ прозѣ и разослалъ по разнымъ отличнѣйшимъ поэтамъ Италіи, кои съ отмѣнною благосклонностію и снисхожденіемъ исполнили желаніе наше и доставили намъ труды свои. Такимъ образомъ совершились переводъ и подражанія Италіянскія.

«Но мы полагали, что сего не довольно для славы нашего Лафонтена. Языкъ французскій въ нашемъ вѣкѣ сдѣлался, такъ сказать, языкомъ всеобщимъ, не только европейскимъ, но даже всего свѣта. И такъ мы сочли необходимымъ, чтобы басни ваши были переведены и на французскій языкъ. Стихотворцы французскіе не менѣе были благосклонны стихотворцевъ италіянскихъ. Восемьдесять шесть басень на обоихъ языкахъ переведены. Вы найдете въ числѣ подражателей имена первыхъ баснописцевъ, первыхъ поэтовъ, людей извѣстныхъ ученостію, любезностію и пріятностію дарованій, кои служатъ украшеніемъ первѣйшимъ сословіямъ словесности и учености. Всѣ согласились съ радостію соучаствовать въ нашемъ предпріятіи съ такимъ усердіемъ и съ такою готовностію, что я не имѣю словъ изъявить имъ моей искренней благодарности.

«Нѣсколько лѣтъ должны были мы употребить на окончаніе такого предпріятія. Наконецъ оное совершилось. Дѣло дошло до печатанія. Изданіе должно быть достойно нашего любезнаго автора и его подражателей. Кому ввѣрить типографическую часть, какъ не Фирмену Дидоту? Новыя литеры вылиты и русскія и иностранныя. Рисунки для украшенія каждой книги нарисованы изящнѣйшими художниками Парижа, и лучшіе граверы сей столицы вырѣзали и отпечатали оные.

«Начало первой части знакомитъ Европу съ изображеніемъ и чертами нашего добраго и милаго баснописца. Издатель почитаетъ долгомъ принести ему сей знакъ уваженія и дружбы.

на французскомъ языкѣ, Лемонте[1]) и предисловіе, на италіянскомъ, Сальфи. Бросивъ бѣглый взглядъ на исторію нашей словесности и на исторію нашего языка, Лемонте переходитъ къ баснямъ Крылова, открывшимъ, по его словамъ, блестящій періодъ русской словесности. Басни Крылова, говоритъ Лемонте, до сихъ поръ самыя совершеннѣйшія произведенія изъ всего, чѣмъ обладаетъ Невскій Парнассъ. Ни одинъ народъ не имѣетъ баснописца, который стоялъ бы выше Крылова въ оригинальности и въ изобрѣтеніи. Почти всѣ сюжеты принадлежатъ ему. Разсказъ его отличается тонкостію, простосердечіемъ и правдоподобіемъ, усѣянъ подробностями живыми и остроумными. Съ необыкновеннымъ искусствомъ употребляетъ онъ мѣстныя краски и его кисть, истинно русская, какъ въ зеркалѣ, рисуетъ особливый обликъ народа. Изобрѣтеніе въ басняхъ Крылова вообще исполнено ума; онъ рѣдко играетъ своими уроками, его нравоученія просты и тверды и иногда похожи на эпиграмму или на

«Каждая басня русская напечатана прежде иностранныхъ. Пускай иноземцы, кои испытали всю твердость и силу русскаго меча, узнаютъ, что сей народъ, благочестивый и преданный отечеству и Царю, не лишенъ также и изящныхъ дарованій, что онъ имѣетъ своихъ поэтовъ, своихъ историковъ, своихъ ученыхъ, что и съ сей стороны онъ заслуживаетъ не менѣе уваженія и почтенія, какъ со стороны славы и побѣдъ, гремящихъ въ честь его во всей вселенной. Пускай, читая подражанія басней вашихъ, почувствуютъ они желаніе понимать оныя и въ національномъ языкѣ.

«Уже они знакомы сдѣлались съ нашимъ почтеннымъ историкомъ съ безсмертнымъ Карамзинымъ, который снискалъ себѣ славу необыкновенную и въ отечествѣ и въ Европѣ изданіемъ Отечественной Исторіи. Пускай узнаютъ они теперь, что есть въ Россіи и баснописцы, достойные вниманія и хвалы.

«Пускай примѣръ сей возбудитъ въ соотечественникахъ нашихъ желаніе оному послѣдовать и сообщить иноземцамъ наши сокровища въ словесности вѣрнымъ и чистымъ переводомъ.

«Кому же послѣ всего мною сказаннаго сдѣлать приношеніе сего творенія, если не самому автору? И такъ примите оное, любезный другъ, какъ знакъ пріязни и уваженія къ талантамъ вашимъ, и желанія, чтобы оно нѣкоторымъ образомъ возбудило музу вашу къ новымъ трудамъ».

[1]) Это введеніе Лемонте переведено, съ подстрочными указаніями нѣкоторыхъ его ошибокъ, въ Сынѣ Отеч., 1825, ч. CII, стр. 67 — 87 и 173 — 189; разборъ его помѣщенъ въ Москов. Телегр., 1825, ч. V, № 17, стр. 40—46. Оно было почти все перепечатано въ Bibliothèque universelle de Genève, 1825, t. 29, стр. 374.

сатиру, составляющую оружіе добродѣтели. Его слогъ, котораго совершенства живо чувствуютъ русскіе, соединяетъ въ себѣ два рода красоты, недоступной переводчикамъ: съ одной стороны онъ обилуетъ словами звукоподражательными, съ другой — онъ искусно извлекаетъ изъ простонароднаго языка выраженія особенныя и неожиданныя, которыя сами собою возбуждаютъ множество понятій, чувствованій и воспоминаній, драгоцѣнныхъ соотечественникамъ поэта.

Такой относительно вѣрный взглядъ Лемонте на достоинства басенъ Крылова, по всему вѣроятію образовавшійся подъ вліяніемъ нашихъ соотечественниковъ, жившихъ въ то время въ Парижѣ, долженъ былъ имѣть свою долю вліянія при обсужденіи въ французской литературѣ явившагося изданія Орлова, заключавшаго въ себѣ переложенія басенъ Крылова или точнѣе сказать подражанія имъ. Такъ критикъ Revue encyclopédique Е. Геро (E. Héreau) [1]), приводя in extenso мнѣніе Лемонте о достоинствѣ басенъ Крылова, отдаетъ полную похвалу нашему соотечественнику и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже ставитъ Крылова выше Лафонтена, какъ напр. въ правоученіяхъ; но въ тоже время находитъ, что у французскаго баснописца болѣе правдоподобія дѣйствія и что въ его басняхъ не встрѣчается ничего подобнаго тому напримѣръ, чтобы щука вмѣстѣ съ котомъ пошла на ловлю мышей. Болѣе же всего г. Геро нападаетъ, стоя впрочемъ на весьма шаткомъ основаніи, за переводъ басенъ: «Демьянова уха», «Свинья и Гребень», въ которыхъ по его мнѣнію слишкомъ ярко выступаютъ мѣстныя краски и картины и которыя никогда не получатъ права гражданства въ французской литературѣ, такъ какъ нѣжный французскій языкъ не можетъ быть въ этомъ случаѣ послушнымъ орудіемъ для переводчика.

Столь же одобрительно отозвался о басняхъ Крылова неизвѣстный критикъ Journal'a des Débats [2]). Басни Крылова — говоритъ критикъ — отличаются здравымъ смысломъ и умомъ; онѣ всѣ изобрѣтены самимъ авторомъ, а не представляютъ новыхъ видоизмѣненій Бидпая, Эзопа и Федра. Естественность,

[1]) Revue encyclopédique, t. 26, 1825, p. 717 — 736.

[2]) Journal des Débats du 16 Mai 1825. Переводъ этой статьи помѣщенъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1825, № 45, стр. 1616 — 1619.

изящная простота и остроуміе разсыпаны въ нихъ щедрою рукою; глубокія мысли, скрывающіяся въ нихъ подъ прелестію и простотою подробностей, вмѣстѣ съ художественностію созданія, составляютъ ихъ отличительное достоинство. За этою похвалою слѣдуетъ и упрекъ Крылову, справедливости котораго нельзя отрицать и который уже былъ высказанъ Лемонте. Извѣстно, что дѣйствующія лица въ Апологѣ должны говорить и разсуждать согласно съ своею природою и предполагаемымъ въ нихъ характеромъ; всѣ ихъ рѣчи, движенія и дѣйствія должны имѣть относительную вѣроятность, а между тѣмъ басни Крылова иногда грѣшатъ въ этомъ отношеніи и допускаютъ очевидныя несообразности. Въ подтвержденіе этого критикъ обращаетъ вниманіе на невозможность, чтобы «однажды Лебедь, Ракъ, да Щука везти съ поклажей возъ взялись» и говоритъ, что именно вслѣдствіе этой невозможности французскій переводчикъ замѣнилъ возъ телѣжкой, а италіянскій — лодкой.

Этими статьями и этимъ переводомъ установилось, такъ сказать, въ французской литературѣ мнѣніе о нашемъ баснописцѣ, съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнявшееся въ своихъ частностяхъ, вслѣдствіе возникновенія новыхъ взглядовъ на теорію и искусство словесности, вслѣдствіе появленія новыхъ идей и требованій. Что касается насъ, то мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что басни Крылова въ этихъ переложеніяхъ утратили многое, что составляетъ ихъ прелесть и красоту. Переселенная подъ чужое небо, поэтическая муза Крылова совершенно утратила оригинальную внѣшнюю одежду и только сохранила прелесть сюжета и новость нѣкоторыхъ его подробностей, обиліе которыхъ и поразило французскихъ критиковъ. Въ подкрѣпленіе справедливости этого сожалѣнія, я позволяю указать на нѣкоторые правоучительные выводы, совершенно измѣнившіе свой смыслъ подъ перомъ французскихъ писателей. Такъ напр. заключительные три стиха въ баснѣ «Слонъ и Моська»:

Пускай же говорятъ собаки:
«Ай Моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на Слона!»

переданы такъ:

Pour faire croire à sa valeur,
Loin du danger le lâche insulte, attaque même;
Le brave va toujours, n'écoutant que l'honneur.
A-t-il tort ou raison? c'est un autre problème.

Такъ нравоученіе басни «Тришкинъ Кафтанъ» въ переводѣ приняло политическій оттѣнокъ:

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ:
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ!

Étendue ou restreinte au gré du magistrat,
Suivant le besoin, le caprice,
Grace aux adroits ciseaux de nos hommes d'État,
Mainte charte ressemble à l'habit de Jocrisse.

Такъ 17 стиховъ басни «Музыканты» превратились въ 76 у французскаго подражателя, въ которыхъ и слѣда нѣтъ нравоученія этой басни.

Въ 1828 году Ипполитъ Маскле напечаталъ въ Москвѣ переводъ басенъ Крылова по полному ихъ изданію[1]), вышедшему въ 1823 году, за исключеніемъ басенъ, заимствованныхъ изъ Лафонтена, впрочемъ не всѣхъ[2]). Оставленныя изъ сихъ послѣднихъ должны были служить наглядными удостовѣреніемъ своеобразной разработки русскимъ баснописцемъ предметовъ, которые уже находились подъ перомъ представителя французской басни. Задачею своего труда Маскле поставилъ передать басни Крылова какъ можно ближе къ подлиннику, и успѣлъ выполнить ее довольно удачно, доказавъ тѣмъ, что широкій произволъ, предоставляемый подражаніямъ, обращается всегда въ ущербъ писателя и выгоденъ только для подражателей.

Тѣмъ же Маскле, въ декабрѣ 1831 г., былъ напечатанъ въ Марсели переводъ восьмой книги басенъ Крылова, вышедшей

---

[1]) Fables de M. J. Krylof. Traduites du Russe, d'apres l'édition complète de 1825. Par Hippolyte Masclet. Moscou de l'imprimerie d'Auguste Semen, imprimeur de l'Académie Impér. Méd.-Chirurgicale. 1828. 8°. V и 270 стр. Разборъ перевода Маскле помѣщенъ въ Дамскомъ Журналѣ, 1828, ч. 21, № 6, стр. 313 — 323.

[2]) Всѣхъ басенъ переведено Маскле 141.

въ свѣтъ въ 1830 году [1]). Въ посвятительномъ письмѣ московскому Обществу любителей словесности, при которомъ Маскле препроводилъ этотъ новый переводъ, дополнившій его прежній, онъ между прочимъ заявилъ, что за границей, вслѣдствіе распространившейся славы Крылова, многими высказано желаніе имѣть полный и дословный переводъ его басенъ и что исполненный имъ, не смотря на всѣ его недостатки, принятъ во Франціи съ одобреніемъ, потому только, что близко подходитъ къ подлинику.

И дѣйствительно французская критика отозвалась о переводѣ Маскле благосклонно не только потому, что его стихъ оказался изящнымъ, но и потому, что этотъ изящный стихъ посвященъ на передачу лучшаго литературнаго памятника Россіи, памятника, который она причислила къ классическимъ.

Черезъ девять лѣтъ послѣ появленія въ переводѣ Маскле семи книгъ басенъ Крылова, Journal des Débats нашелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ переводѣ [2]). Въ этомъ запоздаломъ отзывѣ неизвѣстный критикъ сообщилъ нѣсколько своихъ мыслей объ исторіи нашего языка и словесности, предметахъ совершенно ему чуждыхъ.

Послѣ похвалы переводу Маскле за его изящность, критикъ вступаетъ въ область исторіи русской литературы и увѣряетъ своихъ читателей, что на басни Крылова уже слѣдуетъ смотрѣть какъ на памятникъ прошедшаго, напоминающій по языку эпоху, предшествовавшую Пушкину, и что если онѣ еще не позабыты Россіею — то это лучшая похвала ихъ достоинствамъ.

Для положительнаго опредѣленія значенія басенъ Крылова, этихъ небольшихъ сочиненій, наивныхъ и легкихъ, переполненныхъ народными поговорками и выраженіями площадными и пошлыми, которыми такъ изобилуетъ русскій языкъ, но которыя впрочемъ ни мало не вредятъ литературному изяществу

---

[1]) Huitième livre des fables de M. J. Krylof, publié par l'auteur en 1830, et traduit par M. Hippolyte Masclet, ancien Conseiller de Cour au service de S. M. l'Empereur de Russie et Membre honoraire de la Société littéraire russe de Moscou, pour faire suite à la traduction des sept premiers livres mise au jour à Moscou en 1828. Marseille, Décembre 1831. 8°. 48 стр. Заключаетъ въ себѣ 21 басню.

[2]) Journal des Débats du 15 Juin 1837, p. 3 — 4.

произведеній, нужно, по мнѣнію автора, разъяснить начало русскаго языка. За симъ критикъ пускается въ филологическія соображенія, часть которыхъ нельзя не привести какъ образецъ безцеремоннаго обращенія во Франціи съ наукою по отношенію къ намъ. Въ эпоху призванія въ Россію варяго-русскихъ князей — говоритъ французскій критикъ—русскій языкъ былъ совершенно восточный; на немъ лежалъ явный отпечатокъ Азіи — его родины; въ немъ слышались слова персидскія, осетинскія, курдскія и всѣхъ родственныхъ съ ними кавказскихъ нарѣчій. Въ то время, когда составлялась славянская азбука Кирилломъ и Меѳодіемъ, Славяне уже не были болѣе варварами. Тонкости греческаго языка и полемическіе споры, проникнувшіе съ запада, уничтожили восточную неподвижность въ славянскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего онъ сдѣлался доступенъ разнымъ вліяніямъ, слѣды которыхъ сохраняются и доселѣ. Имъ было усвоено множество татарскихъ словъ; Польша ввела въ эллинское наслѣдство, завѣщанное русскимъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, элементъ прекраснаго латинскаго языка, и вскорѣ въ Россіи образовалось три языка: древній славянскій, на которомъ она возносила свои молитвы къ Богу, въ великолѣпныхъ храмахъ византійской архитектуры; русскій, языкъ дѣловой и суда, употреблявшійся Персіанами, Татарами и всѣми иностранцами, и бѣлорусскій — смѣсь словъ славянскихъ, польскихъ и латинскихъ; на этомъ послѣднемъ писаны всѣ богословскія сочиненія, служившія пособіемъ въ ученыхъ спорахъ богослововъ обѣихъ церквей.

Послѣ всего этого, какъ не сказать вмѣстѣ съ нашимъ Дѣдушкою:

Избави, Богъ, и насъ отъ этакихъ судей.

Черезъ четверть столѣтія послѣ труда Маскле, явился въ Парижѣ новый переводъ избранныхъ басенъ Крылова и новая оцѣнка ихъ художественнаго достоинства[1]).

---

[1]) Kryloff ou le la Fontaine russe. Sa vie et ses fables. Par Alfred Bougeault. Paris 1852. 12°. 107 стр. Строгій разборъ этого сочиненія помѣщенъ въ С. Петер. Вѣд. 1852, № 270, и въ Сынѣ Отеч., 1852, кн. 10, отд. VII, стр. 1—13, въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Взглядъ французскихъ критиковъ на басни Крылова».

Альфредъ Бужо, преподаватель французскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, написалъ сочиненіе: Жизнь и басни Крылова, русскаго Лафонтена. Къ этому сочиненію онъ присоединилъ 20 переведенныхъ изъ него басенъ, наиболѣе оригинальныхъ, и слѣдовательно представлявшихъ наиболѣе трудностей для перевода. Изъ нихъ 17-ть переведены самимъ Бужо, одна Михаиломъ Жеребцовымъ и двѣ графомъ Ксавье-де-Местромъ — тѣ самыя, которыя помѣщены въ Anthologie russe.

Переводъ Бужо довольно вѣренъ и изященъ — два трудно совмѣстимыя качества при передачѣ поэтическихъ произведеній съ одного языка на другой. Что касается взгляда автора на нашего баснописца, то о немъ мы скажемъ нѣсколько словъ.

Сознавая невозможность полнаго сравненія Лафонтена съ Крыловымъ, потому что на произведеніяхъ каждаго изъ нихъ лежитъ особенная печать, отражается личный и народный характеръ, Бюжо по отношенію художественной разработки сюжета басни ставитъ французскаго баснописца выше нашего; но, не смотря на это, признаетъ за Крыловымъ по отношенію къ русской баснѣ тоже значеніе и тѣже заслуги, какія уже давно признаны за Лафонтеномъ французами и всѣми образованными народами. Умъ глубокій и наблюдательный, проповѣдникъ нравственности чистой и возвышенной, сроднившійся съ народомъ и усвоившій его духъ до самыхъ тончайшихъ изгибовъ, художникъ смѣлый и самобытный, Крыловъ займетъ почетную страницу въ исторіи развитія аполога, не смотря на подмѣченный г. Бужо недостатокъ въ его басняхъ — любовь къ подробностямъ и описаніямъ—и на то, что его басня имѣетъ болѣе характеръ сатиры. Французскіе журналы отозвались съ похвалою о книгѣ Бужо, а одинъ изъ нихъ [1]) даже поблагодарилъ автора за ознакомленіе Франціи съ новымъ дотолѣ неизвѣстнымъ писателемъ, который достоинъ занять почетное мѣсто между знаменитостями русскаго литературнаго міра, каковы: Карамзинъ, Пушкинъ и Гоголь. Тотъ же журналъ, справедливо замѣтивъ, что въ басняхъ Крылова гораздо болѣе проглядываетъ сатиры чѣмъ у Лафо

[1]) L'Athenaeum français № 12, du 18 Septembre 1852, p. 182.

тена и что онъ смѣло бичуетъ всѣ пороки и всѣ смѣшныя стороны своихъ соотечественниковъ, съ насмѣшкою, сквозь которую проглядываетъ оскорбленное національное чувство, указываетъ на неумѣстность двухъ стиховъ въ баснѣ «Ворона и Курица»:

Quand le Français, nouveau Vandale,
Menaça notre capitale,

замѣчая впрочемъ, что гораздо пріятнѣе встрѣчать у поэтовъ излишнее чувство народности, чѣмъ рабское поклоненіе иноземному.

Выходъ въ свѣтъ Полнаго Собранія сочиненій Крылова послужилъ поводомъ и далъ матеріалъ Сенъ-Жульену составить статью, которую онъ помѣстилъ въ Revue des Deux Mondes, подъ заглавіемъ: La littérature en Russie. Ivan Andréevitch Kriloff[1]). Указавъ на господство въ новѣйшей русской литературѣ сатирическаго направленія и охарактеризовавъ русскихъ баснописцевъ, предшествовавшихъ Крылову, Сень-Жульенъ говоритъ, что въ произведеніяхъ послѣдняго заключаются тѣ самыя достоинства и качества, отсутствіе которыхъ замѣтно у Дмитріева, именно поэтическое одушевленіе и самобытность, проглядывающая даже въ заимствованіяхъ. Въ басняхъ же, созданныхъ самимъ Крыловымъ, предметъ обставляется живою панорамою современности, связывается, такъ сказать, съ жизнію; въ подобныхъ произведеніяхъ отражаются всецѣло нравы, образъ мыслей, предразсудки, характеръ, обычаи, языкъ русскаго народа; а лица дѣйствующія, будь то крестьянинъ, дворянинъ, чиновникъ, художникъ или вельможа, двигаются по сценѣ какъ живые.

Ставя высоко нашего баснописца какъ художника, Сенъ-Жульенъ отдаетъ ему полную справедливость и за вѣрность мѣстныхъ красокъ, которыми написаны басни, и за чисто русскій складъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ и за возможность посредствомъ ихъ познакомиться со всѣми сословіями русскаго народа.

Не смотря на вѣрность этого отзыва о достоинствахъ и значеніи басенъ Крылова, статья Сенъ-Жульена тѣмъ не менѣе наполнена многими ошибочными и невѣрными выводами, и

---

[1]) Revue des Deux Mondes, t. XV, 1-e Septembre, Paris, 1852., pag. 866—890. Объ этой статьѣ см. въ Сынѣ Отеч., 1852, кн. 10, отд. VII, стр. 1 — 13.

между прочимъ о политическомъ характерѣ цѣлаго довольно обширнаго разряда басенъ.

Дѣйствительно политика находила себѣ иногда доступъ въ картинную галерею Крылова, какъ напримѣръ: въ баснѣ «Волкъ на псарнѣ», въ которой представленъ Наполеонъ въ Россіи, въ баснѣ «Обозъ», написанной въ оправданіе медлительныхъ дѣйствій Кутузова, въ баснѣ «Щука и Котъ», поводомъ къ сочиненію которой послужила медлительность адмирала Чичагова, вслѣдствіе которой Наполеонъ могъ переправиться черезъ Березину, и въ др.; но басенъ, имѣвшихъ политическую цѣль, не слишкомъ много, всѣ онѣ написаны съ большою осторожностью, и даже одна изъ нихъ «Пестрыя Овцы» увидѣла свѣтъ послѣ смерти Крылова.

Въ 1867 году вышелъ въ Парижѣ переводъ басенъ Крылова, исполненный Шарлемъ Парфетомъ [1]). Въ предисловіи переводчика находится между прочимъ любопытное заявленіе, совершенно противорѣчащее всему тому, что до сихъ поръ было говорено о Крыловѣ въ французской литературѣ, именно, что онъ не пользуется во Франціи извѣстностью. Свое заявленіе переводчикъ подтверждаетъ ссылкою на Сенъ-Маркъ Жирардена, который въ своемъ сочиненіи о Лафонтенѣ и баснописцахъ ни разу не упомянулъ о Крыловѣ [2]). Но такого рода умолчаніе имѣетъ ли какое либо значеніе? Жирарденъ могъ не знать и могъ не желать знать о Крыловѣ; но что произведенія нашего баснописца извѣстны французской образованной публикѣ и что она оцѣнила ихъ по достоинству, это подтверждаютъ и многочисленныя статьи о Крыловѣ въ лучшихъ французскихъ журналахъ и газетахъ и нѣсколько переводовъ его басенъ [3]). Въ

---

[1]) Fables de Krilof traduites en vers français par Charles Parfait. Paris, 1867. 12°. XLIII и 288 стр.

[2]) Вотъ подлинныя слова Парфета: «Le poëte russe dont nous présentons l'oeuvre au public français n'est point précédé d'une renommée qui ait rendu chez nous son nom familier. Un de nos plus éminents critiques (M. Saint-Marc Girardin: *la Fontaine et les Fabulistes*) a pu, cette année même, dans un ouvrage où se retrouve toute son ingénieuse et solide érudition, faire une longue revue des fabulistes français et étrangers, sans citer une seule fois le nom de Krilof».

[3]) Кромѣ повременныхъ изданій, весьма многіе французскіе писатели сообщали своимъ соотечественникамъ свѣдѣнія о Крыловѣ, сопровождая ихъ сужденіями о достоинствѣ его басенъ то довольно правильными, то крайне

этомъ же предисловіи мы нашли любопытный фактъ, говорящій о желаніи французской публики знакомиться съ нашими писателями. Въ Мартѣ 1867 года профессоръ парижскаго университета Тальбо первый прочелъ въ Шартрѣ публичную лекцію о Крыловѣ и свои выводы и наблюденія подкрѣплялъ чтеніемъ отрывковъ изъ его басенъ въ переводѣ Парфета.

Что касается оцѣнки произведеній Крылова, сдѣланной Парфетомъ, то ее еще можно назвать довольно удовлетворительною; впрочемъ нельзя не замѣтить въ ней несостоятельности слѣдующаго мѣста: «Соотечественники Крылова — говоритъ его переводчикъ — единогласно присвоили ему прозваніе русскаго Лафонтена. Это прозваніе можетъ показаться намъ, французамъ, честолюбивымъ стремленіемъ; но безъ всякаго сомнѣнія поклонники русскаго поэта не хотѣли этимъ установить совершеннаго равенства между Крыловымъ и нашимъ неподражаемымъ Лафонтеномъ. Они только хотѣли этимъ выразить его несомнѣнное пре-

---

односторонними и ложными. Такъ Héguin de Guerle, въ своей статьѣ: Coup d'oeil sur la littérature russe (стр. 27 — 28), помѣщенной имъ въ видѣ предисловія къ «Les veillées russes» (Paris, 1827. 12⁰), сборнику сдѣланныхъ имъ переводовъ съ русскаго языка разныхъ сочиненій въ прозѣ и въ стихахъ, говоритъ о нашемъ баснописцѣ слѣдующее: «M. Kriloff est peut-être de tous les fabulistes étrangers celui qui soutient le mieux la comparaison avec notre La Fontaine: toutefois, nous n'établirons pas entre ces deux écrivains un de ces parallèles oiseux, qui ne prouvent rien, et dont la conclusion, prévue d'avance, est presque toujours dictée par l'amour-propre national. Mais ce que nous pouvons affirmer sans crainte d'être démentis, c'est que M. Kriloff jouit dans sa patrie d'une réputation égale à celle que La Fontaine a parmi nous. Ce que les Russes admirent dans leur fabuliste, c'est l'heureuse invention de ses sujets, qui presque tous lui appartiennent en propre; c'est le charme de sa narration tour à tour grave, plaisante et souvent noble et élevée jusqu'au sublime; c'est l'étonnante perfection de sa versification, où il prodigue en se jouant tous les trésors de l'harmonie imitative. Mais ce qui surtout rend cet écrivain cher à ses compatriotes, c'est la vérité des couleurs locales dans ses tableaux où les moeurs russes sont représentées avec une rare fidélité; c'est l'heureux emploi qu'il fait de mots pris dans le langage le plus vulgaire du peuple et qu'il ennoblit par le tour poètique qu'il sait leur donner. Voilà de ces beautés que les étrangers ne peuvent sentir et apprécier que faiblement, et qu'il est impossible de faire passer dans une traduction». Черезъ 15 лѣтъ послѣ этой оцѣнки Крылова, одинъ изъ многихъ французскихъ путешественниковъ по Россіи, считающихъ долгомъ подѣлиться съ публикою своими впечатлѣніями, А. Феррie (La Russie. Bruxelles, 1841), нашелъ нужнымъ сказать о Крыловѣ слѣдующее: «Krueloff s'est distingué dans l'apologue par la pureté du style plutôt que par les dons du génie et de l'imagination».

восходство надъ всѣми извѣстными русскими писателями въ той области, въ которой Лафонтенъ остается безъ соперниковъ» [1]).

Въ настоящее время почти положительно можно сказать, что Крыловъ уже пріобрѣлъ право гражданства въ литературѣ французской, наравнѣ съ геніальными писателями другихъ народовъ; этому онъ обязанъ хорошимъ переводамъ своихъ произведеній, которые вышли въ свѣтъ въ послѣднее время и появленія которыхъ для славы Крылова желалъ видѣть графъ А. де Сенъ-При еще въ 1823 году [2]).

Графъ Орловъ, подарившій Франціи переводъ басенъ Кры-

---

[1]) Подобно Бауръ-Лорміану, и Парфетъ защищаетъ Вольтера отъ строгаго приговора, произнесеннаго надъ нимъ Мегерою въ мрачномъ жилищѣ тѣней и къ своему переводу басни «Сочинитель и Разбойникъ» присоединяетъ слѣдующее примѣчаніе: «Nous ne nous rendons point solidaires de cette violente diatribe contre une de nos gloires les plus éclatantes. Nous aimons à croire que, malgré ses erreurs, l'apôtre de la tolérance universelle, l'ardent promoteur de tant de réformes si utiles et si humaines, le dévoué défenseur de tant d'innocents, trouvera moins de sévérité devant son vrai juge qu'il n'en trouve ici devant le Minos de la fable».

[2]) Графъ А. де Сенъ-При, въ предисловіи къ переведенной имъ «Модной Лавкѣ» Крылова, замѣтилъ о немъ слѣдующее: «il s'est fait, comme fabuliste, une immense réputation en Russie; elle serait sans doute déjà confirmée par tout le monde littéraire, si de bonnes traductions avaient fait passer les fables de M. Krilof dans les différentes langues de l'Europe (Chefs-d'oeuvre des théatres étrangers, XVIII livr., p. 321).

Кромѣ приведенныхъ выше, мы имѣемъ еще переводъ на французскій языкъ 12-ти басенъ Крылова, исполненный г-жею Мордвиновою: Fables de Krylof traduit du russe par M-me P. de Mordvinoff. St. Pétersbourg, 1852. 8°. 19 ненум. стр. Переводъ этотъ не имѣетъ большихъ достоинствъ. Князь Эммануилъ Голицынъ въ своемъ: Le conteur russe, fables et légendes. Nouvelle édition augmentée d'une notice biographique sur les principaux fabulistes russes. (Paris, 1846. 12°. XLVIII и 262 стр.) помѣстилъ сдѣланный имъ переводъ довольно большаго числа басенъ Крылова. Переводъ этотъ не отличается ни особенною вѣрностію, ни особенною художественностію. Нѣкоторыя басни переданы чрезвычайно далеко отъ подлинника, съ значительными измѣненіями и вставками, какъ напр. «Демьянова уха» (Le pot de bière). Изъ предисловія къ этому изданію мы узнаемъ, что первое изданіе «Разскащика» имѣло главною цѣлью познакомить Французовъ съ тѣми произведеніями нашего баснописца, которыя оставались имъ неизвѣстными: «Lorsque nous fîmes paraître en 1842 le petit ouvrage que voici, nous avions pour principal objet de faire connaître au public français, celles des fables de Kriloff qui ne font point partie du recueil publié à Paris en 1825 par le Comte Orloff». Ко второму тому Les poètes russes traduits en vers français par le prince Élim Mestscherski (Paris, 1846) присоединены (стр. 375 — 379) двѣ басни Крылова: «Дерево»,

лова, обогатилъ ими же италіянскую литературу, которая до того времени ничего не знала о нашемъ баснописцѣ. Прозаическое переложеніе басенъ Крылова на французскій языкъ было распредѣлено между 30-ю италіянскими литераторами, въ числѣ которыхъ находились писатели, пользовавшіеся заслуженною литературною извѣстностью, какъ напр. Монти, Пиндемонте, Медзанотте, Риччи, Анджелони, Буттура и Ламприди. Подражанія италіянскія отличаются особенною говорливостью; несоразмѣрность ихъ съ подлинникомъ удивительна: такъ 41 стихъ басни «Орелъ и Кротъ» обратились въ италіянскомъ переложеніи въ 170 строкъ. Особенность подражаній составляетъ еще правильная и симметрическая версификація; многія басни переданы терцетами, другія четверостишіями, большая часть шестистишіями, нѣкоторыя октавами, одна даже въ формѣ сонета.

Хотя италіянская литература вообще богата апологами, тѣмъ не менѣе въ глазахъ Сальфи, написавшаго вступленіе къ италіянскимъ переложеніямъ, басни Крылова составляютъ для нея пріобрѣтеніе, и притомъ весьма цѣнное. Совершенно новые сюжеты, не смотря на множество ихъ у древнихъ и новыхъ баснописцевъ, простота разсказа и изложенія, одушевленная мѣстными чертами, важность и изящество правоученія, которое Крыловъ никогда не опускаетъ, суть такія достоинства, которыя, по мнѣнію Сальфи, ставятъ нашего баснописца въ рядъ первостепенныхъ.

Упомянутыя переложенія басенъ Крылова на италіянскій языкъ были, въ нѣсколько исправленномъ видѣ, черезъ два года послѣ выхода въ свѣтъ сборника графа Орлова, изданы отдѣль-

---

въ переводѣ Александра Суме (Soumet), и «Оселъ и Соловей», въ переводѣ Дешана (Emile Deschamps). Послѣдняя басня въ этомъ же переводѣ была еще ранѣе, именно въ 1829 году, напечатана въ Le Furet, journal de littérature et des théâtres, № 36. Въ Mercure du XIX siècle, 1824 года (Paris, t. VII, p. 289) помѣщенъ переводъ Ноде (Naudet) басни Крылова: «Фортуна и Нищій» (fable imitée du Russe), безъ показанія кто написалъ оригиналъ. 1-я тетрадь Journal des Dames et des Modes 1825 года была украшена переводомъ басни «Мартышка и Очки», откуда ее перепечаталъ Journal de St. Pétersbourg, 1825 (№ 50). Въ этой же газетѣ, въ томъ же году (№ 65), былъ еще помѣщенъ переводъ трехъ басенъ: «Ручей», «Собачья Дружба» и «Мартышка и Очки». Наконецъ басня «Листы и Корни», въ переводѣ г-жи Целестины Віенъ (Vien), была напечатана въ L'Année française, 1825, t. 2, p. 481.

ною книгою [1]). Изъ нея же былъ извлеченъ и напечатанъ особою брошюрою переводъ, исполненный Антоніемъ Цезари [2]). Кромѣ этихъ двухъ перепечатокъ, на италіянскомъ языкѣ болѣе не выходило ни одного перевода басенъ Крылова.

Переводы отдѣльныхъ басенъ Крылова на нѣмецкій языкъ начали появляться въ двадцатыхъ годахъ, и сколько намъ извѣстно первоначально только въ Россіи. Естественно, что въ это время критика касалась только точности и изящества перевода; о художественномъ значеніи произведеній Крылова не могло быть и рѣчи, такъ какъ вопросъ этотъ у насъ уже давно считался рѣшеннымъ.

Еще въ 1823 году Карлъ Фридрихъ фонъ деръ Боргъ, помѣстившій въ своемъ сборникѣ, носящемъ заглавіе: Poetische Erzeugnisse der Russen, переводъ 10 басенъ Крылова [3]), замѣтилъ, что они отличаются самобытностью изобрѣтенія, простотою и правдивостію картинъ, остроуміемъ и правильнымъ, чисто русскимъ языкомъ. Этому приговору, принадлежащему человѣку, знакомому съ Россіей, совершенно противорѣчитъ мнѣніе о басняхъ Крылова, высказанное человѣкомъ, не знавшимъ ни слова по русски (der kein Russisch versteht). Въ Геттингенскихъ ученыхъ извѣстіяхъ 1825 года [4]) былъ помѣщенъ небольшой раз-

---

[1]) Favole Russe del Kriloff, imitate in versi Italiani da varj Chiarissimi Autori alcune delle quali rivedute e corrette dagli autori medesimi e precedute da una prefazione Italiana di F. Salfi. Perugia, 1827. 8°. 252 стр.

[2]) Favole Russe del Kriloff, imitate in Versi Italiani da Antonio Cesari. S. l. et a. 8°. 16 стр. Цезари переложилъ въ итальянскіе стихи слѣдующія басни: «Синица», «Конь и Всадникъ», «Любопытный», «Гребень», «Волкъ на псарнѣ» и «Собачья дружба». Къ брошюрѣ приложено обращеніе къ читателю; въ этомъ обращеніи мы нашли нѣсколько словъ о басняхъ Крылова: «Una raccolta di tutte le Favole del Kriloff, che può dirsi il La Fontaine della Russia, e per la novità de'suoi subbietti, e per l'originalità de'suoi pensieri, e per la vivacità de'suoi colori, imitate in versi Italiani da classici scrittori viventi, vide la luce quest'anno in Perugia dai tipi di Baduel. Promotore di questa fu il celeberrimo Conte Orloff...» Въ концѣ обращенія сказано: «Invitato l'Abbate Cesari a prender parte in questa lodevole impresa, scrisse la traduzione delle sei favole che ora si riproducono separate dalla raccolta, onde appagare le brame di coloro che fanno tesoro delle opere di quest'insigne Veronese».

[3]) Боргъ перевелъ слѣдующія басни: «Разборчивая Невѣста», «Мѣшокъ», «Лисица и Сурокъ», «Щука и Котъ», «Крестьянинъ и Лисица», «Прохожіе и Собаки», «Лебедь, Щука и Ракъ», «Гуси», «Слонъ и Моська», «Котъ и Поваръ».

[4]) Göttingische gelehrte Anzeigen, 1826, 150 St., стр. 1493—6. «... Nicht

боръ перевода басенъ Крылова, изданнаго графомъ Орловымъ. Рецензентъ, между прочимъ, замѣтилъ, что нѣкоторыя басни Крылова, хотя о достоинствѣ ихъ и трудно судить по подражаніямъ, не представляютъ ни особеннаго изящества, ни особеннаго ума.

Еще болѣе строгій приговоръ баснямъ Крылова явился въ 1842 году, въ Repertorium der gesammten deutschen Literatur. Въ этомъ году Фердинандъ Торней напечаталъ переводъ всего Крылова, посвященный имъ бывшему министру народнаго просвѣщенія графу Уварову[1]). Критикъ, разбирая этотъ переводъ, подъ вліяніемъ непріязненнаго чувства къ Россіи, господствовавшаго тогда въ Германіи, враждебно отнесся къ нашему баснописцу и прямо сказалъ, что его басни не стоило переводить на нѣмецкій языкъ, и вотъ на какомъ основаніи: правоученія басенъ большею частью очень тривіальны, вымыселъ бѣденъ, слабъ, слишкомъ прозаиченъ и часто вовсе не соотвѣтствуетъ характеру басни; изложеніе лишено вкуса и не имѣетъ ни граціи, которая присуща Лафонтену, ни эпиграмматической сжатости, которая такъ нравится у Эзопа, Федра и Лессинга[2]). На сколько справедливъ этотъ рѣзкій приговоръ, предоставляется судить каждому, знакомому съ Крыловымъ.

überall ist diese Erfindung besonders fein und geistvoll...». Переводъ этой рецензіи помѣщенъ въ Москов. Телегр., 1826, ч. X, № 16, стр. 345 — 348.

[1]) Iwan Krylow's Fabeln in acht Büchern. Aus dem Russischen von Ferdinand Torney. Mit dem Bildnisse des Dichters. Mitau u. Leipzig, 1842. 8°. XX и 308 стр.

[2]) Gersdorf's Repertorium der gesammten deutschen Literatur, Bd. XXXIII, 1842, стр. 383—4: «So sehr auch das Interesse an der russischen Literatur gerechtfertigt erscheint, diese Fabeln hätten gleichwohl nicht verdient, in's Deutsche übersetzt zu werden. Die beabsichtigten Lehren sind nicht nur zum grössten Theil sehr trivial, sondern auch die Erfindung der Einkleidung arm, matt und allzu prosaisch, ja nicht selten den Charakter der Fabel ganz verlassend; die Sprache geschmacklos und breit, ohne jene rhetorische Grazie, welche uns an Lafontaine, oder jene epigrammatische Kürze, die uns an Aesop, Phädrus und Lessing gefällt. Selbst schon bekannte Aesopische Fabeln werden uns in dieser Weise verschlechtert vorgeführt. Dazu wird die Geschmacklosigkeit der Darstellung noch vermehrt durch eine eben so geschmacklose Uebersetzung. Es ist möglich, dass der Verfasser durch ein erfahrungsreiches Leben Gelegenheit hatte, bei tüchtiger und edler Gesinnung sich selbständig gewisse Lebensmaximen und Weltansichten zu bilden; aber einen sehr unglücklichen Griff that er, indem er die

Впрочемъ въ нѣмецкой литературѣ вскорѣ послѣ этого появился болѣе вѣрный и болѣе достойный взглядъ на Крылова. «Главнѣйшее преимущество русскаго баснописца предъ другими — такъ говорилъ одинъ изъ нѣмецкихъ писателей въ 1843 году — заключается въ неисчерпаемомъ богатствѣ міра его созерцаній, равно какъ и въ выборѣ предметовъ для своихъ произведеній. Въ его твореніяхъ замѣтны и изумительная проницательность, и глубокое здравомысліе. Благодаря этимъ качествамъ, въ его басняхъ нѣтъ ни неправильной картины, ни рѣзкаго сравненія, ни натянутаго примѣненія. Однимъ словомъ Крыловъ — высокій художникъ въ той области поэзіи, гдѣ главную роль играетъ наблюдательность или наставленіе» [1]).

Одинъ изъ переводовъ, явившихся въ послѣднее время, именно переводъ 10 басенъ, сдѣланный г. Минцлофомъ [2]), былъ предпринятъ съ тою цѣлью, чтобы наглядно опровергнуть высказанный парадоксъ, будто нѣмецкій языкъ недостаточно гибокъ и ясенъ, чтобы переводить Крылова стихами. Попытка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что и прежде

Form der Fabeln für ihre Mittheilung erwählte». Въ чертахъ Крылова, судя по его портрету, приложенному къ переводу, критикъ нашелъ сходство съ Лютеромъ.

[1]) Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen. Von C. W. Wolfsohn. Leipzig, 1843. 8⁰ 1-er Bd., стр. 92—98. «Der hauptsächlichste Vorzug Krûlow's vor anderen Fabeldichtern ist sein unerschöpflicher Reichtum, an Betrachtungen sowohl als in der Wahl von Gegenständen, an die er seine Betrachtung knüpft. In seinem Beobachten ist eine Schärfe, die in Verwunderung setzt; so sicher ist seine Logik, so kraft-und markvoll alles, was er ein Mal durchdacht, dass man nie ein schielendes Bild, nie einen schwankenden Vergleich, nie eine herbeigezogene Anwendung in seinen Fabeln wahrnimmt, und wäre sie auch noch so neu und originell. Jede seiner Fabeln ist an sich ein so vollständiges, durchgeführtes Meisterbild, lehnt sich so überaus selten an eine andere, und dabei ist von irgend einer Wiederholung so wenig eine Spur, dass man sich nur wundern muss, wie der alte Mann sich nicht endlich einmal ausschreibt. Und doch wird er immer treffender, immer origineller, immer tiefer, je mehr er schreibt».

Столь же высоко оцѣнилъ басни Крылова Фридрихъ Отто, издавшій въ 1837 году Lehrbuch der russischen Literatur. См. стр. 197.

[2]) Beiträge zur Kenntniss der poetischen und wissenschaftlichen Literatur Russlands, von R. Minzloff. Berlin, 1854. 8⁰. XII и 204 стр. Г. Минцлофъ перевелъ слѣдующія басни: «Квартетъ», «Тришкинъ кафтанъ», «Демьянова уха», «Любопытный», «Музыканты», «Обозъ», «Крестьянинъ и Работникъ», «Котъ и Поваръ», «Троеженецъ», «Вельможа и Философъ».

этого мы уже имѣли нѣсколько довольно удачныхъ переводовъ басенъ Крылова на нѣмецкій языкъ.

Здѣсь же кстати упомянуть еще о другой попыткѣ, именно о переложеніи басенъ Крылова на музыку. Г. Рубинштейнъ написалъ музыку на слѣдующія 5 басенъ, въ нѣмецкомъ переводѣ Спрато: «Оселъ и Соловей», «Квартетъ», «Парнасъ», «Орелъ и Кукушка», «Муравей и Стрекоза»[1]).

Благодаря новымъ хорошимъ переводамъ басенъ Крылова, какъ напр. Абеля[2]), и болѣе обширному знакомству съ произведеніями нашей словесности, въ настоящее время и въ нѣмецкой литературѣ установился надлежащій взглядъ на нашего баснописца и эстетическая оцѣнка его произведеній уже болѣе не расходится съ здравымъ смысломъ[3]).

Въ Россійской Антологіи, изданной Джономъ Боурингомъ, находится сдѣланный имъ переводъ на англійскій языкъ двухъ басенъ Крылова: «Оселъ и Соловей» и «Лебедь, Щука и Ракъ», изъ которыхъ первая дана была переводчику въ рукописи самимъ баснописцемъ. Въ введеніи Боурингъ нѣсколькими словами охарактеризовалъ произведенія каждаго поэта, которыя нашли мѣсто въ Антологіи, и о басняхъ Крылова замѣтилъ, что они обращаютъ на себя вниманіе остроуміемъ и самостоятельностію[4]).

---

[1]) Fünf Fabeln von Kriloff aus dem Russischen übersetzt von R. Sprato, für eine Singstimme mit Clavierbegleitung componirt von Anton Rubinstein. Op. 64. Leipzig. gr. 4°. 27 стр.

[2]) Probe einer Uebersetzung von Iwan Kryloffs russischen Fabeln. Berlin, 1856. Объ этомъ переводѣ см. Московскія Вѣдомости 1857, № 5, стр. 22, и С.-Петербургскія Вѣдомости 1856, № 281, стр. 1592. Абель перевелъ 10 басенъ: «Музыканты», «Лягушка и Волъ», «Оракулъ», «Василекъ», «Чижъ и Ежъ», «Мартышка и Очки», «Червонецъ», «Квартетъ», «Лебедь, Щука и Ракъ».

[3]) Укажемъ здѣсь еще на слѣдующіе нѣмецкіе переводы басенъ Крылова: анонимный 196 басенъ (Fabeln von Krylow, treu übersetzt aus dem Russischen ins Deutsche von einer Deutschen. St. Petersbourg 1863. 8°. 6 ненум. и 257 стр.), Фрюауфа двухъ басенъ: «Гуси» и «Оселъ и Соловей» (Gedichte verschiedenen russischen Dichtern nachgebildet von Dr Johann Ludwig Wilhelm Früauf. St. Petersburg (1818). 8°) и Вальда также двухъ басенъ: «Оселъ и Соловей» и «Іарчикъ» (Anthologie russischer Dichter metrisch ins Deutsche übersetzt von A. Wald. Odessa 1860. 8°).

[4]) Этотъ Боурингъ въ введеніи, между прочимъ, сообщаетъ свѣдѣніе о томъ, что Крыловъ занимался переводомъ Геродота. (Россійская Антологія. Specimens of the Russian poets: translated by John Bowring, F. L. S.

По поводу выхода въ свѣтъ изданнаго графомъ Орловымъ перевода басенъ Крылова на французскій и итальянскій языки, въ одномъ англійскомъ журналѣ была помѣщена рецензія на это изданіе, авторъ которой, осудивъ мысль переводить писателя цѣлымъ обществомъ литераторовъ, и притомъ не знающихъ того языка, на которомъ писалъ переводимый ими авторъ, указалъ въ слѣдующемъ краткомъ очеркѣ и причины, почему Крыловъ представлялъ трудности для переводчиковъ, и нѣкоторыя характеристическія черты его музы: «Крылова изъ всѣхъ поэтовъ русскихъ переводить напрудѣе, потому что онъ есть самый оригинальный; въ его антитезахъ, рѣзкой и краткой сатирѣ, соли эпиграмматической, разнообразномъ стихосложеніи заключаются такія красоты, коихъ невозможно передать буквальною прозою. Онъ взялъ за образецъ Лафонтена, и хотя не равняется съ своимъ образцемъ въ чистосердечіи и шутливости, но избѣгаетъ его нескромной грубости и Муза его возвышается часто до высокаго тона нравственнаго чувства»[1]).

Изъ переводовъ басенъ Крылова на скандинавскіе языки мнѣ извѣстенъ только датскій, исполненный Александромъ Карловичемъ. На шведскій языкъ, по доставленнымъ мнѣ свѣдѣніямъ, басни Крылова не переведены, не смотря на то, что этотъ языкъ служитъ языкомъ литературнымъ въ Финляндіи, образованнымъ людямъ которой русскій языкъ не совершенно чуждъ. За то на языкъ сѣверно-чудскій (на онежское и олтское его нарѣчія) сдѣланъ, при пособіи грамотныхъ мѣстныхъ жителей, профессоромъ гельсингфорскаго университета Альквистомъ (Ahlquist) опытъ перевода нѣсколькихъ басенъ нашего баснописца[2]).

Полныхъ переводовъ басенъ Крылова на славянскіе языки,

With preliminary remarks and biographical notices, London, 12°, имѣла два изданія, оба вышедшія въ 1821 году.

[1]) Московскій Вѣстникъ, 1827, № 7, Апрѣль, стр. 305. Здѣсь же приведены переведенныя на англійскій языкъ три басни Крылова: «Левъ и Волкъ», «Туча», «Пловецъ и Море». Въ 1826 году Соундерсъ перевелъ четыре басни Крылова: «Собачья дружба», «Демьянова уха», «Любопытный (The Naturalist)», «Сочинитель и Разбойникъ» (Poetical translations from the Russian language. By William Henry Saunders. London 1826. 8°).

[2]) Acta societatis scientiarum Fennicae (Anteckningar i Nord-Tschudiskan, стр. 58—61), t. VI. Helsingforsiae, 1861. 4°.

за исключеніемъ перевода на польскій, не имѣется; впрочемъ, при ближайшемъ знакомствѣ Славянъ съ нашимъ языкомъ и при господствующемъ въ настоящее время стремленіи къ его изученію, переводы эти не замедлятъ явиться. Уже и теперь въ Чехіи десять басенъ Крылова, переведенныя прозою на чешскій языкъ Коларжомъ, объясненныя и растолкованныя имъ, служатъ пособіемъ для начинающихъ изучать русскій языкъ [1]). Безъ всякаго сомнѣнія Крыловъ составитъ столь же любимое чтеніе у Славянъ, какъ и у насъ, и красоты его разсказа будутъ имъ болѣе понятны чѣмъ иноземцамъ. Многіе польскіе писатели неоднократно трудились надъ передачею басенъ Крылова [2]). Полный печатный переводъ ихъ на польскій языкъ принадлежитъ Флоріану Яловицкому [3]) и отличается неоспоримыми достоинствами; большая часть басенъ передана художественно и притомъ дословно вѣрно. Переводъ Глинскаго, начавшій выходить въ 1860 году [4]), также имѣетъ художественное достоинство. Переводчикъ, самъ поэтъ, въ небольшомъ предисловіи, предпосланномъ своему труду, замѣтилъ что Крыловъ занимаетъ такое же мѣсто въ русской литературѣ, какое Красицкій въ польской, а Лафонтенъ въ французской [5]).

Крылова переводили не только на европейскіе языки, но и на восточные. Въ 1863 году Ѳ. Кельзи перевелъ на арабскій языкъ 10 басенъ Крылова, а въ 1866 году Гавр. В. Айвад-

---

[1]) Де́сятеро ба́сенъ И. А. Крыло́ва. Съ че́шскимъ перево́домъ, объясне́ніемъ и съ разгово́рами. Desatero bájek I. O. Krylova. S českým překladem, výkladem a s rozmluvami. Pro začátečníky v ruském čtení upravil J. Kolář. V Praze 1868. 16⁰. 30 стр.

[2]) Графъ Максимиліанъ Фредро оставилъ послѣ себя полный переводъ Крылова. См. Сѣверн. Пчела, 1845, № 58, стр. 229.

[3]) Bajki J. Kryłowa w dziewięciu księgach tłómaczone z Rossyiskiego. Wilno, 1851. 8⁰. 323 и 7 ненум. стр. Довольно обстоятельный разборъ этого перевода помѣщенъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1852, т. 75, отд. VI, стр. 204 — 209.

[4]) Bajki Kryłowa. Przełożył A. J. Gliński. Poczet piérwszy. Wilno, 1860. 1 ⅌. 4 ненум., II, 101 и 2 ненум. стр.

[5]) Мы еще нашли подражаніе баснямъ Крылова: «Слонъ на воеводстнѣ», «Кошка и Соловей», «Котъ и Поваръ», въ слѣдующемъ изданіи: Bajki i powiastki w naśladowaniu Kryłowa i Krasickiego skreślił Pobereżny. Zeszyt 1. Warszawa, 1865. 4⁰, и въ сочиненіяхъ Литинскаго переводъ трехъ басенъ Крылова: «Слонъ на воеводствѣ», «Конь и Оселъ» и «Любопытный» (Pisma rozne wierszem i prozą Tad. N. L. T. 5. W Wilnie 1817. 12⁰).

жеанъ передалъ на армянскій языкъ 91 басню Крылова и напечаталъ свой переводъ въ Осодосіи [1]).

Ранѣе этого было сдѣлано два еврейскихъ перевода басенъ Крылова: одинъ на древне еврейскій языкъ Рейхерсономъ [2]), другой на еврейско-нѣмецкій Каценеленбогеномъ [3]). Рейхерсонъ перевелъ всѣ басни Крылова и его трудъ составляетъ капитальное пріобрѣтеніе еврейской литературы. Вотъ что говоритъ компетентный судья объ этомъ переводѣ: «Переводчикъ сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать: онъ передалъ прекрасными и легкими стихами содержаніе каждой басни, придерживаясь очень близко къ подлиннику тамъ, гдѣ дозволялъ ему духъ и строеніе рѣчи языка, имъ избраннаго. Въ нѣкоторыхъ басняхъ переводчикъ допустилъ неважныя, но очень благоразумныя измѣненія, доказывающія его отличный вкусъ и знаніе публики, для которой переводъ его предназначенъ. Такъ, напримѣръ, «Парнасъ» переименовалъ онъ въ «Гору Морія», и изгнанные боги Греціи у него замѣнены изгнанными левитами, которые пѣвали на этой горѣ во время существованія храма. Эта замѣна — удачна и исполнена такта. Многія изъ басенъ вышли въ переводѣ превосходны; къ этой категоріи относятся басни: «Оракулъ», «Собачья дружба», «Бочка», «Откупщикъ и Сапожникъ», «Левъ состарѣвшійся» и много другихъ. За то есть и нѣсколько посредственныхъ переводовъ, и даже довольно слабыхъ, какъ напр. «Слонъ и Моська», «Котъ и Поваръ», «Квартетъ», «Зеркало и Обезьяна» и еще двѣ — три, въ которыхъ переводчикъ очевидно никакимъ образомъ не могъ совладать съ трудностями подлинника, отличаю-

---

[1]) Русско-арабскіе общественные разговоры, составленные въ пользу студентовъ восточнаго факультета при Санктпетербургскомъ университетѣ..... Ѳ. Кельзи (изъ Алепо),..... съ приложеніемъ опыта перевода басень И. А. Крылова на арабскій языкъ. Спб. 1863. 8°. Переведены слѣдующія басни: «Ворона и Лисица», «Дубъ и Трость», «Лягушка и Волъ», «Разборчивая невѣста», «Прохожіе и Собаки», «Заяцъ на ловлѣ», «Мѣшокъ», «Левъ и Дервишъ», «Фортуна и Нищій», «Вельможа».

[2]) Тикунъ Мешалимъ или басни И. А. Крылова въ девяти книгахъ. Переведенныя на еврейскій языкъ М. Д. Рейхерсономъ. Вильно, 1860. 12°. XVI, 394 и 2 ненум. стр.

[3]) Мишле-мусаръ, т. е. басни нравоучительныя, переведенныя изъ Крылова на еврейско-нѣмецкій языкъ С. Каценеленбогеномъ. Вильно, 1861. 12°. VIII и 48 стр. Всѣхъ басенъ переведено 22.

щагося въ этихъ басняхъ особеннымъ юморомъ языка, или художественнымъ очертаніемъ въ двухъ словахъ русскихъ нравовъ»[1]).

Почти за четверть столѣтія передъ симъ, въ этой же залѣ, одинъ изъ самыхъ жаркихъ почитателей Крылова, издавшій собраніе сочиненій нашего знаменитаго баснописца и написавшій лучшую его біографію, заявляя объ утратѣ, постигшей и Академію и отечественную словесность въ лицѣ Ивана Андреевича, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Крыловъ для другихъ націй всегда останется какъ самый вѣрный и точный представитель того, что есть оригинальнаго, любопытнаго и выразительнаго въ русскомъ духѣ, въ русскихъ нравахъ, въ русскомъ соображеніи и дѣятельности мысли.

«Въ творческомъ, свѣтломъ и дѣятельномъ умѣ Крылова возникали, принимали образы и полную жизнь геніальныя откровенія, вѣчныя истины, уроки мудрости, завѣты опытовъ, идеалы художественной красоты. Ихъ приняли милліоны людей въ тѣхъ вѣчно неизмѣнныхъ формахъ, съ тѣми многозначительными выраженіями, какія созидаются только природою и геніями».

Въ этихъ словахъ разгадка того обаятельнаго вліянія, которое оказываютъ произведенія Крылова не только на каждаго русскаго, но и на иностранца, едва познакомившагося съ нашимъ языкомъ, едва вошедшаго въ соприкосновеніе съ нашею жизнью; отсюда становятся понятны и узкіе взгляды на Крылова, высказывавшіеся иногда въ иностранныхъ литературахъ, и то безусловное поклоненіе переводчиковъ, когда они, посвятивъ годы на изученіе Крылова, передаютъ своимъ соотечественникамъ его вѣчно юныя, глубоко-поучительныя произведенія.

Будемъ надѣяться, что недалеко то время, когда нашъ языкъ и наша литература сдѣлаются предметомъ изученія въ Западной Европѣ; съ этимъ вмѣстѣ утвердится и слава Крылова на основаніи незыблемомъ и его художественное значеніе безусловно будетъ признано всѣми.

---

[1]) См. Разсвѣтъ, органъ русс. Евреевъ, годъ 1860—61, № 39, стр. 625—626. Мы еще имѣемъ: опытъ перевода басенъ Крылова на древне-еврейскій языкъ въ составленномъ А. І. Мандельштамомъ Ebraisches Elementarbuch, напечатанномъ въ Вильнѣ, въ 1849 году, и подражаніе нѣкоторымъ баснямъ Крылова въ сочиненіи Лейбы Оперовича Гордона, носящемъ заглавіе: Мишле Іегуда, т. е. Іудейскія басни (Вильно, 1859. 12°).

САТИРА КРЫЛОВА

И ЕГО

«ПОЧТА ДУХОВЪ».

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА [1]).

Семьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1792 г., подписчики крыловскаго журнала *Зритель* прочли въ немъ слѣдующія строки: «Что̀ есть достойнаго человѣка? Что̀ можетъ онъ произвести не подверженное разрушенію вѣковъ? Его слово, его мысли, вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія; вотъ одно произведеніе, которое борется съ вѣками, . . . торжествуетъ надъ ними и всегда пребываетъ столь же ново и сильно, какъ и въ ту минуту, когда рождено оное человѣкомъ... Слово, подобно безсмертному духу, имѣетъ даръ, не раздѣляясь, во многихъ мѣстахъ пребывать въ одно время. Единый мудрецъ, торжествуя надъ смертію, похищаетъ право говорить съ позднѣйшимъ своимъ потомствомъ» [2]).

Такъ говорилъ Крыловъ двадцати-четырехъ лѣтъ отъ роду. И кто болѣе его оправдалъ собою смыслъ этихъ строкъ? Служеніе мысли и слову было задачею всей его тихой и скромной жизни;

---

[1]) Читано было на литературномъ вечерѣ, устроенномъ 3-го февраля 1868 г. отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и потомъ напечатано въ *Вѣстникѣ Европы*.

[2]) *Зритель*, ч. I, стр. 77.

ими одними достигъ онъ блестящаго мѣста въ исторіи русскаго просвѣщенія. Своими баснями, написанными уже въ позднемъ возрастѣ, затмилъ онъ всѣ прежніе свои труды, и это подало его біографу [1]) поводъ остроумно замѣтить, что Крыловъ родился для насъ только въ сорок лѣтъ. Такъ могъ говорить его современникъ; но потомство должно принять во вниманіе и прежнія его произведенія. На басни его нельзя смотрѣть, какъ на что-то отдѣльно-стоящее въ его литературной дѣятельности; можно ли предположить, чтобы писатель, прославившійся во второй половинѣ своего поприща превосходными созданіями, но писавшій почти съ дѣтства, не произвелъ въ лучшіе годы жизни ничего замѣчательнаго? Предположить это о Крыловѣ тѣмъ труднѣе, что его родомъ, собственно говоря, всегда была сатира; онъ въ разное время мѣнялъ только ея форму. Сначала у него является сатирическая аллегорія въ прозѣ, потомъ онъ избираетъ своимъ орудіемъ комедію; наконецъ, переходитъ къ баснѣ. Не естественно ли, что между всѣми его сочиненіями должна быть тѣсная связь? Дѣйствительно, басни Крылова тысячами нитей примыкаютъ къ болѣе раннимъ его трудамъ, и только въ этихъ послѣднихъ можно найти разгадку того, чѣмъ онъ сдѣлался позднѣе, — только съ помощію другихъ его сатирическихъ сочиненій можно вполнѣ объяснить значеніе его, какъ баснописца.

Сатирическое свое поприще началъ онъ тамъ же, гдѣ и кончилъ его, т. е. въ Петербургѣ. Здѣсь жилъ онъ уже шесть лѣтъ, когда похоронилъ свою мать, вдову. Ему было тогда не болѣе двадцати лѣтъ. Онъ рѣшился оставить службу, въ которой ему совсѣмъ не везло, и посвятить себя журнальному дѣлу. Въ Петербургѣ однимъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ литераторовъ былъ тамбовскій дворянинъ, капитанъ Ив. Герас. Рахманиновъ, содержавшій типографію и печатавшій въ ней свое еженедѣльное изданіе *Утренніе часы*. Онъ извѣстенъ нѣсколькими переводами, между прочимъ изъ Вольтера, издалъ переведенное имъ же сочиненіе акад. Миллера о русскомъ дворянствѣ, и былъ, по свидѣтельству современниковъ, человѣкъ умный, трудолюбивый, но угрюмый и упрямый [2]). Съ нимъ какъ-то сблизился Крыловъ и,

[1]) Плетневу, въ извѣстной статьѣ его: «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова».
[2]) Жихаревъ, въ Дневникѣ чиновника: *Отеч. Зап.* 1855, т. CI, стр. 133.

можетъ быть, участвовалъ даже въ его журналѣ. Но въ концѣ 1788 г., будущій баснописецъ, увлеченный, вѣроятно, примѣромъ Рахманинова, или, можетъ быть, еще болѣе успѣхомъ Новикова, рѣшился самъ издавать сатирическій журналъ. Вспомнимъ, что сатирическое направленіе у насъ особенно оживилось при Екатеринѣ II, что̀, конечно, было слѣдствіемъ общаго возбужденія умственной жизни, вызваннаго либеральнымъ духомъ новаго царствованія и характеромъ авторской дѣятельности самой геніальной императрицы. Горячая пора нашей журнальной сатиры продолжалась, правда, только пять лѣтъ (1769 — 1774 г.); въ теченіе этого времени рождались и умирали, одно за другимъ, изданія этого рода, между которыми первомъ, по справедливости, считается *Живописецъ* Новикова. Но эти явленія, какъ ни были они эфемерны, бросили на почву нашей литературы сѣмя, которое никогда не вымирало вполнѣ, и во все продолженіе XVIII-го столѣтія повторялись отъ времени до времени подобныя же изданія. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ *Собесѣдникъ* княгини Дашковой, въ составѣ котораго значительное мѣсто заняли сатирическія *Были и небылицы* царственной сотрудницы. На театрѣ всѣхъ блистательнѣе служилъ тому же направленію Фонъ-Визинъ. Но въ журнальной литературѣ, въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины, задремавшую сатиру снова разбудилъ Крыловъ. По практическому и пасмѣшливому свойству его ума намъ понятно, почему такая заслуга принадлежитъ именно ему, и тѣмъ понятнѣе, что будучи тогда двадцати-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, онъ, вѣроятно, и не подумалъ о томъ совѣтѣ, съ которымъ Новиковъ, приступая къ изданію *Живописца*, обратился къ самому себѣ: «Требую отъ тебя, чтобы ты въ сей дорогѣ никогда не разлучался съ тою прекрасною женщиною, . . . которая называется *Осторожность*»[1]). Впрочемъ, можетъ быть, Крылову казалось, что онъ исполнилъ всѣ требованія благоразумія, спрятавшись въ своемъ журналѣ за невидимыхъ гномовъ и сильфовъ, которые его перомъ пишутъ изъ преисподней письма о Плутонѣ, Прозерпинѣ, о ихъ любимцахъ и министрахъ.

Такая форма сатиры не была новостью. При появленіи у

[1]) *Живописецъ*, листъ 2: «Авторъ къ самому себѣ». Стр. 12 (изд. 1864).

насъ первыхъ сатирическихъ журналовъ, ровно за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, Осдоръ Эминъ издавалъ *Адскую Почту, или переписку хромоногаго бѣса съ кривымъ*, которые, въ свою очередь, очевидно вели свой родъ отъ Лесажева *Le Diable Boiteux*. Но почему даровитый Крыловъ взялъ за образецъ именно этотъ журналъ, произведеніе очень посредственнаго писателя? Кажется, имъ болѣе руководило случайное обстоятельство, нежели обдуманный выборъ. Въ то самое время *Адская Почта* вышла 2-мъ изданіемъ [1]): попавши въ руки Крылова, она могла показаться ему счастливой разгадкой недоумѣнія, какую форму избрать для задуманнаго изданія. Въ концѣ 1788 г., прочли въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, что въ книжной лавкѣ Миллера, въ Луговой Милліонной, раздаются безденежно подробныя печатныя объявленія о вновь предпринятомъ ежемѣсячномъ изданіи: *Почта Духовъ, или учная, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными Духами* [2]). Дѣйствительно, съ слѣдующаго года Крыловъ сталъ ежемѣсячно издавать по книжкѣ этого журнала, который, впрочемъ, какъ и всѣ другіе тогдашніе сборники этого рода, только по своему періодическому появленію и можетъ заслуживать такое названіе. Въ содержаніи ничего свойственнаго журналу не было, кромѣ развѣ повторявшихся довольно часто выходокъ противъ того или другого современнаго сочиненія или автора.

Въ концѣ извѣщенія, приложеннаго къ 1-й книжкѣ сборника, Крыловъ извиняется, что она вышла не въ срокъ. «Слухъ-де носится — говоритъ онъ — что нѣкоторые изъ издателей соби-

---

[1]) Въ 1788 г., *на изд. П. Б.* (Петра Богдановича), подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: *Адская почта, или курьеръ изъ ада съ письмами*. Ѳ. Эминъ уже умеръ въ 1770 г. Съ сыномъ его, Ник. Од., Крыловъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

[2]) *Спб. Вѣдом.* 1788 г. № 95-й (28-го нояб.), № 97-й (5-го дек.) и № 100 (15-го дек.). Тутъ сказано было, что объявленія раздаются «съ подробнымъ объясненіемъ о предметѣ и расположеніи вновь выходящаго изданія», и проч., «на которое началась нынѣ въ той лавкѣ подписка и будетъ продолжаться по февраль мѣсяцъ будущаго 1789 г.» Къ сожалѣнію, самое объявленіе это не сохранилось. Оно въ измѣненномъ видѣ перепечатано при первой книжкѣ *Почты Духовъ*; при 2-мъ же изданіи этого сборника, въ 1802 г., значительно укорочено и искажено.

раютъ по подпискамъ деньги и прячутся съ ними, не издавая обѣщанныхъ книгъ, или когда и выдаютъ, то въ теченіе изданія прерываютъ оныя, ни мало не страшася справедливаго порицанія публики;... а потому-де онъ, издатель сихъ листовъ,... паче тѣмъ, что по обѣщанію своему не выдалъ перваго сего мѣсяца (т. е. первой книжки) къ 1-му числу января и очень можетъ быть подозрителенъ; то въ оправданіе себя увѣряетъ, что онъ... не на корыстолюбіи основалъ свое предпріятіе, но къ удовольствію, а если можно, и къ пользѣ своихъ соотечественниковъ. Неисполненіе же обѣщанія случилось по непривычному еще его искусству въ Гадательной Наукѣ, отъ чего не могъ онъ предузнать послѣдовавшихъ обстоятельствъ, намѣренію его воспрепятствовавшихъ; но впредь обѣщается въ исходѣ каждаго мѣсяца во все теченіе года выдавать изданія сего по одной книжкѣ, переплетенной въ бумажку».

Если *Почта Духовъ* Крылова съ внѣшней стороны отзывалась подражаніемъ, то, спрашивается, не было ли того же и въ содержаніи? Важно и любопытно опредѣлить внутреннее отношеніе ея къ прежнимъ сатирическимъ журналамъ. Сравнивая съ ними *Почту Духовъ*, мы находимъ, что она часто преслѣдовала тѣ же недостатки, на которые они нападали, напр., французское воспитаніе, пустоту и мотовство щеголей, или, какъ ихъ тогда называли, «петиметровъ», спѣсь и невѣжество дворянъ, взяточничество и казнокрадство, порочность судей, произволъ и т. п. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что тогда какъ прежніе журналы, выставляя главнымъ образомъ бытовую сторону общества, ограничивались описаніемъ существовавшихъ золъ, Крыловъ заглядывалъ въ ихъ причины, обнажалъ нравственныя язвы, изъ которыхъ они проистекали. У него сатира глубже, рѣзче и разнообразнѣе. Она обнимаетъ всѣ слои общества, всѣ сословія, и потому принимаетъ характеръ вполнѣ общественный. Къ этому надобно прибавить и то, что̀ зависитъ собственно отъ таланта писателя: Козицкій, Новиковъ, Эминъ и др. были только умными наблюдателями, Крыловъ является уже возникающимъ художникомъ. Въ немъ уже виденъ эпическій разсказчикъ, часто облекающій мысль въ выпуклый или яркій образъ. *Почта Духовъ* представляетъ намъ пеструю картину свѣта, въ которой

сцена безпрестанно мѣняется, и передъ нами проходятъ всѣ страсти, всѣ темныя и смѣшныя слабости человѣчества.

Во «Вступленіи» къ *Почтѣ Духовъ* Крыловъ разсказываетъ, будто онъ, однажды, въ ненастный осенній день, возвращался разсерженный отъ его превосходительства г. Пустолоба, къ которому восемь мѣсяцевъ ходилъ по одному дѣлу и который въ 115-й разъ очень учтиво просилъ его пожаловать *завтра* (черта нравовъ, которую вообще любитъ выставлять наша старинная сатира). Тутъ является вдругъ волшебникъ, ученый и знатный Маликульмулькъ; онъ беретъ автора къ себѣ въ секретари, превращаетъ полуразвалившійся домъ въ богатые хоромы и даритъ ихъ новому своему знакомцу, но вмѣстѣ объявляетъ, что только самъ жилецъ будетъ наслаждаться ихъ пышностью; всѣмъ же гостямъ его эти комнаты будутъ казаться такими же, какъ были, т. е. пустыми сараями. «Оставь, другъ мой, думать людей», говоритъ волшебникъ, «что ты бѣденъ, и наслаждайся своимъ богатствомъ: истинное состояніе человѣка не по тому называется богатымъ или бѣднымъ, какъ другіе о томъ думаютъ, но по тому, какъ онъ самъ себя почитаетъ». Авторъ, поразмысливъ, согласился съ этимъ мнѣніемъ. «Итакъ», говоритъ онъ, «я рѣшился остаться въ томъ домѣ: пусть люди будутъ меня почитать бѣднымъ; что мнѣ до того за нужда! Довольно, если я для себя кажусь богатымъ». Здѣсь уже выразилась сущность практической философіи Крылова, реализмъ его житейской мудрости, которому онъ навсегда остался вѣренъ.

Мы не послѣдуемъ за Крыловымъ въ письмахъ невидимыхъ корреспондентовъ Маликульмулька; но извлечемъ изъ нихъ, въ сокращенномъ видѣ, нѣсколько характеристическихъ разсказовъ, которые познакомятъ насъ со взглядами молодаго писателя на русское общество. Увидимъ при этомъ, что притча уже тогда была любимой формой сатиры Крылова. Но мы не должны забывать, что его сатира относится къ давнопрошедшему времени: если она не всегда примѣнима къ настоящему, тѣмъ лучше для насъ, потомковъ сатирика. Его современники, находя въ ней личные намеки, могли оскорбляться ею: для насъ она утратила эту сторону своей язвительности.

Богатый купецъ Плуторѣзъ [1]) угощаетъ на своихъ именинахъ вельможу, трехъ придворныхъ и нѣсколькихъ начальниковъ города. За роскошнымъ обѣдомъ вельможа выхваляетъ любовь къ отечеству, судья ставитъ выше всего честь, купецъ хвалитъ безкорыстіе; всѣ же согласны въ томъ, что законы слишкомъ строго наказываютъ за плутовство и что надобно смягчить ихъ жестокость. Вельможа обѣщаетъ подать голосъ объ уничтоженіи увѣчныхъ и смертныхъ наказаній, которымъ подвергаются плуты и грабители, за что многіе изъ гостей, а особливо судья Тихокрадовъ и самъ хозяинъ Плуторѣзъ, очень его благодарятъ. Потомъ рѣчь заходитъ о хозяйскомъ сынѣ и выборѣ ему рода службы. Каждый изъ гостей предлагаетъ вывести его въ люди въ томъ званіи, къ которому самъ принадлежитъ. «Другъ мой», сказалъ придворный, «оставь это на мое попеченіе: изъ дружбы къ тебѣ я не совѣщусь занимать у тебя деньги и быть должнымъ, а потому ты не можешь сомнѣваться въ участіи, какое я принимаю въ судьбѣ твоего сына. Дѣло только въ томъ, чтобъ ты далъ мнѣ въ руки 20 т., которыя будутъ употреблены въ его пользу: я помѣщу его имя въ списокъ отборнаго военнаго корпуса, сдѣлаю его дворяниномъ и потомъ пристрою его ко двору... Сколько же такое состояніе блистательно, ты самъ это знаешь, и надобно только имѣть глаза, чтобъ видѣть насъ во всемъ нашемъ великолѣпіи, на усовершеніе котораго портные, брильянщики и др. художники истощаютъ все свое искусство, чтобы тѣмъ показать цѣну нашихъ достоинствъ и дарованій. Богатыя одежды, сшитыя по послѣднему вкусу, прическа, пристойная сановитость, важность и уклончивость, соразмѣрныя времени, мѣсту и случаю, возвышеніе и пониженіе голоса, походка, пріемы и тѣлодвиженія отличаютъ насъ въ нашихъ заслугахъ и составляютъ нашу службу. Граматы предковъ нашихъ явно всѣмъ доказываютъ, что кровь, текущая въ нашихъ жилахъ, издавна преисполнена была усердіемъ къ пользѣ отечества; а наши ливреи и экипажи неложно свидѣтельствуютъ о важности нашихъ чиновъ въ государствѣ. Правда, что философы почитаютъ насъ муче-

[1]) *Почта Духовъ*, ч I, стр, 107 (письмо 11). Представляя здѣсь сокращенно содержаніе нѣкоторыхъ писемъ, удерживаю языкъ подлинника только въ той мѣрѣ, въ какой это соединимо съ моей цѣлью.

никами, однакожъ это несправедливо; за то я мы ихъ считаемъ безумцами, которые пустою тѣнью услаждаютъ горестную и бѣдную свою жизнь. Итакъ, другъ любезный, что тебѣ стоитъ 20 т.? Не сущая ли это бездѣлка въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ твоего сына, которое я сильнѣйшимъ своимъ предстательствомъ обѣщаю ему доставить, а знакомые мои, танцмейстеръ, актеръ, портной и парикмахеръ, въ короткое время пособятъ мнѣ сдѣлать изъ твоего сына блистательную особу въ большомъ свѣтѣ!» Въ свою очередь другой гость, драгунскій капитанъ Рубакинъ, совѣтуетъ Плуторѣзу записать сына въ военную службу. По его мнѣнію, это первѣйшее въ свѣтѣ состояніе: военному человѣку нѣтъ ничего не позволеннаго; ему нуженъ больше лобъ, нежели мозгъ, а иногда больше нужны ноги, нежели руки. Затѣмъ въ разговоръ вмѣшивается судья Тихокрадовъ и, улыбаясь, возражаетъ Рубакину: «Я могу коротко сказать, что службѣ моей обязанъ я знатнымъ доходомъ, состоящимъ изъ 10 т.; вступая же въ нее, не имѣлъ я ни полушки; итакъ, одно это довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнѣе шпаги... Статскій человѣкъ имѣетъ еще то преимущество, что, не подвергая себя видимой опасности, какой подвергается воинъ, можетъ ежедневно обогащать себя и присвоивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые за немалое еще удовольствіе себѣ поставляютъ служить ими и почитаютъ за отмѣнную къ нимъ благосклонность, если отъ нихъ такія вещи принимаешь. Сверхъ того, статскій человѣкъ можетъ производить торгъ своими рѣшеніями точно такъ же, какъ и купецъ, съ тою только разницею, что одинъ продаетъ свои товары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или на фунты, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ и продаетъ его, сообразуясь съ обстоятельствами. Если вы скажете, что все это не позволено законами, то, по крайней мѣрѣ, должны признаться, что въ свѣтѣ обыкновенія столь же сильны, какъ и самые законы». Наконецъ, рѣчь заводитъ находящійся тутъ же въ числѣ гостей художникъ Трудолюбовъ. «Любезный Плуторѣзъ», говоритъ онъ хозяину, «если ты хочешь доставить сыну своему счастіе какимъ-нибудь художествомъ, то или пошли его для работы въ чужіе край, или не вели ему ни за что приниматься, потому что здѣшніе жители своихъ художниковъ и ихъ

работу ни за что почитаютъ, а уважаютъ одно привозимое изъ-за моря». — «Нѣтъ, милостивые государи», сказалъ хозяинъ, «я свое состояніе всѣмъ прочимъ предпочитаю, и оставлю навсегда въ немъ своего сына. Правда, я не дворянинъ, но деньги все мнѣ замѣняютъ!» Я увидѣлъ, заключаетъ сатирикъ, что онъ говоритъ правду; потому что, процвѣтая въ избыткѣ, живетъ онъ какъ маленькій царёкъ!

Мы видѣли, что одинъ изъ гостей выразилъ глубокое презрѣніе къ философамъ, т. е. къ людямъ мысли и слова. Какъ, впослѣдствіи, въ своихъ басняхъ, такъ уже и въ прозаической сатирѣ, Крыловъ является горячимъ поборникомъ просвѣщенія. Но хотя онъ и часто съ ироніей отзывается о незавидномъ положеніи писателя въ тогдашнемъ обществѣ, о неуваженіи дворянъ, военныхъ и вельможъ къ умственному труду, однакожъ не надобно думать, чтобъ онъ оставлялъ въ покоѣ тотъ классъ людей, къ которому самъ принадлежалъ, т. е. пишущую братью вообще, разумѣя и литераторовъ и ученыхъ. Еслибъ, говоритъ онъ, авторы, вмѣсто изслѣдованія различныхъ состояній, захотѣли вникнуть только въ состояніе ученыхъ и философовъ, то и тогда могли бы примѣтить, какъ далеко простирается слабость человѣческаго разума [1]). Онъ жалѣетъ, что большая часть ученыхъ руководствуются болѣе тщеславіемъ и славолюбіемъ, нежели искреннимъ желаніемъ распространять добро и истину. Особенно же упрекаетъ онъ ихъ въ томъ, что каждый старается превозносить до небесъ ту науку, которою самъ занимается, и желалъ бы при прославленіи ея помрачить всѣ другія науки. Ученые думаютъ, продолжаетъ онъ, что если люди будутъ болѣе уважать ту науку, въ которой они себя отличили, то чрезъ то и къ нимъ самимъ будутъ имѣть больше почтенія; философъ увѣренъ, что чѣмъ болѣе философія будетъ въ почетѣ, и онъ болѣе будетъ уважаемъ. Историкъ, стихотворецъ и риторъ такія же имѣютъ мысли. Однакожъ, въ заключеніе, Крыловъ проситъ снисхожденія къ ученымъ, потому что соревнованіе, которое они одинъ противъ другаго чувствуютъ, поощряетъ ихъ производить многія прекраснѣйшія творенія. А притомъ, прибавляетъ онъ, надобно

[1]) *П. Д.* ч. II, письмо 40.

сказать и то, что не всѣ ученые люди любовь къ славѣ и странное желаніе, чтобъ о нихъ съ похвалою говорили, простирають до крайности. Хотя совершенная правда, что всѣ жаждутъ безсмертія, однакожъ не всѣ къ достиженію его употребляютъ одинакіе способы, и не всѣ желаютъ его купить за одинакую цѣну.

Въ современной ему литературѣ Крыловъ не разъ клеймитъ насмѣшкою тѣхъ мнимыхъ сочинителей, которые, въ сущности, не что иное, какъ плохіе переводчики [1]). Описывая сцену въ книжной лавкѣ, критикъ, послѣ ухода дѣйствующихъ лицъ, спрашиваетъ книгопродавца, который жаловался на худой сбытъ своего товара: «Отчего же здѣсь мало хорошихъ книгъ?»—«Оттого, сударь, отвѣчалъ тотъ, что здѣсь множество авторовъ занимаются не тѣмъ, чтобъ что-нибудь *написать*, но чтобы что-нибудь *напечатать* и поскѣшить всенародно объявить, что они невѣжи. Страсть къ стихотворству здѣсь сильнѣе нежели въ другихъ мѣстахъ, но страсти къ истинѣ и къ красотамъ очень мало въ сочинителяхъ; оттого-то здѣсь нѣтъ хорошихъ книгъ, но множество лавокъ завалено бреднями худыхъ стихотворцевъ!»

Между своими собратьями-писателями Крыловъ бичуетъ не только бездарныхъ одописцевъ и вообще пристрастныхъ льстецовъ, скрывающихъ пороки своихъ единоземцевъ, но и тѣхъ, по его словамъ, глупыхъ сатириковъ, которые бранятъ свое отечество безъ всякой другой причины, кромѣ желанія показать остроту своего пера [2]). То же патріотическое чувство, которое выразилось въ этихъ словахъ, заставляло Крылова преслѣдовать съ особенною настойчивостью то легкомысліе, съ какимъ русское общество, прельстясь обманчивымъ лоскомъ французскаго образованія, надолго отдалось въ руки западно-европейскихъ выходцевъ. Извѣстно, какое значеніе французы пріобрѣли у насъ тогда въ общежитіи, въ воспитаніи и въ торговлѣ. Эта сторона русскихъ нравовъ сдѣлалась одною изъ любимыхъ темъ Крылова во всѣхъ его сатирическихъ сочиненіяхъ. Къ модными лавкамъ, часто служившимъ притонами порчи нравовъ и всякаго обмана, возвращался онъ часто и, наконецъ, посвятилъ этому предмету извѣстную комедію. Послѣдствія французскаго воспитанія вы-

[1]) *П. Д.*, ч. II, письмо 30.
[2]) *П. Д.*, ч. I, п. 9.

ставлены имъ въ комедіи *Урокъ дочкамъ*, а позднѣе и въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его басенъ. Противъ этого зла направлены также многія мѣста *Почты Духовъ*. Французы, по его замѣчанію [1]), удивляются просвѣщенному вкусу туземцевъ, но смѣются имъ въ глаза и сбираютъ съ нихъ деньги; они принудили здѣшнихъ жителей, не объявляя имъ войны и не имѣя никакихъ къ тому правъ, платить себѣ столь тяжкую подать, какой не сбиралъ Римъ съ своихъ подвластныхъ народовъ во время корыстолюбивѣйшихъ своихъ правителей. Это политическое покореніе туземцевъ французами, пишетъ Крыловъ, такъ хитро произведено въ дѣйство, что я не могу этого разобрать подробно. Образчикомъ ихъ нахальства и болтовни выставленъ парикмахеръ [2]). «Едва успѣлъ онъ взять въ руки гребенку, какъ заговорилъ о политикѣ. Онъ перебиралъ правительства разныхъ народовъ, дѣлалъ заключенія, давалъ рѣшенія и съ такою же легкостію вертѣлъ государствами, какъ пудреною кистью. Вся министерія была ему открыта; и когда дѣло доходило до утвержденія какихъ-нибудь изъ его рѣшеній, тогда этотъ незастѣнчивый человѣкъ, нимало не краснѣя, говорилъ, что съ такимъ и такимъ его мнѣніемъ согласенъ такой-то министръ, такой-то сенаторъ и такой-то генералъ, которымъ онъ чешетъ головы. Онъ увѣрялъ о себѣ безстыднымъ образомъ, что многіе вельможи, производя при немъ ежедневно сокровеннѣйшія дѣла государства, нерѣдко совѣтуются съ нимъ о важнѣйшихъ пунктахъ министеріи и часто дѣлаютъ свои рѣшенія по его мнѣніямъ.»

Достойнымъ ученикомъ подобныхъ господъ, изъ которыхъ многіе попадали въ Россію съ галеръ или изъ-подъ висѣлицы, является въ *Почтѣ Духовъ* русскій салонный щеголь графъ Припрыжкинъ [3]). Этотъ 20-ти лѣтній повѣса проводитъ всю свою жизнь въ шалостяхъ, которыми утѣшаетъ своихъ родителей, плѣняетъ женщинъ, разоряетъ легковѣрныхъ заимодавцевъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, во многихъ знатныхъ домахъ его уважаютъ и удивляются его разуму, учености и дарованіямъ; часто ничего не значащее привѣтствіе, сказанное имъ, почитаютъ за острое

[1]) *П. Д.*, ч. II, п. 39.
[2]) *П. Д.*, ч. I, п. 9.
[3]) *П. Д.*, ч. I, п. 9 и 17.

слово, и если онъ улыбается, то всѣ начинаютъ хохотать во все горло, ожидая терпѣливо, когда онъ откроетъ причину своей улыбки. Съ такими качествами Припрыжкину легко было сдѣлаться женихомъ богатой невѣсты. Онъ отправляется за покупками къ свадьбѣ; его сопровождаетъ сатирикъ, который и разсказываетъ объ этой прогулкѣ по Гостиному двору. Одинъ купецъ объясняетъ имъ причину дороговизны, въ которой полагается главное достоинство товара: «Его сіятельство, говоритъ онъ, вздумалъ жениться: ему необходимо запастись множествомъ мелочей; деньги на нихъ онъ долженъ взять съ своихъ 400 душъ крестьянъ. Въ одну минуту посылаетъ онъ приказъ: собрать съ нихъ къ будущему году 80 т. р. Мужики, не надѣясь однимъ хлѣбопашествомъ доставить своему господину такую сумму, оставляютъ свои селенія и бредутъ въ города, гдѣ, обыкновенно, можно выработать болѣе денегъ: вмѣсто сохи и бороны берутъ они лопаты и топоры, становятся каменьщиками, плотниками и разнощиками, днемъ работаютъ, а по ночамъ, чтобъ лучше собрать свой оброкъ, взыскиваютъ его съ прохожихъ... Отъ такихъ-то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымещать это на ремесленникахъ, ремесленники на купцахъ, купцы на господахъ, а господа опять принимаются за своихъ крестьянъ. Къ концу года, крестьяне возвращаются въ свои жилища съ деньгами, отдаютъ 80 т. р. господину, а на остальные 10 т. посылаютъ въ городъ купить себѣ хлѣба, котораго становится мало до будущаго года. Итакъ, города терпятъ недостатокъ, деревни голодъ, граждане дороговизну, а его сіятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ, и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу съ своею почтенною невѣстою, которая, съ своей стороны, щегольствомъ такую же приноситъ пользу государству».

Отыскивая всему мѣсто въ движеніи общественнаго строя, сатирикъ не забываетъ и значенія женщинъ. «Женщины играютъ въ политикѣ не малое лицо: онѣ движутъ всѣми пружинами правленія и черезъ нихъ дѣлаются самыя большія и малыя дѣла. Хотя ты съ перваго взгляда и подумаешь, что мущины всѣмъ правятъ, а женщины ничего не значатъ, но очень ошибешься и, посмотря хорошенько, увидишь, что мущины не что иное, какъ

ходатаи и правители ихъ дѣлъ и исполнители ихъ предпріятій [1])». Эти слова взяты изъ разговора Плутона съ Прозерпиной. Калигула — говоритъ она между прочимъ — сдѣлалъ свою лошадь сенаторомъ, и всѣ римляне оказывали ей наивозможнѣйшее уваженіе. Теперь этому смѣются, не примѣчая, что потомки калигулина коня, не теряя своей знатности, размножаются по свѣту. Можетъ быть, будущіе вѣка будутъ такъ-же смѣяться нынѣшнему вѣку, какъ этотъ прошедшему. Обыкновенно, такимъ образомъ новые вѣка хохочутъ надъ дурачествами старыхъ, получая оныя отъ нихъ себѣ въ наслѣдство; послѣдній вѣкъ только одинъ можетъ похвалиться, что не будетъ осмѣянъ.

Чтобы показать, какъ Крыловъ смотрѣлъ на извѣстныя стороны нравовъ современнаго ему русскаго общества и въ то же время дать понятіе, какъ онъ разработывалъ одинѣ и тѣ же темы въ сатирѣ и въ баснѣ, приведу изъ *Почты Духовъ* еще одну замѣчательную притчу [2]). Въ судейскую залу толстый купецъ втащилъ бѣдняка, крича, что тотъ укралъ у него платокъ, и требуя, чтобъ его судили по всей строгости законовъ. Судьи опредѣлили бѣдняка повѣсить. Приговоренный объясняетъ, что онъ, умирая съ голоду, дѣйствительно укралъ платокъ. Имѣя врожденный талантъ въ живописи, онъ усовершенствовался въ чужихъ краяхъ и надѣялся найти въ отечествѣ безбѣдное содержаніе. Что-жъ вышло? «Мои картины, говоритъ онъ, хотя всѣми были здѣсь одобряемы, но ихъ порочили тѣмъ, что онѣ не были апеллесовы, рубенсовы, рафаэлевы, или, по меньшей мѣрѣ, не были иностранной работы, и потому никто не хотѣлъ имѣть ихъ въ своихъ галлереяхъ. Это меня лишило бодрости, и повергло въ отчаяніе и нищету... Итакъ, разсмотрите теперь, я ли виновенъ, что по необходимости прибѣгнулъ къ пороку, или вы, гнушающіеся талантами своихъ соотечественниковъ?» Между судьями завязался споръ. Вдругъ отворились двери залы и вошелъ богато-одѣтый господинъ; всѣ судьи передъ нимъ встали и просили его сѣсть. Этотъ богачъ, узнавъ предметъ спора, далъ выкупъ за живописца и предложилъ ему размалевать паркетъ въ своей прихожей. Живописца выпустили, и этотъ рѣдкій художникъ, который могъ

[1]) *П. Д.*, ч. II, п. 34.
[2]) *П. Д.*, ч. I, п. 12.

бы сдѣлать честь своему отечеству, дожидался своего избавителя, чтобъ идти за нимъ рисовать холстъ для обтиранія ногъ пьяныхъ служителей. — «Кто это, спросилъ сатирикъ у одного изъ стоявшихъ вблизи, — кто это такъ щедро выкупилъ живописца и передъ кѣмъ судьи такъ благоговѣютъ?» — Это одинъ преступникъ, отвѣчалъ ему тотъ на ухо, который судится въ похищеніи и грабительствѣ, и вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ это дѣло тянется... На него донесено, что онъ покралъ изъ государственной казны нѣсколько милліоновъ, и разграбилъ цѣлую вручешую ему область. — «Пропадшій же онъ человѣкъ, сказалъ сатирикъ, — его, конечно, уже замучаютъ жесточайшими казнями». — «Напротивъ того, былъ отвѣтъ: онъ уже оправдался передъ правосудіемъ, и это ему стоитъ одного милліона, а чтобъ оправдаться въ глазахъ народа, онъ дѣлаетъ такіе выкупы, какимъ освобожденъ живописецъ, и взноситъ на содержаніе сиротъ не малыя суммы денегъ, и чрезъ то въ мысляхъ нѣкоторыхъ людей почитается честнымъ, сострадательнымъ и правымъ человѣкомъ... Но я вижу, продолжалъ онъ, что вы недавно пріѣхали на нашъ островъ; поживите-тко у насъ по-долѣ, такъ и увидите всего побольше.»

Кто не узнаетъ въ этой притчѣ почти то же содержаніе, какъ въ баснѣ о Вороненкѣ, который, по примѣру орла, хотѣлъ украсть лучшаго барана въ стадѣ, но запутался когтями въ его шерсти —

И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ; —

изъ чего баснописецъ выводитъ такое заключеніе:

Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ,
Коль мелкій плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

Но сатирикъ освѣщаетъ свою мысль еще болѣе общимъ выводомъ, обнаруживающимъ любопытный, хотя и не радостный взглядъ Крылова на духъ всего тогдашняго общества. Это ясно изъ продолженія приведеннаго разговора въ судейской палатѣ. Посѣтитель суда удивлялся тому, что̀ видѣлъ. Новый знакомецъ его, объяснивъ, что только грубое воровство запрещено зако-

номъ и подвергаетъ наказанію, разсказалъ ему слышанное отъ дѣда: «Пристрастіе къ плутовству есть природное свойство здѣшнихъ жителей, и мои земляки уже давно имъ промышляютъ. Въ старину, оно было во всей своей силѣ; но какъ просвѣщеніе начало умножаться, то наши промышленники приняли на себя разныя имена: первостатейные сдѣлались *старшинами* и *законниками*, другіе *купцами*, а третьи *ремесленниками* и *поселянами*: но, перемѣняя званія, жители не перемѣнили своихъ склонностей, и плутовство никогда столько не владычествовало надъ ними, какъ послѣ сей перемѣны, такъ что наконецъ оно превратилось въ совершенный грабежъ, которому однакожъ даны самые честные виды; одно только старое воровство запрещено, а впрочемъ, кто чѣмъ болѣе крадетъ, тѣмъ онъ почтеннѣе. Опасно лишь тому, кто въ семъ хранитъ умѣренность: украденное яблоко можетъ стоить головы, а милліоны золота принесутъ уваженіе».

Этотъ взглядъ не вполнѣ измѣнился у Крылова и въ старости. Доказательство тому можно видѣть въ небольшой его баснѣ *Купецъ* (1830 г.), для которой выписанный сейчасъ разговоръ можетъ служить лучшимъ комментаріемъ. Вотъ эта басня или, вѣрнѣе, поэтическая притча:

Поди-ка, братъ Андрей!
Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй
Да подивуйся дядѣ!
Торгуй по-моему, такъ будешь не въ накладѣ. —
Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику купецъ:
Ты знаешь польскаго сукна конецъ,
Который у меня такъ долго залежался,
Затѣмъ что онъ и старъ и подмочёнъ и гнилъ.
Вѣдь это я сукно за англійское сбылъ!
Вотъ, видишь, сей лишь часъ взялъ за него сотняжку:
Богъ олушка послалъ.
— Все это, дядя, такъ, племянникъ отвѣчалъ:
Да въ олухи-то, я не знаю, кто попалъ;
Вглядись-ко: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку. —

Обманутъ, обманулъ купецъ! въ томъ дива нѣтъ;
Но если кто на свѣтъ
Повыше лавокъ взглянетъ, —
Увидитъ, что и тамъ на ту же стать идетъ,
Почти у всѣхъ въ умѣ одинъ разсчетъ:

Кого кто лучше проведетъ
И кто кого хитрѣй обманетъ.

Такимъ образомъ, сатира Крылова часто развиваетъ съ большею полнотою и ясностью тѣ же мысли, которыя мы позднѣе встрѣчаемъ въ его баснях. Иногда въ послѣднихъ попадаются образы или черты, уже знакомые намъ изъ его сатирическихъ сочиненій. Такъ въ *Почтѣ Духовъ* [1]), и въ «Мысляхъ философа по модѣ» [2]) мы находимъ первообразъ «Слона и Моськи». Представляя въ смѣшномъ видѣ блистательнаго молодаго человѣка, который шутитъ надъ важными истинами, не понимая ихъ, Крыловъ говоритъ: «При всей мелкости своего ума, онъ тогда такъ милъ, какъ болонская собачка, которая бросается на драгунскаго рослаго капитана и хочетъ разорвать его, между тѣмъ какъ онъ равнодушно куритъ трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ. Какъ мила и забавна смѣлость этой собачонки, такъ точно забавна смѣлость вашего ума, когда огрызается она на вещи, передъ коими онъ менѣе, нежели болонская собачка передъ драгунскимъ капитаномъ». Идея басни, сравнивающей *мѣшокъ*, наполненный червонцами, съ откупщиками или игроками, разбогатѣвшими съ грѣхомъ пополамъ, высказана первоначально въ слѣдующемъ размышленіи *Ночи* [3]): «Многіе поселяне, оставляя нивы, стали подъ покровительствомъ моимъ собирать съ проѣзжихъ оброкъ, а потомъ переселялись совсѣмъ въ города, и тамъ, воруя сперва въ присутствіи моемъ, наконецъ, подъ названіемъ откупщиковъ и подрядчиковъ, стали безопасно уже воровать и днемъ, не помышляя ни о серпѣ, ни о нивѣ». Первое начертаніе басни о *гусяхъ*, хвалящихся тѣмъ, что предки ихъ спасли Римъ, встрѣчается въ слѣдующихъ строкахъ *Почты Духовъ* [4]): «Мѣщанинъ добродѣтельный и честный крестьянинъ для меня во сто разъ драгоцѣннѣе дворянина, считающаго въ своемъ родѣ до 30 дворянскихъ колѣнъ, но не имѣющаго никакихъ достоинствъ, кромѣ того счастья, что родился отъ благородныхъ родителей, которые

[1]) Ч. I, п. 9.
[2]) *Зритель*, ч. II, стр. 288.
[3]) *Зритель*, ч. I, стр. 149.
[4]) *П. Д.*, ч. II, п. 37.

также, можетъ быть, не болѣе его принесли пользы своему отечеству, только умножая число безплодныхъ вѣтвей своего родословнаго дерева».

Въ примѣръ образовъ, повторяющихся въ сатирѣ и въ басняхъ Крылова, можно также привести обезьяну, кривляющуюся передъ зеркаломъ [1]). Тема басни *Вельможа*, направленной, такъ какъ и многія изъ прежнихъ его басенъ, противъ дурныхъ судей и ихъ секретарей, часто занимаетъ его уже въ *Почтѣ Духовъ*. Одно цѣлое письмо [2]) посвящено изображенію примѣрнаго судьи и такого же секретаря. Мы видимъ, какъ рано возникли въ душѣ Крылова и какъ долго носились въ ней многіе изъ тѣхъ идей и образовъ, которымъ онъ далъ окончательное развитіе въ послѣдній періодъ своей дѣятельности; можно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ онъ воспитывалъ въ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя. Оттого, для многихъ его басенъ мы напрасно стали бы искать источника въ современныхъ событіяхъ и лицахъ; происхожденіе ихъ часто объясняется гораздо проще: малѣйшій поводъ, ничтожный случай пробуждалъ въ его душѣ давно устоявшіеся въ ней наблюденія и выводы, которые творческая фантазія его легко одѣвала въ новые образы. Вотъ чѣмъ объясняются та естественность и зрѣлость, которыя такъ изумляютъ насъ въ вымыслѣ и формѣ басенъ Крылова. — Въ *Почтѣ Духовъ* и другихъ сатирическихъ сочиненіяхъ его какъ-бы предчувствуется уже будущій баснописецъ; онъ проглядываетъ и въ любимой формѣ крыловскаго разсказа, часто принимающаго характеръ то сказки, то притчи. Таковъ, напр., весь его разсказъ: *Ночи*; такова и восточная повѣсть *Каибъ*, гдѣ мастерски обрисованы отношенія раболѣпнаго дивана и народа къ своему калифу; въ этой сказкѣ уже встрѣчается и басенька, — первый опытъ Крылова въ этомъ родѣ: полотно, на которомъ написана картина, вздумало приписывать себѣ ея успѣхъ; паукъ говоритъ ему: — Ты напрасно гордишься; еслибъ не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то ты давно бы истлѣло, бывъ употреблено на обтирку посуды. — Въ *Мысляхъ философа по модѣ* неисправимость людей на перекоръ сатирѣ сравнивается съ

[1]) *П. Д.*, ч. I, п. 10.
[2]) Ч. I, п. 18.

упорствомъ стараго осла, который съ терпѣніемъ слушаетъ понуканія и брань своего хозяина, зная, что это одинъ пустой звукъ, и продолжаетъ свой путь по прежнему тихимъ шагомъ, оставляя хозяина въ надеждѣ, что онъ когда нибудь его уговоритъ. Но всего замѣчательнѣе, какъ отдаленное предзнаменованіе перехода Крылова къ баснѣ, слѣдующія строки одной изъ послѣднихъ страницъ *Почты Духовъ* [1]): «Нравоучительныя правила должны состоять не въ пышныхъ и высокопарныхъ выраженіяхъ, а чтобъ въ короткихъ словахъ изъяснена была самая истина. Люди часто впадаютъ въ пороки и заблужденія не отъ того, чтобъ не знали главнѣйшихъ правилъ, по которымъ должны они располагать свои поступки, но отъ того, что они ихъ позабываютъ, а для сего-то и надлежало бы поставлять въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто главнѣйшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти».

Призваніе изучать человѣческое сердце и пружины общественной жизни Крыловъ созналъ въ себѣ чрезвычайно рано. На свѣтъ смотрѣлъ онъ какъ на обширное училище, открытое для всѣхъ желающихъ научиться; ему казалось, что заблужденія, замѣчаемыя нами въ другихъ, могутъ служить намъ лучшими уроками, и что изображеніе ихъ достойно пера мыслителя, желающаго употребить съ пользою свои дарованія [2]). Но не одни врожденныя способности помогли юношѣ-Крылову стать твердою ногой на поприще писателя. Извѣстно, что полученное имъ школьное образованіе было чрезвычайно скудно: между тѣмъ сатира его показываетъ въ немъ большую начитанность; ему знакомы произведенія лучшихъ умовъ древняго и новаго міра. Извѣстно также, что умная мать рано внушила Крылову охоту къ чтенію и самодѣятельности, и онъ мало по малу ознакомился со многими великими писателями. Всматриваясь вообще въ дѣятельность нашихъ литературныхъ знаменитостей прошлаго вѣка, мы замѣчаемъ, что большая часть изъ нихъ почерпнули главное свое образованіе изъ того же источника — изъ чтенія. Великіе писатели — вотъ та школа, въ которой преимущественно образова-

[1]) Ч. II, п. 49.
[2]) *П. Д.*, ч. II, п. 28.

лись Сумароковъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ и еще въ не столь далекое время Пушкинъ. И мы должны сознаться, что этотъ важный элементъ образованія значительно ослабѣлъ въ нашу, болѣе суетливую эпоху, когда прилежное чтеніе газетъ, лихорадочное участіе въ общественной жизни и налагаемая духомъ вѣка обязанность *слѣдить за всѣмъ*, уносятъ такъ много времени. Кто, кромѣ великихъ писателей, могъ развить въ сынѣ бѣднаго армейскаго офицера, въ маленькомъ провинціальномъ чиновникѣ, тѣ благородные и высокіе помыслы, съ которыми онъ уже на 22 году жизни является наставникомъ общественной нравственности и смѣло обращается ко всѣмъ сословіямъ?

Но одни книги не могли доставить ему того глубокаго знанія свѣта, какое мы замѣчаемъ уже въ юношескихъ трудахъ его. Въ *Почтѣ Духовъ* есть мѣсто, раскрывающее намъ, кажется, черту біографіи самого автора и вмѣстѣ тайну его ранняго знакомства съ наукою жизни и сердца человѣческаго. — Одинъ изъ подземныхъ жителей, по имени Зоръ, вздумалъ узнать изъ книгъ нравы и обычаи описываемаго имъ государства; но у писателей этой страны онъ не нашелъ истины и потому рѣшился не въ кабинетѣ своемъ судить о духѣ государства, а вмѣшаться въ общество; чтобъ получить обо всемъ вѣрное понятіе, онъ выбралъ себѣ въ проводники одного молодаго и знатнаго повѣсу, съ которымъ могъ имѣть входъ во многіе дома. Человѣкъ, выбранный Зоромъ для его цѣли, есть уже знакомый намъ графъ Припрыжкинъ, который и посвящаетъ его въ тайны большаго свѣта. Изъ этого мѣста мы можемъ съ вѣроятіемъ заключить, что самъ Крыловъ, такъ хорошо понимавшій, какую услугу Припрыжкины могутъ оказывать писателю, не гнушался знакомства съ подобными господами. Но, посѣщая свѣтъ, Крыловъ, подобно Карамзину, понималъ также, что писатель долженъ заглядывать въ общество, а жить въ кабинетѣ [1]). Нѣкоторое отчужденіе отъ людей считалъ онъ благотворнымъ въ каждомъ званіи. «Пусть осуждаютъ, сколько хотятъ — писалъ

[1]) Слова Карамзина въ статьѣ: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ». *Вѣстн. Европы*, 1802, ч. 4, № 14, стр. 120 — 128.

онъ [1]) — грубость и странные по мнѣнію нѣкоторыхъ людей поступки мизантроповъ; я буду всегда утверждать, что почти невозможно быть совершенно честнымъ человѣкомъ, не бывъ нѣсколько имъ подобнымъ. Если бы при дворахъ государей находилось нѣкоторое число мизантроповъ, то какое счастіе послѣдовало бы тогда для всего народа! Каждый государь, внимая гласу ихъ, познавалъ бы тотчасъ истину... Министры, судьи, вельможи, однимъ словомъ, всѣ тѣ, коимъ ввѣрено благосостояніе народное, трепетали бы при единомъ названіи мизантропа... «Ничто, сказали бы они, не можетъ остановить сего ужаснаго провозвѣстника истины. Скоро гласъ его раздастся повсюду и, достигнувъ престола, извѣститъ государя о всѣхъ тайныхъ нашихъ дѣлахъ».

Почти ту же тему развиваетъ Крыловъ въ другомъ мѣстѣ, разсматривая, кто̀ истинно честный человѣкъ въ каждомъ сословіи [2]). «Великая разность — говоритъ онъ — между честнымъ человѣкомъ, почитающимся таковымъ отъ философовъ, и между честнымъ человѣкомъ, такъ называемымъ въ обществѣ... Послѣдній часто не что иное, какъ хитрый обманщикъ... или человѣкъ, который, хотя не дѣлаетъ никому зла, однакожъ и о благодѣяніи никакого не имѣетъ попеченія... Истинно-честному человѣку надлежитъ быть полезнымъ обществу во всѣхъ мѣстахъ и во всякомъ случаѣ, когда только онъ въ состояніи оказать людямъ какое благодѣяніе». Потомъ сатирикъ переходитъ къ отдѣльнымъ состояніямъ и говоритъ, наприм., о судьѣ: «Въ обществѣ называется честнымъ человѣкомъ тотъ судья, который, не уважая ничьихъ просьбъ, дѣлаетъ скорое рѣшеніе дѣламъ, не входя ни мало въ подробное ихъ разсмотрѣніе»; по мнѣнію философовъ, этого мало: «Судья хотя бы былъ праводушенъ и безпристрастенъ, но производства судебныхъ дѣлъ совсѣмъ незнающій, въ глазахъ философа тогда только можетъ назваться честнымъ человѣкомъ, когда безпристрастіе его заставитъ почувствовать, сколько онъ долженъ опасаться всякаго обмана, чтобъ по незнанію не сдѣлать неправеднаго рѣшенія, и побудитъ его

---

[1]) *П. Д.*, ч. I, п. 4.
[2]) *П. Д.*, ч. II, п. 24.

отказаться отъ своей должности. Ежели бы всѣ судьи захотѣли заслужить истинное названіе честнаго человѣка, то сколько бы присутственныхъ мѣстъ оставалось порожними! И если бы для занятія сихъ мѣстъ допускались только люди совершенно достойные, то число искателей гораздо бы поуменьшилось».

Не смотря на талантъ, выказанный Крыловымъ въ *Почтѣ Духовъ*, изданіе это не имѣло успѣха. Судя по напечатаннымъ при немъ именамъ подписчиковъ, оно расходилось только въ числѣ 80 экземпляровъ. Это и не удивительно: молодой издатель не имѣлъ еще никакой извѣстности, а охотниковъ даже и на книги, которыхъ авторы успѣли пріобрѣсти громкое имя, было не много. О равнодушіи публики къ литературѣ часто говорится въ *Почтѣ Духовъ*; напр. въ одномъ мѣстѣ [1]) замѣчено, что въ большомъ свѣтѣ почитается невѣжествомъ не знать по названіямъ вновь выходящихъ сочиненій или не знать именъ современныхъ писателей; но читать ихъ произведенія считается потерею времени, а имѣть знакомство съ авторами — униженіемъ; ибо въ такихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые, однакожъ, несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые. Если *Почта Духовъ* и не достигла своей нравоучительной цѣли, не оставила плодотворнаго слѣда ни въ общественной жизни, ни въ литературѣ, за то она имѣла великое образовательное значеніе для самого автора: она была школой его наблюдательности и сатирическаго таланта, важною для его будущей литературной дѣятельности.

Недостатокъ подписчиковъ на *Почту Духовъ*, вѣроятно, и былъ причиною того, что это изданіе не дожило даже до конца года; оно прекратилось 8-ою, августовскою книжкой, и въ томъ же году уже продавалось какъ книга по 1 р. 80 к. за два томика, тогда какъ годовая цѣна при подпискѣ была прежде объявлена въ 5 р. [1]). Но какъ ни мало читался журналъ Крылова, изъ разныхъ его мѣстъ можно заключить, что стрѣлы его сатиры не пропадали даромъ, что были люди, которые принимали ихъ на свой счетъ и обвиняли его въ личностяхъ. Что Крыловъ,

[1]) *П. Д.*, ч. I, п. 9.

[1]) *Спб. Вѣдом.* 1789, окт. 2, № 79.

однакожъ, не имѣлъ серьёзныхъ непріятностей за *Почту Духовъ*, доказывается тѣмъ, что онъ черезъ 2 года выступилъ опять сатирикомъ въ журналѣ *Зритель*, и подписывая свои статьи полнымъ своимъ именемъ, сталъ иногда высказывать еще болѣе рѣзкія истины, нежели прежде. Дѣло въ томъ, что при возвышенности исповѣдуемой имъ морали, при чистотѣ своихъ политическихъ воззрѣній, своихъ понятій о гражданскомъ долгѣ, Крыловъ и не могъ, безъ несправедливости, подвергнуться гоненію. Свидѣтельствомъ, что *Почта Духовъ* не осталась незамѣченною въ нашей литературѣ, служитъ то, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1802 г., она была, съ позволенія цензуры, перепечатана вторымъ изданіемъ, безъ всякихъ сокращеній. Менѣе счастливъ былъ этотъ сатирическій сборникъ въ 40-хъ годахъ, когда въ такъ-называемое «Полное собраніе сочиненій Крылова», изданное вскорѣ послѣ его смерти, вошла далеко не вся *Почта Духовъ*, даже не вся та часть ея, которая въ этомъ изданіи признана несомнѣнно принадлежащею перу Крылова. Это тѣмъ неожиданнѣе, что еще незадолго до того вполнѣ безукоризненное направленіе всѣхъ сочиненій Крылова было торжественно засвидѣтельствовано тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ [1]). Но извѣстно, въ какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ находилась, въ 40-хъ годахъ, наша литература. Тогда почти повторилось то отношеніе ея къ цензурѣ, которое Крыловъ въ 1824 г. сравнилъ съ положеніемъ соловья подъ лапами кошки, въ баснѣ, поясненной правоученіемъ:

Худыя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

Еще недавно на нашей памяти совершилась въ этомъ отношеніи перемѣна. Въ *Почтѣ Духовъ* [2]) есть разсказъ о вступленіи

---

[1]) На обѣдѣ 2 февраля 1838 года, министръ, предложивъ тостъ за здоровье Крылова, сказалъ между прочимъ: «Да будетъ его литературное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое въ нравственномъ своемъ направленіи, примѣромъ для возрастающихъ талантовъ, поощреніемъ для современниковъ, радостнымъ воспоминаніемъ потомству» (Плетневъ, «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова».)

[2]) *П. Д.*, ч. II, п. 45.

на престолъ, въ какомъ-то восточномъ царствѣ, молодаго государя, который, въ числѣ привѣтствующихъ его при этомъ случаѣ, допускаетъ къ себѣ также писателя и, выслушавъ его правдивую рѣчь, обращается къ прочимъ лицамъ съ словами: *Этотъ человѣкъ кажется мнѣ не такъ безуменъ и злобенъ, какъ вы мнѣ о немъ говорили; я беру его подъ мое покровительство и приказываю, чтобъ никто не дерзалъ дѣлать ему ни малѣйшаго оскорбленія* [1]). Не переносятъ ли насъ эти слова лѣтъ за 12 назадъ, когда русская литература нашла могущественнаго двигателя въ самомъ Монархѣ, даровавшемъ ей впослѣдствіи первый законъ объ ограниченіи цензуры? Высочайшій указъ 6-го апрѣля 1865 года, знаменательно подписанный въ день всенароднаго торжества въ память русскаго писателя, составляетъ важную эпоху въ исторіи нашей литературы. Не свидѣтельствуетъ ли все ея прошлое, что она наиболѣе процвѣтала всякій разъ, когда слову предоставлялась законная доля свободы, и что если въ литературѣ случались прискорбныя уклоненія отъ здравыхъ началъ, то это бывало, по большей части, слѣдствіемъ болѣзненнаго раздраженія долго подавленной мысли? Въ свѣтлый періодъ царствованія Екатерины II явились вдругъ даровитые писатели съ благородно-смѣлою рѣчью; проводя въ общество новыя либеральныя идеи, они содѣйствовали правительству въ его великодушныхъ стремленіяхъ Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Крыловъ. Подобное оживленіе литературы произошло, по той же причинѣ, въ началѣ царствованія Александра I, и, наконецъ, въ наше время коренныхъ преобразованій, когда русскій писатель получилъ нѣкоторое право голоса въ обсужденіи важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, и тѣмъ пріобрѣлъ такое значеніе, какого онъ никогда еще не имѣлъ. Прилично вспомнить о томъ нынѣ, при празднованіи памяти человѣка, который почти 80 лѣтъ тому назадъ оцѣнилъ призваніе русскаго писателя. — Помянемъ Крылова и желаніемъ, чтобы въ этомъ званіи, какъ и во всякомъ другомъ, по его идеѣ, каждый былъ достоинъ имени честнаго человѣка не только въ глазахъ общества, но и въ мнѣніи строгаго мыслителя. Такимъ истинно честнымъ человѣкомъ былъ

[1]) *П. Д.*, ч. II, п. 45.

самъ Крыловъ. — Воздадимъ же должную честь не одной славной старости его, когда онъ во всемъ блескѣ проявилъ свой талантъ подъ безопаснымъ покровомъ басни, — воздадимъ честь и его забытой юности, когда онъ смѣло вышелъ въ путь съ бичемъ сатиры въ рукахъ, еще не помышляя о томъ комарѣ, который хотѣлъ предостеречь *пастуха* отъ *змѣи*, но былъ раздавленъ его рукой, и тѣмъ навелъ баснописца на такое размышленіе:

Коль слабый сильному, хоть движимый добромъ,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то же съ нимъ случится,
Что съ комаромъ.

Примѣчаніе. Въ превосходной статьѣ покойнаго П. А. Плетнева, которою начинается изданіе 1847 года (стр. XXII), сказано: «Въ нынѣшнемъ собраніи сочиненій Крылова напечатаны всѣ статьи, принадлежащія собственно его перу и помѣщенныя имъ въ тогдашнемъ его журналѣ». Сравненіе этого изданія съ полною *Почтою Духовъ* показываетъ, что изъ составляющихъ ее 48-мь писемъ въ собраніе сочиненій Крылова вошло только 18, т. е. не много болѣе одной трети, и именно одни тѣ письма, которыя означены именами *Зора*, *Буристона* и *Вьстодава*. Да и изъ писемъ Зора пропущено одно (12-е), — откуда заимствована мною притча о судѣ надъ живописцемъ и богачемъ. Выходитъ, что всѣ остальныя письма, отмѣченныя въ *Почтѣ Духовъ* именами Дальновида, Свѣтовида, Астарота, Выспрепара, Эмпедокла, Борсида и самого Малик-кульмулька, по мнѣнію издателей 1847 г., писаны не Крыловымъ, а другими лицами. Преданіе считаетъ сотрудниками его въ этомъ журналѣ Рахманинова и Ник. Эмина [1]). Рахманинову принадлежала типографія, въ которой печаталась *Почта Духовъ*, что и означено, на оборотѣ заглавнаго листа ея, вензелемъ его имени П. Р., выставленнымъ, такъ же точно на журналѣ *Утренніе Часы*. Плетневъ говоритъ, что Крыловъ соединился съ Рахманиновымъ, «чтобы на общемъ иждивеніи содержать типографію и печатать въ ней свой журналъ», и потомъ, черезъ нѣсколько строкъ, называетъ ихъ «журналистами, которые явились въ публику съ *Почтою Духовъ*». Болѣе онъ ничего не сообщаетъ объ участіи въ этомъ журналѣ Рахманинова который повидимому, одинъ занимался матеріальною частью изданія. Что касается до Н. Эмина, то Плетневъ вовсе не упоминаетъ о его сотрудничествѣ въ *Почтѣ Духовъ*,

[1]) Мнѣніе наше о возможности участія въ этомъ журналѣ Радищева см. выше, стр. 39.

и мысль о томъ есть, вѣроятно, лишь недоразумѣніе, возникшее изъ смѣшенія Н. Эмина съ отцомъ его, издававшимъ *Адскую Почту*. Далѣе, біографъ Крылова, отзываясь съ величайшею похвалою о его сатирѣ замѣчаетъ, что онъ «набросилъ на ѣдкія свои изображенія покрывало писемъ *Зора*, *Буристона* и *Вистодава*, которыя, по словамъ того же критика, «составляютъ одну картину». Читая *Почту Духовъ*, нельзя не признать, что и всѣ ея письма *составляютъ одну картину*, въ которой трудно отличить участіе разныхъ авторовъ: вездѣ одни и тѣ же пріемы, одинъ языкъ, одинъ взглядъ на міръ и общество, частое повтореніе тѣхъ же образовъ и мыслей, словомъ, общая связь и внутреннее единство содержанія. Трудно представить себѣ, чтобъ такія сатирическія письма могли быть писаны нѣсколькими лицами; но если и предположить это, то спрашивается: гдѣ же явные признаки, по которымъ можно было отдѣлить письма Крылова отъ остальныхъ? Еслибъ онъ самъ, при жизни, указалъ на свою долю труда, то, вѣроятно, издатели не упустили бы опереться на такое важное свидѣтельство. Но такъ какъ нѣтъ ни такихъ признаковъ, ни такого свидѣтельства, а между тѣмъ извѣстно, что Крыловъ признавалъ *Почту Духовъ* за свой трудъ, и во всякомъ случаѣ былъ главнымъ ея редакторомъ, то приходится включить всю ее въ составъ его сочиненій. Къ внутреннимъ доказательствамъ единства ея происхожденія присоединяются еще слѣдующія внѣшнія, чрезвычайно важныя, на мой взглядъ, указанія. Въ извѣщеніи объ изданіи *Почты Духовъ*, Крыловъ называетъ себя *секретаремъ* ученаго Маликульмулька, рѣшившимся выдавать переписку этого волшебника съ разными духами, и прибавляетъ, что такъ какъ онъ самъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ для напечатанія сихъ писемъ (ибо-де мѣсто секретаря у ученаго человѣка очень безприбыльно), то и проситъ публику подписываться на этотъ сборникъ. Извиняясь потомъ въ несвоевременномъ выходѣ первой книжки, мнимый секретарь Маликульмулька заявляетъ себя «издателемъ сихъ листовъ», изданіе же ихъ называетъ «своимъ предпріятіемъ», и ссылается на свою «непривычность», или другими словами, неопытность. Въ такомъ же точно смыслѣ написано общее «Вступленіе» къ письмамъ, въ которомъ опять идетъ рѣчь объ *одномъ* секретарѣ, т. е. одномъ авторѣ или, по крайней мѣрѣ, редакторѣ писемъ *Почты Духовъ*. Съ этимъ согласно и свидѣтельство Быстрова, который, со словъ Крылова, говоритъ, что Рахманиновъ, бывъ его товарищемъ по изданію *Почты Духовъ*, *давалъ* ему *матеріалы*. (*Сѣв Пч.* 1845, № 203).

Тѣ письма *Почты Духовъ*, которыя перепечатаны въ «Полномъ собраніи соч. Крылова», отмѣчены тамъ подъ-рядъ цифрами I, II, III и т. д., какъ будто бы между ними не было никакихъ пропусковъ. Не безполезно будетъ отмѣтить здѣсь, какое мѣсто они занимаютъ въ расположеніи первоначальнаго изданія крыловскаго сборника (римская цифра означаетъ порядокъ писемъ въ изданіи 1847 г., а арабская, заключенная въ скоб-

кахъ, — порядокъ ихъ въ самомъ журналѣ): I (1), II (3), III (6), IV (9). V (11), VI (14), VII (16), VIII (17), IX (21), X (23), XI (26), XII (30), XIII (34), XIV (36), XV (39), XVI (42), XVII (44), XVIII (46). Остальныя 30 писемъ исключены изъ изданія 1847 г. [1]).

Жаль также, что языкъ Крылова въ прозаической части изданія 1847 г. значительно подновленъ, на что въ первый разъ было указано въ статьѣ моей: «Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка» (*Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1867 г., апрѣль, ч. CXXXIV). Кромѣ того, нельзя не пожалѣть, что вообще изданіе это нисколько не удовлетворяетъ критическимъ требованіямъ; такъ напр., при баснях не только не показано постепенное умноженіе числа ихъ по изданіямъ, но не означено даже раздѣленіе ихъ на 9 книгъ по послѣднему, при жизни Крылова, въ 1843 г. напечатанному изданію ихъ. Очень желательно, чтобы лица, которыми надолго пріобрѣтено исключительное право изданія сочиненій нашего народнаго писателя, серьезно взвѣсили важность своей отвѣтственности, въ этомъ случаѣ, передъ обществомъ.

---

[1]) Болѣе полное указаніе по этому предмету см. выше, на стр. 45—47, въ *приложеніи* къ другой статьѣ моей.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ И. А. КРЫЛОВА,

сказанное преосвященнымъ Макаріемъ, архіепископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ, ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ[1]).

И глаголa имъ притчами много.
Матѳ. 13, 3.

Это слова о Томъ, Кого назвалъ нынѣ св. старецъ Симеонъ *Свѣтомъ во откровеніе языкомъ* (Лук. 2, 32), слова о нашемъ Спасителѣ, который, проповѣдуя свое божественное ученіе для просвѣщенія людей, часто-часто употреблялъ притчу.

Но эти же самыя слова невольно припоминаются намъ, сыны Россіи, и при имени человѣка, котораго собрались мы нынѣ помянуть торжественно въ своихъ молитвахъ къ нашему Спасителю, — человѣка, который ровно сто лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ бытіемъ и разнообразными способностями, получилъ отъ Бога великій даръ говорить притчами, и дѣйствительно говорилъ намъ *притчами много*, и завѣщалъ намъ въ своихъ притчахъ безцѣнное сокровище.

Какъ онъ говорилъ? Языкъ баснописца Крылова — чисторусскій языкъ, но выработанный имъ самимъ и запечатлѣнный силою его необыкновеннаго таланта. Это не рѣчь исключительно нашего простаго народа, съ ея иногда грубыми словами, а еще чаще грубыми выраженіями; не рѣчь исключительно и нашего образованнаго общества, съ ея нерѣдко вовсе нерусскими слова-

[1]) Произнесено было въ церкви Харьковскаго университета.

ми и оборотами, съ ея часто искусственнымъ строемъ, сложившимся подъ вліяніемъ иноземнаго слова. Нѣтъ, это такой языкъ, въ которомъ чудно слились и первая рѣчь и послѣдняя, и соединилось все, что только есть лучшаго въ той и другой. Крыловъ взялъ нашъ простонародный говоръ во всей его первобытной простотѣ и естественности, но съ его силою, мѣткостію и выразительностію, очистилъ его отъ всего дикаго и грубаго и сдѣлалъ его изящнымъ, художественнымъ чрезъ искусное сочетаніе съ рѣчію образованнаго общества; взялъ и нашу образованную, литературную рѣчь, освободилъ ее отъ всего искусственнаго и чужеземнаго, обрусилъ ее чрезъ сліяніе съ простонародною рѣчью и обогатилъ множествомъ коренныхъ русскихъ словъ и оборотовъ, подмѣченныхъ въ устахъ простаго народа. И вышелъ языкъ — Крыловскій языкъ, какого прежде въ Руси не бывало; языкъ и глубоко-простонародный и высоко-образованный. Вышла рѣчь — русская во всѣхъ отношеніяхъ, словно вылившаяся прямо изъ русской души и сердца; рѣчь, равно понятная и равно пріятная всѣмъ Русскимъ, книжнымъ и некнижнымъ, взрослымъ и дѣтямъ, людямъ высшаго круга и самымъ послѣднимъ поселянамъ; рѣчь такая, что подъ-часъ ее читаешь, не начитаешься, слушаешь, не наслушаешься. Крыловъ завѣщалъ намъ въ своихъ басняхъ сокровище истинно-русскаго слова.

Что онъ говорилъ? Говорилъ то, что можетъ говорить человѣкъ самаго здраваго смысла, практическій мудрецъ и, въ особенности, мудрецъ русскій. Не проводилъ онъ никогда какихъ-либо идей ложныхъ, вредныхъ, противныхъ нравственности, хотя подъ покровомъ басни это было бы легко, по крайней мѣрѣ, не невозможно. Напротивъ, всегда провозглашалъ идеи истины, добра и порядка; нещадно преслѣдовалъ порокъ и неправду во всѣхъ ихъ видахъ, и вообще стремился не разрушать, а созидать, не колебать, а утверждать. Онъ съ убѣжденіемъ отстаивалъ всѣ основы нашего отечественнаго быта: нашей св. вѣры, нашего государственнаго строя, нашихъ общественныхъ и семейныхъ отношеній. Глубоко всматривался въ русскую жизнь, чутко прислушивался къ ея потребностямъ и пользовался даже частными случаями, чтобы вѣрнѣе направлять свою рѣчь къ цѣли и приносить болѣе пользы своимъ согражданамъ. Любилъ онъ иногда

брать у простаго народа уроки мудрости, добытой вѣками и выразившейся въ его пословицахъ и поговоркахъ; а еще чаще изрекалъ самъ такіе же уроки, которые потомъ переходили въ жизнь и становились новыми пословицами и поговорками. Крыловъ завѣщалъ намъ въ своихъ басняхъ сокровище истинно-русской народной мудрости.

Но самое главное отличительное свойство нашего мудреца-баснописца было именно то, что онъ говорилъ намъ баснями, и баснями русскими. Онѣ-то придавали его мыслямъ и словамъ особенную привлекательность и силу. Басня, мастерски составленная, какъ умѣлъ составлять ее Крыловъ, невольно возбуждаетъ наше вниманіе, и равно влечетъ къ себѣ и дитя, и юношу, и старца, и всѣхъ занимаетъ, всѣхъ услаждаетъ, всѣхъ учитъ, непримѣтно, но мѣтко и неотразимо. Мысли самыя возвышенныя, правила самыя мудрыя, наставленія самыя полезныя часто кажутся намъ безжизненными, скучными, и безслѣдно проносятся мимо нашей души; но, будучи олицетворены въ искусной баснѣ, являются предъ нами живыми, чарующими, и производятъ въ душѣ неизгладимое впечатлѣніе. По самому характеру басни, Крыловъ выводилъ въ своихъ басняхъ и заставлялъ дѣйствовать людей, звѣрей, птицъ, домашнихъ животныхъ, растенія и разные неодушевленные предметы. Но эти люди — наши русскіе люди; эти звѣри, почти всѣ — наши звѣри; эти птицы — наши птицы; эти домашнія животныя, растенія и другіе предметы — все наши, наши и наши. Въ этомъ сказочномъ мірѣ мы чувствуемъ себя какъ-бы у себя дома; вездѣ встрѣчаемъ знакомое, родное; вездѣ видимъ и осязаемъ русскую обстановку, русскіе обычаи, русскій духъ, русскую природу. Крыловъ завѣщалъ намъ въ своихъ басняхъ сокровище истинно-русской жизни.

Братіе-соотечественники! Договаривать ли, что̀ еще завѣщалъ намъ нашъ безсмертный баснописецъ? Онъ завѣщалъ намъ быть Русскими вполнѣ, какимъ былъ самъ до глубины своего существа; онъ завѣщалъ намъ любовь, искреннюю, безграничную любовь ко всему отечественному: къ нашему родному слову, къ нашей родной странѣ и ко всѣмъ кореннымъ началамъ нашей народной жизни. Безъ такой любви онъ могъ, конечно, сдѣлаться великимъ баснописцемъ по своему таланту; но никогда не сдѣ-

лался бы баснописцемъ всецѣло русскимъ, никогда не собралъ бы для насъ, не оставилъ бы намъ такихъ сокровищъ, какія оставилъ. Да воодушевляетъ же эта святая любовь и всѣхъ насъ въ нашихъ стремленіяхъ и трудахъ на жизненномъ пути и да поможетъ онъ каждому изъ насъ принесть дорогой отчизнѣ ту долю пользы, какую мы въ состояніи принесть по роду и мѣрѣ силъ и талантовъ, дарованныхъ намъ отъ Бога.

Къ вамъ особенно, юное поколѣніе роднаго края, къ вамъ простирается завѣтъ человѣка, котораго вы не безъ основанія прозвали своимъ дѣдушкой. По его баснямъ вы начали изучать русское слово, въ его басняхъ встрѣтили первые уроки русской мудрости, изъ его басенъ незамѣтно начали напитываться русскимъ духомъ. О, не останавливайтесь же на этихъ первыхъ урокахъ, продолжайте утверждать и возращать въ себѣ болѣе и болѣе столь естественное всѣмъ чувство любви къ отечеству. Русскими создалъ насъ Богъ; въ Россіи, а не въ иной странѣ, судилъ намъ родиться, и далъ намъ русское слово, русскую душу: нашъ долгъ исполнить эту волю о насъ Творца, не измѣнять нашей природѣ, нашему призванію. Развивайте ваши молодыя силы и способности, воспитывайте и укрѣпляйте ихъ во всемъ истинномъ, добромъ и прекрасномъ; обогащайте себя всякими разнородными познаніями, откуда бы они ни приходили; старайтесь усвоить себѣ всѣ плоды обще-европейскаго, обще-человѣческаго образованія. Но зачѣмъ? Затѣмъ, — помните, — затѣмъ, чтобы все это добро, вами пріобрѣтенное, принесть въ жертву ей — вашей родной матери, Россіи. Аминь.

139

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ЧТЕНІЯМЪ О КРЫЛОВѢ.

141

ПИРОГЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

И. А. КРЫЛОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г-нъ Вспышкинъ.
Г-жа Ужима, жена его.
Г-жа Прелеста, дочь ихъ.
Г-нъ Милонъ, любовникъ ея.
Г-нъ Фатюевъ, женихъ Прелесты.
Даша, горничная Прелесты.
Ванька, слуга Фатюева.
Потапъ, крестьянинъ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА Г. КЕПЕВИЧА.

Предлагаемая здѣсь пьеса Крылова считалась его біографами потерянною, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими произведеніями безпечнаго баснописца. Въ 1861 году *Библіографическія Записки* объявили (стр. 673), что эта пьеса находится въ библіотекѣ Александринскаго театра. По этому указанію я обратился къ служащему при театральной дирекціи П. С. Оедорову съ просьбою справиться, справедливо ли заявленіе *Библіографическихъ Записокъ*. Такъ какъ эту комедію самъ авторъ и его наслѣдники почитали погибшею, и такъ какъ вслѣдствіе того она не составляетъ теперь ничьей собственности, то П. С. Оедоровъ нашелъ возможнымъ доставить мнѣ копію съ нея, за что поставляю своею обязанностью принести ему душевную благодарность.

Комедія Крылова *Пирогъ* написана, вѣроятно, въ 1802 году и была представлена на сценѣ три раза, какъ видно изъ надписи, сдѣланной на рукописи: «въ первый разъ представлена въ Петербургѣ 26 іюля 1802 г., потомъ въ Москвѣ, въ пользу Сандунова, 1804 года 25 января, и за тѣмъ 10 іюля 1805 года снова въ Петербургѣ.»* Ее нельзя причислить къ разряду такихъ художественныхъ произведеній, которыя могутъ почитаться украшеніемъ и обогащеніемъ литературы, подобно его *Почтъ Духовъ* и баснямъ; она, можетъ быть, не возбудитъ интереса въ читателѣ, ищущемъ непосредственнаго удовольствія и развлеченія; — но историкъ лите-

* Покойный Лобановъ въ біографіи Крылова (стр. 16) говоритъ, что эту комедію играли также въ домѣ Оленина. Содержаніе пьесы, въ самыхъ общихъ чертахъ, онъ передаетъ довольно вѣрно и считаетъ возможнымъ, что она со временемъ отыщется.

ратуры найдетъ въ ней двоякій интересъ. Во первыхъ, она свидѣтельствуетъ о весьма замѣтномъ поворотѣ въ литературномъ направленіи Крылова: какъ извѣстно, онъ началъ свою дѣятельность безусловнымъ подражаніемъ французскимъ драматическимъ писателямъ; здѣсь же онъ въ лицѣ Ужимы осмѣиваетъ результатъ такого подражанія, произведшаго ультра-сентиментализмъ, который, пріобрѣтя господство въ литературѣ, по необходимости отразился и въ обществѣ. Во вторыхъ, она дастъ понять, какъ трудно даже такому самостоятельному таланту, какъ Крыловъ, отдѣлаться отъ литературныхъ преданій и какъ форма литературнаго произведенія, порабощенная этими преданіями, можетъ противорѣчить его основной идеѣ.

Должно однакожъ замѣтить, что комедія не лишена драматическаго движенія и заключаетъ въ себѣ два комическіе мотива, которыми не пренебрегъ даже Гоголь, развившій ихъ, конечно, съ гораздо большею силою и искусствомъ. Эти два мотива — чтеніе письма Фатюева и слѣдующій за нимъ разговоръ Вспышкина съ Ванькою (IX явл.).

Къ числу достоинствъ комедіи *Пирогъ* должно отнести то, что языкъ ея повсюду вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру и положенію дѣйствующихъ лицъ, кромѣ развѣ того небольшаго отрывка, гдѣ слуги характеризуютъ своихъ господъ.

октябрь 1868 г.

ПИРОГЪ.

КОМЕДІЯ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

Ванька входитъ, неся въ салфеткѣ Пирогъ, потомъ Мужикъ.

ВАНЬКА.

Тфу пропасть, всѣ руки обломило! — Версты четыре отъ города тащилъ на себѣ цѣлый возъ; да еще куда ли пришелъ? Кажется, туда. — На четвертой верстѣ по большой дорогѣ вправо противъ сельца князя Вѣнецкаго. А не худо бы спросить у кого... Ба! да вонъ мужикъ рубитъ дрова. Допытаюсь у него хорошенько. Эй, мужичокъ! мужичокъ!

МУЖИКЪ.

Што-сте, боляринъ?

ВАНЬКА.

Чья это деревня?

МУЖИКЪ.

Што-мылъ? Чья деревня-то? Барская.

ВАНЬКА.

Да какого барина?

МУЖИКЪ.

Какого-мылъ барина-то? Князя Вѣнецкаго.

ВАНЬКА.

Такъ точно. — Вѣдь это мѣсто называется безрыбные пруды?

МУЖИКЪ.

Безрыбные пруды, мылъ? Это-сте.

ВАНЬКА.

Не пріѣзжали ли сюда господа: двое мущинъ да три женщины?

МУЖИКЪ.

Не пріѣзжали-ли-мылъ? Давно бродятъ по лѣсу.

ВАНЬКА.

Да подойди сюда, скажи мнѣ толковитѣе.

МУЖИКЪ.

Толковитѣе-мылъ? — Прощай, боляринъ, мнѣ неколи.

ВАНЬКА.

Ушелъ. Экая деревенщина! Однако я увѣренъ, что отыскалъ мѣсто. Баринъ мой очень будетъ доволенъ *(развязываетъ пирогъ)*. Ну, да будущему нашему тестю, тещинькѣ и дочкѣ ужъ будетъ надъ чѣмъ позабавиться. — Экой пирогъ! Какъ городъ. Завтракъ будетъ — хоть куда. Нечего грѣха таить, я и самъ люблю такое гуляньe, гдѣ бы попить, да поѣсть. И для того-то всегда любимая моя прогулка по обжорному рынку. Ну, да пирогъ! Кабы да не страшно, такъ бы поразвѣдался съ нимъ слегка, а то, право, досадно. Господамъ будетъ около него маслянница, а мнѣ, стоя за ними, великій постъ. Я же сильно проголодался. Ну, ну, право, такъ на меня и смотритъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Даша и Ванька.

ДАША.

Ба! Иванъ, ты здѣсь? Что ты тутъ дѣлаешъ?

ВАНЬКА.

Здорово, Дашенька! Да вотъ пришесъ пирогъ твоимъ господамъ. Вѣдь ты знаешь, баринъ мой звалъ вашихъ сюда на завтракъ.

ДАША.

Ну да! мы за тѣмъ и выѣхали. Господа давно ужъ гуляютъ.

ВАНЬКА.

Да кто съ вами?

ДАША.

Старые господа, барышня и бѣдный Милонъ, который не можетъ отъ насъ отстать, хотя потерялъ всю надежду жениться на барышнѣ.

ВАНЬКА.

Куда ему за нами! Мы и не такихъ соперниковъ съ рукъ сживали. Нѣтъ! да посмотритка, Дашенька, каковъ пирогъ, — прямо женіховскій.

ДАША.

То правда: какъ городъ.

ВАНЬКА.

Ну, такъ бы и взялъ его приступомъ. Право бы взялъ, Дашенька, какъ бы не боялся, что баринъ подоспѣетъ съ синкурсомъ.

ДАША.

Какой пріятный запахъ! какая корка!

ВАНЬКА.

Ахъ! я ужъ давно въ него всматриваюсь. Я ужъ, Дашенька, три дня ѣлъ, право, одинъ хлѣбъ. У моего барина такая привычка, что какъ онъ изволитъ покушать, то думаетъ, что весь свѣтъ сытъ. И вотъ ужъ мѣсяца два не получалъ я моихъ столовыхъ.

ДАША.

Бѣдненькій! — Да не можемъ ли мы, Иванъ, пирожка то немножко отвѣдать? Вѣдь господа то еще часа два ходить будутъ.

ВАНЬКА.

Хорошо-бы, Дашенька, да.....

ДАША.

Да что жъ? Небось, совѣсть не велитъ?..

ВАНЬКА.

То нѣтъ! — Совѣсть бы мнѣ позволила, да спина запрещаетъ. Она у меня щекотливѣе всякой совѣсти.

ДАША.

Положись на меня. Мы же пить не жадимся; вынемъ по кусочку да и полно.

ВАНЬКА.

Да, да! Только какъ мы прорѣху-то заклеимъ?

ДАША.

Молчи, ея и не увидятъ.

ВАНЬКА.

Посмотримъ твоихъ плутней.

ДАША.

Дѣлай только, что я велю. — Сложи вчетверо салфетки двѣ.

ВАНЬКА.

Ну.

ДАША.

Положи ихъ на тарелку.

ВАНЬКА.

Ну.

ДАША.

Нѣтъ, это еще жестко. Подложи еще салфетки двѣ.

ВАНЬКА.

Ну.

ДАША.

Опрокинь теперь на нихъ пирогъ вверхъ дномъ.

ВАНЬКА.

Ну!

ДАША.

Вырѣжъ же маленькую дырочку на днѣ.

ВАНЬКА.

Ну, ну, ну!

ДАША.

Ну, теперь и вышимай оттоль что попадется.

ВАНЬКА.

А, а! догадался! Да ты бѣсъ на выдумки! Я и самъ не промахъ, а мнѣ бы ввѣкъ этого въ голову не пришло. Подсядемъ же мы къ пирожку-то чишехонько.

(Садятся и начинаютъ ѣсть.)

ДАША.

Ну, видишь ли, что этого никто не узнаетъ?

ВАНЬКА.

Ни во сто лѣтъ! — Скушай же эту ножку.

ДАША.

Такъ во рту и таетъ! Признайся, что господамъ не житье, а рай.

ВАНЬКА.

Да, особливо когда у нихъ такіе вѣрные слуги. Ну, да пирогъ! Кабы можно, такъ бы сквозь маленькую эту дырочку я самъ туда влѣзъ.

ДАША.

Да, да, а ужъ въ немъ скоро будетъ большой просторъ.

ВАНЬКА.

Ничего, ничего. Вѣдь можно сказать, что начинка отъ дороги осѣла. — Только, Даша, знаешь что?

ДАША.

Ну, что? — Какое вкусное крылышко!

ВАНЬКА.

Я сколько видалъ, что господа какъ сядутъ кушать, такъ они дѣло или не дѣло, только все говорятъ, а мы съ тобой такъ напустились на пирогъ, что и поговорить некогда.

ДАША.

Ну, ну, да говори, я готова слушать. Ахъ! Это головка.

ВАНЬКА.

Нѣтъ, мнѣ въ тысячу разъ пріятнѣе, когда ты говоришь. У тебя такой хорошенькій голосокъ. Поговоритка ты что нибудь, такъ и мнѣ будетъ веселѣе, да и пирогу-та не такъ будетъ накладно. Смотритка, мнѣ цѣлая птичка попалась.

ДАША.

Да гдѣ жъ твой баринъ?

ВАНЬКА.

Къ завтраку сюда будетъ. Ну скажи же, Дашенька, когда твоя барышня выдетъ за моего барина? — Да съѣсть вотъ эту ножку.

ДАША.

Мнѣ бы очень не хотѣлось, чтобъ эта свадьба сдѣлалась; бѣдная барышня любитъ Милона, а при томъ же, между нами сказать, баринъ твой вѣдь очень плохъ. И ума въ немъ, меньше, меньше.....

ВАНЬКА.

Ну, меньше чѣмъ осталось начинки въ этомъ пирогѣ. Я согласенъ, Дашенька; да что намъ въ барскомъ умѣ? — Чѣмъ господа глупѣе, тѣмъ слугамъ прибыльнѣе. Это моя пословица— кушай же, кушай на здоровье.

ДАША.

То нечего грѣха таить, а моихъ господъ, выключая барышню, изъ десяти дураковъ не выкинешь: старикъ бѣшенъ, вспыльчивъ и вѣтренъ, какъ пятнадцатилѣтній мальчикъ; старушка притворная скромница, которая сошла съ ума на романахъ и на пѣсенкахъ; въ людяхъ она ангель, а дома отъ нея никому покоя нѣтъ. Да нѣтъ ли у тебя ложки?

ВАНЬКА.

Какъ нѣтъ? со мною четыре прибора. Посуди-ка, душенька, что я, какъ оселъ, все это на себѣ тащилъ.

ДАША.

Видишь ли каково хорошо имѣть добраго товарища. Теперь мы грузъ пополамъ раздѣлили.

ВАНЬКА.

Ну, братъ, Даша, да въ пирогѣ-то хоть садъ сади. Чистехонько. Что это мы надѣлали?

ДАША.

Ужъ я и сама замѣтила, да что дѣлать.

ВАНЬКА.

Эй, эй, бѣды! Вотъ какъ мы съ тобой заговорились. Ну не миновать мнѣ палокъ. Воля твоя, Даша, я скажу, что и ты тутъ же виновата.

ДАША.

Куды уменъ! Развѣ спинѣ твоей будетъ легче, коли мнѣ пощочины достанутся? Лучше постарайся какъ нибудь вывернуться.

ВАНЬКА.

Вывернуться, вывернуться! Да развѣ туда сѣна набить, что-ли? О проклятая жадность! Дуракъ я, что тебя послушалъ. Даша, ты меня, какъ Евва Адама, соблазнила.

ДАША.

Ну, да кто виноватъ? вѣдь ты хотѣлъ съѣсть одну ножку, а вмѣсто того жралъ за десятерыхъ.

ВАНЬКА.

Ну, не знаю, Даша, однако жъ, у кого больше костей. Улика-то передъ тобою.

ДАША.

Вотъ еще! ты-бы своихъ то оглодковъ больше на мою сторону откладывалъ. Да что и говорить: съ дуракомъ свяжись, такъ самъ дуракъ будешь. Лучше уйти.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАНЬКА.

(Одинъ.)

Неблагодарная! — Сама же меня уговорила; — для нея я спины своей не послушался, а послѣ меня же разбранила да и была такова. О свѣтъ! О женщины! — Вотъ корми людей пирогами, ты жъ будешь у нихъ въ дуракахъ! — Ну, хорошъ я! Пирожокъ-то выпотрошилъ порядочно и сердце слышитъ, что моей спинѣ не миновать отеческихъ увѣщаній. — Однако, что дѣлать? — Скорѣй, скорѣй поставимъ пирогъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало! — А тамъ, что будетъ, то будетъ. Еслибъ мнѣ удалось его отселѣ выжить и протурить назадъ въ городъ, то бъ еще какъ нибудь бѣду можно было поправить. Хоть бы ужъ та отрада, что бы я цѣлый день не битый ходилъ. — А къ вечеру, такъ и быть! Пусть поколотятъ. Крѣпче усну.

(Устанавливаетъ пирогъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ванька и Фатюевъ.

ФАТЮЕВЪ.

(За театромъ.)

Джоке! проводи немножко лошадей. Прекрасный карикль! Лишь женюсь, заплачу каретнику..... Ванька! здѣсь ли они?

ВАНЬКА.

(Въ половину вслушиваясь.)

Цѣлёшенекъ, сударь!

ФАТЮЕВЪ.

Дуракъ! Я спрашиваю о Вспышкиныхъ.

ВАНЬКА.

(Хочетъ идти.)

Слушаю, сударь!

ФАТЮЕВЪ.

Ты пль пьянъ, пль сочиняешь! Я тебя спрашиваю, скотина, здѣсь ли Вспышкины?

ВАНЬКА.

Виноватъ! Здѣсь, сударь!.. Какъ бы его спровадить!

ФАТЮЕВЪ.

Видѣли ли они?

ВАНЬКА.

Что? — Пирогъ, сударь? — Нѣтъ, я еще имъ не показывалъ.

ФАТЮЕВЪ.

Все врешь! Видѣли ли они, какъ я ѣхалъ въ каршклѣ? Во всемъ городѣ такого нѣтъ.

ВАНЬКА.

Што, сударь, я боюсь, что онъ не допеченъ.

ФАТЮЕВЪ.

Мой каршкль, скотина!

ВАНЬКА.

Нѣтъ, сударь, пирогъ! Что-то очень тяжелъ. Досадно, если завтракъ не удастся, а особливо когда вы тутъ будете сами.

ФАТЮЕВЪ.

Какъ это можно! Покажитко мнѣ его *(берет пирог.)* — Да онъ легокъ какъ перо.

ВАНЬКА.

Что вы, сударь, изволили сказать объ каршклѣ?

ФАТЮЕВЪ.

Что эдакого во всемъ городѣ нѣтъ. Дай-ко ножикъ, я взрѣжу.

ВАНЬКА.

Ну, сударь, хорошъ каршкль. Да и парочка не худа: картина, сударь, какъ вы ѣдете.

ФАТЮЕВЪ.

Я думаю! — Ножикъ, — я взрѣжу немножко.

ВАНЬКА.

На гуляньи такъ съ васъ глазъ не спускаютъ.

ФАТЮЕВЪ.

Ха, ха, ха! Да видѣли они, какъ я сюда ѣхалъ? Кой чортъ, пирогъ легокъ, какъ перо.

ВАНЬКА.

Что, сударь, если бъ вы проѣхали передъ ними. Вонъ они тамъ ходятъ около прудовъ.

ФАТЮЕВЪ.

А что ты думаешь? Пусть они полюбуются. Джокей, карикль! Да кто съ ними?

ВАНЬКА.

Съ ними, сударь? Да вамъ это все равно. Проѣзжайтесь-ка... Умъ растерялъ..... Какъ мнѣ быть? Какъ его спровадить?

ФАТЮЕВЪ.

Конечно, все равно. Я только не люблю, коли есть кто нибудь, кому я долженъ.

ВАНЬКА.

Славно, голубчикъ! Самъ въ ротъ влѣзъ. — Съ ними, сударь, Грубининъ.

ФАТЮЕВЪ.

Какъ Грубининъ? Чортъ его возьми! Его-то мнѣ меньше всѣхъ видѣть хочется. Онъ мучитъ меня, какъ демонъ, изъ 2000 рублей, которые долженъ я ему по картамъ.

ВАНЬКА.

Да, сударь! Онъ немножко грубоватъ. И въ послѣдній разъ, какъ онъ пріѣзжалъ къ вамъ за деньгами и я ему отказалъ, то онъ мнѣ далъ такую оплеуху... А у меня съ нимъ, кажется, и счетовъ нѣтъ. Да велѣлъ вамъ сказать.....

ФАТЮЕВЪ.

Помню, помню... Да какъ его чортъ принесъ?

ВАНЬКА.

Они здѣсь встрѣтились.

ФАТЮЕВЪ.

Вотъ-те и завтракъ къ чорту! Ванька, я лучше уѣду?

ВАНЬКА.

Напрасно, сударь. Еслибъ вы знали какой прекрасный пирогъ!

ФАТЮЕВЪ.

Дьяволъ тебя побери и съ пирогомъ! Я ни изъ чего не хочу встрѣтиться съ Грубининымъ, а особливо при нихъ.....

ВАНЬКА.

Такъ что же, сударь, въ карцель, да и съ Богомъ. Погода прекрасная.....

ФАТЮЕВЪ.

Да чѣмъ же я извинюсь? — Э! постой! Мнѣ пришла изрядная мысль. Я имъ все твердилъ, что за меня сватаютъ княжну Спафидину. Это подожгло старика, чтобъ меня изъ рукъ не выпустить.

ВАНЬКА.

Знаю, сударь, хотя у княжны Спафидиной этого и въ головѣ не бывало.

ФАТЮЕВЪ.

Все равно! Я отпишу, что будто сію минуту присылалъ за мной по этому сватовству мой дядя и что я ѣду рѣшительно отказать.

ВАНЬКА.

Прекрасно!

ФАТЮЕВЪ.

Начнись же — ты будешь мнѣ вмѣсто письменнаго стола.

ВАНЬКА.

О, если бъ моя спина только тѣмъ отдѣлалась. *(Фатюевъ задумывается.)* Что жъ вы не пишите, сударь?

ФАТЮЕВЪ.

Послушай — да посмотри тка, не уѣхалъ ли Грубининъ.

ВАНЬКА.

Нѣтъ, сударь, нѣтъ! — Я слышалъ, какъ они его упяли остаться завтракать съ ними.

ФАТЮЕВЪ.

(Стукнувъ по спинѣ.)

Чортъ бы его взялъ!

ВАНЬКА.

О сударь!

ФАТЮЕВЪ.

Виноватъ! Этотъ Грубининъ меня вовсе разстроилъ.

ВАНЬКА.

Пишите, сударь, пишите; а то они могутъ сюда вернуться, и тогда ужъ поздно.

ФАТЮЕВЪ.

Хочется мнѣ, чтобъ и письмо имъ порасцвѣтить. — Да! да! прекрасная мысль!

ВАНЬКА.

Скорѣе, сударь, я упаду.

ФАТЮЕВЪ.

Кончилъ! — Прекрасно! Я доволенъ, Ванька! Если бъ ты могъ чувствовать, какое у меня пламенное воображеніе.

ВАНЬКА.

Ахъ, сударь, вся спина моя горитъ. — Да поѣзжайте, вонъ, кажется, это они.

ФАТЮЕВЪ.

Гдѣ? гдѣ?

ВАНЬКА.

Вонъ между деревьевъ мелькаютъ — вотъ въ томъ лѣсу. И Грубининъ — вонъ подъ елями.

ФАТЮЕВЪ.

И Грубининъ! Прощай. — Отдай записочку и извини меня... Чтобъ чортъ взялъ этого Грубинина! — Разскажи мнѣ послѣ, довольны ли они будутъ пирогомъ и записочкою.

ЯВЛЕНІЕ V.

ВАНЬКА.

(Одинъ.)

Уфъ! насилу сжилъ его съ рукъ; отъ сердца немножко отошло. Теперь, пока время есть, придумать нельзя ль хотя вполовину бѣды поправить.

ЯВЛЕНІЕ VI.

УЖИМА, ПРЕЛЕСТА, МИЛОНЪ, ДАША И ВАНЬКА.

УЖИМА.

Боже мой! Я чувствую ваше снугаданіе. Ничего нѣтъ мучительнѣе, какъ несчастная любовь; но это не отъ меня зависитъ.

ПРЕЛЕСТА.

Матушка! убѣдите вашими просьбами батюшку.

МИЛОНЪ.

Сдѣлайте наше благополучіе.

УЖИМА.

Ахъ, Боже мой! Вы знаете мою чувствительность; я терзаюсь, глядя на препятствія, которыя судьба полагаетъ взаимной вашей нѣжности. Но мужъ мой совсѣмъ другихъ сентиментовъ: съ нимъ способу нѣтъ сладить.

ВАНЬКА.

Баринъ приказалъ поклониться, прислалъ пирогъ и при томъ письмецо.

УЖИМА.

Какъ онъ милъ! Милонъ, не правда ли, что у насъ будетъ сентиментальный завтракъ, подъ лѣскомъ у ручейка. — Ахъ, еслибъ нѣжный соловей украсилъ его своею гармоніею!

ВАНЬКА.

Не прикажете ли, сударыня, сбѣгать на село къ прикащику — можетъ быть, у него есть въ клѣткѣ; то бъ мы повѣсили на дерево.

МИЛОНЪ.
(Особо.)

Въ такихъ лѣтахъ и такое легкомысліе! Это несносно! *(ей.)* Но скажите, сударыня, уже ли вы съ равнодушіемъ будете смотрѣть на наше несчастіе.

УЖИМА.

Ахъ, Боже мой! Я затерзаюсь, глядя на ваши страданія.

ПРЕЛЕСТА.

И такъ я суждена быть несчастливою.

МИЛОНЪ.

Прощайте же, сударыня.

ПРЕЛЕСТА.

Милонъ, ты оставляешь меня?

ДАША.

Жалко глядѣть на нихъ.

УЖИМА.

Ахъ, нѣтъ, не уходите, не уходите сударь, останьтесь съ нами; послѣ завтрака мы сядемъ гдѣ нибудь въ тѣни развѣсистыя ивы, и я спою въ утѣшеніе вамъ любимую мою пѣсенку: «Я птичкой быть желаю»... Даша! Да здѣсь ли мои пѣсни?

ДАША.

Нѣтъ, сударыня, я не знала.....

УЖИМА.

Это ужасно! ты знаешь, что я безъ нихъ, какъ безъ души; какая ты вѣтренная.

ДАША.

Вы наградите то голосомъ, сударыня, чего не упомните въ словахъ.

УЖИМА.

Это правда, что мой органъ съ нѣкотораго времени сталъ чувствительнѣе и мягче, однако прошу впередъ быть памятливѣе.

ПРЕЛЕСТА.

Я страдаю!

МИЛОНЪ.

Я въ отчаяніи!

УЖИМА.

И я терзаюсь съ вами; выслушайте; теперь очень къ стати будетъ эта пѣсенка: мы всѣ въ прекрасномъ расположеніи для сентиментальной музыки.

(Начинаетъ пѣть.)

Я птичкой быть желаю,
Вездѣ чтобы лѣт.....

ЯВЛЕНІЕ VII.

Вспышкинъ и тѣже.

ВСПЫШКИНЪ.

(Говоритъ за кулисами.)

Ну слышишь-ли, чтобъ тамъ дожидались и чтобы все было готово — это прекрасно вздумано.

УЖИМА.

Что такое жизнь моя?

ВСПЫШКИНЪ.

Такъ, такъ! Это будетъ безподобно. — Жена! мнѣ надобно поговорить съ тобою.

УЖИМА.

Боже мой! какъ это слово деретъ уши! — Отвыкнешь ли ты отъ него, душа моя.

ВСПЫШКИНЪ.

Вотъ въ пору хватилась! Кажется, ужъ тридцать лѣтъ, какъ это слово ты отъ меня слышишь, и мнѣ трудно на старости отъ него отвыкать.

УЖИМА.

Если тридцать лѣтъ кто дѣлалъ дурачество, похвально на тридцать первомъ его оставить.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, ну, добро! Что за бездѣлицу сердиться! Послушай же, Маланья Сысоевна!

УЖИМА.

Ай, какое варварство! — Да зовите меня просто Малашей, сударь. — Посмотрите, я вамъ во всѣхъ романахъ покажу.

ВСПЫШКИНЪ.

Да вѣдь мы съ тобою не романъ! Оставь же пустяки-то; мнѣ надобно тебѣ дѣло сказать. Прелеста и ты Милонъ, прогуляйтесь съ полминуточки съ Даней и приходите скорѣе назадъ. *(Ивану.)* Ба! и ты здѣсь?

ВАНЬКА.

Баринъ, сударь, приказалъ свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и прислалъ пирогъ.

ВСПЫШКИНЪ.

О, я ему этотъ пирогъ заплачу доброю монетою; онъ не будетъ о немъ сожалѣть. Пройдись, дружокъ, и ты за дочерью.

ВАНЬКА.

Вотъ письмецо.

ВСПЫШКИНЪ.

Хорошо, хорошо, содержаніе угадать не мудрено; только мнѣ теперь прочесть его некогда; ужо послѣ и ты съ ними воротись.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Вспышкинъ и Ужима.

ВСПЫШКИНЪ.

Послушай-ко меня: вѣдь надобно признаться, что Фатюевъ всѣ мѣры прилагаетъ намъ угодить, и онъ давно стоитъ счастья, которое мы ему обѣщали, т. е., что-бъ выдать за него нашу дочь. Да что ты наморщилась?

УЖИМА.

Это ужасно, сударь, что вся моя страсть и всѣ мои ласки не могутъ васъ привесть къ тому, чтобы вы нѣжнѣе со мною обходились. Еслибъ вы знали, какъ я чувствительна!

ВСПЫШКИНЪ.

Тфу, пропасть! да что же я тебѣ сдѣлалъ? Я, кажется, ни руки ни ноги тебѣ не переломилъ.

УЖИМА.

Ахъ! Это бы мнѣ сноснѣе было, нежели грубыя ваши обхожденія.

ВСПЫШКИНЪ.

Грубыя! грубыя! Кажется, намъ пора перестать чиниться. Вѣдь ты ужъ чуть не бабушка.

УЖИМА.

Сносно ли это! Вы это можете, сударь, свои годы, а мои...

ВСПЫШКИНЪ.

Ну и у твоихъ итогъ будетъ изряденъ — тридцать лѣтъ какъ ты за мною.

УЖИМА.

Ахъ! я вышла за васъ еще ребенкомъ — дѣвочкою.....

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, не стыдно ли тебѣ такъ лгать, жена. Изъ дѣвочекъ тогда ты давно вышла. Тебѣ же и тогда было за двадцать.

УЖИМА.

Ахъ! какое ругательство! Спирту, спирту! я умру съ досады!

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, ну, миръ, ангелъ мой! что за бездѣлицу умирать? Мнѣ, право, надобно дѣло тебѣ говорить.

УЖИМА.

Дѣло, дѣло, сударь? А я такъ думала, сударь, что, пріѣхавши сюда за городъ, мы будемъ наслаждаться пріятнымъ возду-

хомъ; что мы гдѣ нибудь сядемъ у ручейка; что вы станете цѣловать мои руки, а я буду отвѣчать на ваши нѣжности умильными взорами.

ВСПЫШКИНЪ.

(Передразнивая.)

Умильными взорами. — Экая тебѣ на старости въ голову дичь лѣзетъ! А это все твои романы. Я давно зналъ, что ты когда нибудь съ ума отъ нихъ сойдешь.

УЖИМА.

Еслибъ вы болѣе ихъ читали, то бы чувствительнѣе обходились съ вашею Малашею. Вы бы научились любить.

ВСПЫШКИНЪ.

Въ мои лѣта этому разучиваются.

УЖИМА.

Ахъ! прекрасная Елена 70-ти лѣтъ была похищена Парисомъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Да оставимъ ли мы весь этотъ вздоръ? Я съ часъ сбираюсь говорить тебѣ объ дѣлѣ, а ты съ своими сладостями не даешь мнѣ слова вымолвить.

УЖИМА.

Говорите, сударь! вы знаете, что я слова ваши ставлю закономъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, въ добрый часъ. Слушай же, что я вздумалъ: видишь ли ты вонъ эту церковь?

УЖИМА.

Въ тѣни пальмовыхъ и кипарисныхъ деревъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, просто у березовой рощи... да что до этого за нужда? — А вотъ въ чемъ дѣло: я приготовилъ тамъ попа, и какъ Фатюевъ пріѣдетъ, то мы тотчасъ его обвѣнчаемъ.

УЖИМА.

Ахъ, какая мысль!

ВСПЫШКИНЪ.

Да, да, мысль самая умная! Мы съ нимъ вчера бились, кто изъ насъ другъ другу болѣе удружитъ. Онъ мнѣ присылаетъ на гулянье пирогъ, а я отплачу ему дочерью. Притомъ же сказать, шутка шуткой, а дѣло дѣломъ: я не люблю тѣхъ пышныхъ свадьбъ, на которыхъ въ нѣсколько дней сколько денегъ издерживаютъ, что послѣ въ годъ не поправишься; и такъ видишь-ли, что это избавитъ насъ отъ большихъ издержекъ. Ну, скажи теперь, согласилась ли ты на это?

УЖИМА.

Мысль въ самомъ дѣлѣ романическая, и мнѣ нравится; да бѣдный Милонъ. Онъ мнѣ, право, жалокъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, ну, ты сама умная голова, и знаешь, что въ романѣ безъ несчастнаго любовника не бываетъ. А то кому жъ бы было пѣть жалобныя пѣсенки и наполнять лѣса и долины именемъ своей любовницы? Эта роль достанется Милону, тѣмъ болѣе, что онъ человѣкъ не богатый, а играть ее не дорого стоитъ.

УЖИМА.

Ну, такъ хорошо, мой ангелъ, будь воля твоя; только Милона надобно неотмѣнно удержать. Я очень люблю утѣшать несчастныхъ любовниковъ; мы станемъ читать съ нимъ вмѣстѣ элегіи, гдѣ бы, была ночь, луна, звѣзды и блестящая слеза... Ахъ! я воображаю, что мы съ нимъ зачувствуемся!

ВСПЫШКИНЪ.

Стало, дѣло и слажено. Да вонъ и они подходятъ. Эй, дочь! Милонъ! подите сюда.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прелеста, Милонъ, Даша, Ванька и тѣже.

ВСПЫШКИНЪ.

Подитетко, подите, ребятушки! Теперь то мы плотно прибе-ремся къ пирожку. Признаюсь, что меня голодъ очень разби-растъ... Ба! это что?

ВАНЬКА.

Да я, сударь, выпросилъ у прикащика этой деревеньки изъ барскаго дома столъ и стулья для васъ.

УЖИМА.

Ахъ, Боже мой! все испорчено: я думала, что мы просто на лужку.

ВСПЫШКИНЪ.

Мнѣ гораздо пріятнѣе ѣсть, сидя за столомъ на стулѣ, нежели по-турецки на полу и сложа калачикомъ ноги.

УЖИМА.

По крайней мѣрѣ, нельзя-ли столъ поставить возлѣ какого нибудь дерева, у чистаго источника.

ВСПЫШКИНЪ.

Пустое, пустое, мы и здѣсь поѣдимъ. — Ставь скорѣе.

(Ванька ставитъ.)

ДАША.

(Тихо Ваньк.)

Сборы велики, каковъ то вкусенъ будетъ завтракъ.

ВАНЬКА.

Ужъ не говори, Дашенька, сердце у меня такъ ходенемъ и ходитъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, да пирогъ! — Прелестушка, мой свѣтъ! Ты у меня всегда была послушная дочь, такъ вѣрно не откажешь ты за этотъ прекрасный пирогъ заплатить такою монетою, какую я у тебя потребую.

ПРЕЛЕСТА.

Батюшка!

МИЛОНЪ.

Что я слышу!

УЖИМА.

Какъ чувствительна! Она вся въ меня. — Прелестушка, другъ мой, съ тобою ли Флоріанъ?

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, да еще объ этомъ послѣ пирога; а теперь я голоденъ, какъ собака. Вѣдь вы пріѣхали сюда въ каретѣ, а я на старости протрясся пѣшкомъ, за то и пирогъ мнѣ покажется вкуснѣе вчетверо, чѣмъ вамъ. Ну, ну, садитесь же! Ну пирогъ! Да, кто его дѣлалъ?

ВАНЬКА.

Фрипоно, сударь, французъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Знаю, знаю! О, да пирогомъ шутить нечего! Ножикъ скорѣй, скорѣй... Какъ хорошо имѣть услужливаго пріятеля! За то и мы, Прелестушка, докажемъ, что мы умѣемъ чувствовать и награждать услуги.

УЖИМА.

Ахъ! умѣть чувствовать — рѣдкій даръ чувствительныхъ сердецъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Полно, Милонъ, грустить. — Не порть нашего пирога, ты намъ будешь всегда пріятелемъ. Человѣкъ ты честный и хорошій; но согласишься, что дочери моей ты не пара. У тебя ничего нѣтъ. Однакожъ молчи. Мы дѣло поправимъ. У меня есть на примѣтѣ племянница, дѣвушка хорошая, душъ двѣсти приданаго. Я даю слово тебя на ней женить.

МИЛОНЪ.

Ахъ! кто можетъ замѣнить мнѣ Прелесту?

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, ну, неужели ты думаешь, что всѣ дѣвушки выходятъ за

мужъ, а мущины женятся по своему выбору? Пустое, мой другъ! На двѣсти паръ трехъ такихъ не выберешь. Вѣдь ты знаешь пословицу: любовью сытъ не будешь... Да оставь это и разъѣдимъ весело нашъ пирогъ... Ну, наточилъ же я ножикъ! Какъ бритва.

УЖИМА.

Какое каменное сердце! — Ахъ, это отъ того, что онъ не читалъ ни эклогъ, ни идилій.

ВСПЫШКИНЪ.

(Взрѣзывая пирогъ.)

Иванъ! пирогъ вѣрно съ куропатками.

ВАНЬКА.

Думаю, сударь. — *(Тихо Дашѣ.)* Даша, у тебя вкусъ тонѣе, — съ чѣмъ онъ былъ?

ДАША.

(Тихо Ванькѣ.)

И мы ихъ за простыхъ куръ съѣли.

ВСПЫШКИНЪ.

(Снимая корку.)

Что за дьявольщина! Я думаю, я ослѣпъ! *(Роетъ въ пирогѣ.)* Кой чортъ! Жена! поглядитка ты!

УЖИМА.

Ахъ, какое варварство! Жена! все жена! Да куда, сударь?

ВСПЫШКИНЪ.

Вотъ прекрасно! Да въ пирогъ-то, дурища.

УЖИМА.

(Заглядываетъ въ пирогъ.)

Ахъ! да въ немъ пусто, какъ въ Трофоніевой пещерѣ, Прелестушка! — Посмотрика, жизнь моя.

ПРЕЛЕСТА.

(Заглядываетъ въ пирогъ.)

Этотъ завтракъ не испортитъ обѣда.

ВСПЫШКИНЪ.

Нѣтъ, чортъ меня возьми, если это шутка, такъ она самая глупая! Милонъ, поглядика сюда.

МИЛОНЪ.

Фатюевъ мастеръ угощать.

ВСПЫШКИНЪ.

Ванька.....

ВАНЬКА.

Ну, пропалъ я!.. Чего изволите, сударь?

ВСПЫШКИНЪ.

Что это значитъ?

ВАНЬКА.

А что, сударь?

ВСПЫШКИНЪ.

Да поглядитко въ пирогъ.

ДАША.

Ахъ, да онъ пустешенекъ!

ВАНЬКА.

Смотри, какая диковинка!

ВСПЫШКИНЪ.

Да съ ума что ль сошелъ твой баринъ? Выманилъ насъ за городъ съ тѣмъ, чтобъ морить съ голоду. Мы для этого проклятаго пирога дома не завтракали.

УЖИМА.

Это самая глупая насмѣшка. Я ему никогда не прощу этого.

ВСПЫШКИНЪ.

Чортъ меня возьми! Да я радъ съ нимъ за это подраться. Такъ глупо поступать съ нареченнымъ своимъ тестемъ.

УЖИМА.

Этого поступка ни въ какомъ романѣ не отыщешь.

ВСПЫШКИНЪ.

Безподобный завтракъ! — Хорошо, хорошо! Мы расплатимся. — Молчи же, онъ повѣса проклятый! Когда уже къ лѣтамъ не имѣетъ почтенія...

УЖИМА.

Такъ поступать съ дамами! —

ВСПЫШКИНЪ.

Не растолкуемъ ли мы эту глупую шутку изъ его письма. Да ты несъ этотъ пирогъ?

ВАНЬКА.

Я, сударь, и берегъ его, какъ глазъ! —

ВСПЫШКИНЪ.

Подайко письмо. — Что это? Не подписано, не запечатано! Грубіянъ! *(развертываетъ)* И карандашомъ! Хорошо, зятюшка! Когда еще въ женихахъ не наблюдаетъ ко мнѣ почтенія... Да гдѣ жъ начало?

ВАНЬКА.

Тутъ, сударь!

ВСПЫШКИНЪ.

«Извините, что я не могу»... Видано ли это? Эдакъ можно начинать къ своему портному, или сапожнику: «Извините, что я не могу»!.. Гдѣ жъ «милостивый государь», или «милостивый государь мой?» ужъ бы хоть: «государь мой!» изволилъ поставить. «Извините, что я не могу!» Какъ это глупо сказано! Како глупый слогъ! — Читай, жена. Чего онъ не можетъ?

УЖИМА.

«Извините, что я не могу разъѣсть съ Вами — пирога»... Разъѣсть пирога! — Какія низкія выраженія! «Божусь, что мнѣ нѣкогда». Вы, я думаю, помните, что моя родня сильно приступаетъ ко мнѣ, чтобъ я женился на княжнѣ Снафидиной. Наконецъ дядя мой въ сію минуту присылалъ за мной по этому сватовству, — и я лечу окончить это дѣло, а какимъ образомъ? — Пирогъ сей вамъ скажетъ это за меня.

ВСПЫШКИНЪ.

О да, это отказъ и самый дурацкій! —

УЖИМА.

Читайте сударь сами; у меня силъ нѣтъ читать такія глупости. Грубіянъ!

ВСПЫШКИНЪ.

«Да, мой пирогъ вамъ скажетъ, что сердце мое также полно любовью къ Прелестѣ, какъ онъ полонъ начинкою». Дерзкій!

ПРЕЛЕСТА.

Теперь, батюшка, вы понимаете его мысли; онъ женится на княжнѣ Снафидиной! Покрайней мѣрѣ мы не стоимъ такихъ насмѣшекъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Дерзкій! — «Кушайте его на здоровье, есть чѣмъ полакомиться! Я самъ его заказывалъ и старался, чтобъ онъ былъ такъ богатъ хорошею начинкою, какъ богатъ умомъ нареченный мой тестюшка»... Негодяй! — На, читай, жена! — моей силы не стало.

УЖИМА.

Какъ богатъ умомъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, уже это слышали! читай далѣе.

УЖИМА.

«Вы увидите въ этой начинкѣ столько же хорошихъ вещей, сколько есть добрыхъ и любезныхъ качествъ въ нареченной моей тещинькѣ»... Ахъ, варваръ! Даша! дочитай письмо! Егобы совсѣмъ не надо было брать въ благородныя руки.

ДАША.

«Словомъ, мой пирогъ будетъ вамъ переводчикомъ моихъ чувствъ. — Прощайте, желаю Прелестѣ всякаго счастія, а я ей не женихъ». — Уже это и мнѣ стало досадно (*разрываетъ письмо въ клочки*) вотъ же ему!

ВСПЫШКИНЪ.

Дѣло, Даша! Онъ стоитъ этого! (*тихо Ужимѣ*). Послушай, жена...

ВАНЬКА.

Не ужъ то это было написано?

ДАША.

Молчи, я отъ себя прибавила.

ВАНЬКА.

Тьфу, ты пропасть! не успѣла въ секретари попасть, какъ ужъ и спутовала.

МИЛОНЪ.

Неслыханная и глупая дерзость!

ВСПЫШКИНЪ.

(*Ваньк*ѣ).

Поди сюда, бездѣльникъ!

ВАНЬКА.

Помилуйте, сударь! Вѣдь вы видите, что я въ этомъ дѣлѣ посторонній.

ДАША.

(*Ваньк*ѣ *тихо*).

Скажи скорѣй, что баринъ твой женился на княгинѣ Снафидиной.

ВАНЬКА.

(*тихо ей*).

Да, чтобы еще болѣе надѣлать бѣдъ!

ВСПЫШКИНЪ.

Я тебѣ говорю: поди сюда!

ДАША.

(*Ваньк*ѣ *тихо*).

Они поссорятся и ввѣкъ не свидятся, а это тебя избавитъ отъ объясненія о пирогѣ.

ВСПЫШКИНЪ.

Скажи, баринъ твой женится на Снафидиной?

ВАНЬКА.

Да, сударь.

ВСПЫШКИНЪ.

Такъ онъ нарочно заказалъ этотъ пирогъ, чтобы намъ отказать?

ВАНЬКА.

Ахъ! да сударь.

ВСПЫШКИНЪ.

Скажи же ему, что онъ дуракъ!

ВАНЬКА.

Дуракъ, сударь.

ВСПЫШКИНЪ.

Мерзавецъ!

ВАНЬКА.

Мерзавецъ, сударь.

ВСПЫШКИНЪ.

Бездѣльникъ!

ВАНЬКА.

Бездѣльникъ, сударь.

ВСПЫШКИНЪ.

И что дочь моя никогда не будетъ имѣть недостатка въ женихахъ.

ВАНЬКА.

Слышу, сударь.

ВСПЫШКИНЪ.

Да чтобъ онъ никогда не показывалъ мнѣ гадкой своей рожи.

ВАНЬКА.

Очень слышу, сударь. (*особо*) То-то намъ и на руку! Остается только налгать барину, такъ и бѣги въ воду.

ВСПЫШКИНЪ.

Бѣшенство меня беретъ. — Да полно, я знаю, какъ ему отомстить. О это прекрасно! Я сей же часъ докажу ему, какъ мало мы объ немъ думаемъ. — Такъ ты согласна жена?

УЖИМА.

Съ Богомъ! —

ЯВЛЕНІЕ X.

ФАТЮЕВЪ И ТѢЖЕ.

ФАТЮЕВЪ.

Ха, ха, ха! ну что? каковъ мой пирогъ? Я надѣюсь, что вы меня извините.

ВСПЫШКИНЪ.

Послушай, негодяй! я тебѣ совѣтую впередъ не казаться мнѣ на глаза, если не хочешь, чтобъ я тебѣ обрубилъ уши.

ФАТЮЕВЪ.

Уши? — Вы шутите.

ВСПЫШКИНЪ.

Дочь, и ты Милонъ, ступайте сейчасъ за мною.

(*уходятъ*).

ФАТЮЕВЪ.

Что это значитъ?

ПРЕЛЕСТА.

Я бы совѣтовала вамъ учиться болѣе различать людей.

(*уходитъ*).

ФАТЮЕВЪ.

Да помилуйте! Милонъ, скажи ты.

МИЛОНЪ.

Я вамъ не совѣтую требовать дальнихъ объясненій, или вы дорого за нихъ заплатите.

(*уходитъ*).

ФАТЮЕВЪ.

Да они всѣ перебѣсились! Скажите, сударыня....

УЖИМА.

Боже мой! Не говорите мнѣ! — Отъ васъ мнѣ спазмы сдѣлаются. У меня такая слабость въ первахъ.

(*уходитъ*).

ФАТЮЕВЪ.

Да я думаю, что я съ ума сойду. — Даша, скажи хоть ты.

ДАША.

Что мнѣ вамъ сказать? Вы великій грубіянъ, вотъ и все тутъ.
(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ФАТЮЕВЪ и ВАНЬКА.

ФАТЮЕВЪ.

Ванька!

ВАНЬКА.

Чего изволите, сударь?

ФАТЮЕВЪ.

Видѣлъ ли ты все?

ВАНЬКА.

Все, сударь, видѣлъ.

ФАТЮЕВЪ.

И слышалъ?

ВАНЬКА.

И слышалъ, сударь.

ФАТЮЕВЪ.

Каково тебѣ это покажется?

ВАНЬКА.

Какъ вамъ, сударь.

ФАТЮЕВЪ.

Какъ мнѣ, какъ мнѣ!... я хочу быть повѣшенъ, если я что нибудь тутъ понимаю. —

ВАНЬКА.

И я бы на вашемъ мѣстѣ не понялъ.

ФАТЮЕВЪ.

Да развѣ пирогъ дуренъ былъ?

ВАНЬКА.

Какъ дуренъ, сударь; я безъ лести могу вамъ сказать, что пирогъ былъ самой изящной.

ФАТЮЕВЪ.

Да что-же? развѣ имъ не понравился? Говори, бездѣльникъ.

ВАНЬКА.

Не понравился, сударь! Какъ не понравился? Вѣдь вы сами изволите видѣть. —

ФАТЮЕВЪ.

Да. Начинки ничего не осталось.

ВАНЬКА.

Дочиста выѣдено, сударь.

ФАТЮЕВЪ.

Свѣжи ли были куропатки?

ВАНЬКА.

Какъ свѣжи-ли сударь? Только что не летали. За то-то ни косточки не осталось.

ФАТЮЕВЪ.

Это правда. Я понять не могу. Да покрайней мѣрѣ, что говорили, какъ ѣли пирогъ?

ВАНЬКА.

Ѣли сударь, да похваливали. А впрочемъ не до разговоровъ было, пирожокъ выпростанъ скорёшенько. —

ФАТЮЕВЪ.

Какая странная безтолковщина! Такъ пирогомъ были довольны?

ВАНЬКА.

Я присягнуть, сударь, готовъ за тѣхъ, кои его ѣли, что они всѣ пальчики обсосали.

ФАТЮЕВЪ.

Покрайней мѣрѣ скажи же мнѣ, бездѣльникъ, отчего все это, началось. Или я отъ тебя толку добьюсь, или кости живой въ тебѣ не оставлю. — Вѣдь ты тутъ былъ?

ВАНЬКА.

Тутъ сударь. Да что мнѣ вамъ сказать? Я также мало по-

ичлъ, какъ вы. Все что я знаю, такъ это то, что пирогъ былъ очень хорошъ.

ФАТЮЕВЪ.

Да письмо ты отдалъ-ли?

ВАНЬКА.

А, а, письмо! Вотъ, сударь, теперь я вспомнилъ! отъ него то и сыръ-боръ загорѣлся.

ФАТЮЕВЪ.

Да оно написано такъ, что они должны были росстаять отъ восхищенія.

ВАНЬКА.

И я такъ думалъ. — Только какъ старикъ сталъ его читать, такъ всѣ они наперекоръ начали васъ честить. Одинъ говорилъ, что вы негодяй; другой что вы глупецъ; третій что вы бездѣльникъ; да я и не вспомню какими именами они васъ честили.

ФАТЮЕВЪ.

Статься нельзя; я отъ письма больше ждалъ успѣховъ, нежели отъ пирога. Но пойду и сей же часъ объяснюсь съ старикомъ.

ВАНЬКА.

И, сударь! плюньте на него. Какъ вамъ хочется съ бѣшеными связываться.

ФАТЮЕВЪ.

Чортъ ихъ возьми; но мнѣ не хочется потерять Прелесты, а еще менѣе ея приданаго.

ВАНЬКА.

Развѣ вы не видите, какъ они васъ подчивали — Киньте ихъ, сударь; вы знаете, сколько красавицъ по васъ вздыхаютъ. Вамъ стоитъ только взглянуть на ту, которой вы счастіе захотите сдѣлать.

ФАТЮЕВЪ.

Это все правда; но Прелеста пригожа и такъ богата, что я едва въ нее не влюбленъ; а пуще всего меня бѣситъ эта непонятность.

ВАНЬКА.

Да вотъ и они подходятъ. Собрать поскорѣй приборы! Пойдемъ-те, сударь; вы свое дѣло сдѣлали; а если завтракъ не понравился, такъ это, право, не ваша вина.

(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

ФАТЮЕВЪ, ВСПЫШКИНЪ, УЖИМА, ПРЕЛЕСТА, МИЛОНЪ и ДАША.

ВСПЫШКИНЪ.

Да, да, пусть онъ увидитъ, какъ весела ты съ нимъ разстаешься.

МИЛОНЪ.

Какое неожиданное благополучіе! Прелеста! Такъ наконецъ ты моя! Ахъ! сударь, вы душу мнѣ возвращаете.

ПРЕЛЕСТА.

Могла ли я думать объ этомъ, и тогда, какъ погибель наша была такъ близка.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, ну, кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ. Будьте счастливы и любите другъ друга. Я радъ, что вышло по пословицѣ: ворона съ мѣста, а соколъ на мѣсто; а я лучше хочу имѣть зятя недостаточнаго, но умнаго и честнаго человѣка, нежели богатаго дурака и негодяя. А! г. Фатюевъ! вы еще здѣсь? Простите меня, что я давича съ вами погорячился.

ФАТЮЕВЪ.

Бездѣлица! Такъ вы больше не гнѣваетесь?

ВСПЫШКИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, и не должно бы было; да вспыльчивость моя тому причиною.

ФАТЮЕВЪ.

Я вѣдь зналъ, что мнѣ стоитъ только съ вами увидѣться, чтобы у насъ сдѣлалась мировая.

ВСПЫШКИНЪ.

Худой миръ лучше доброй брани. Я же теперь въ большой радости.

ФАТЮЕВЪ.

Я радъ прыгать съ вами! Вы знаете, что это моя слабость быть всегда веселу. И Прелеста больше на меня не сердится.

ПРЕЛЕСТА.

Нѣтъ, нѣтъ, я все вамъ прощаю.

ФАТЮЕВЪ.

Какое доброе сердце! А Милонъ?

МИЛОНЪ.

Я не хочу одинъ продолжать ссору, когда всѣ ее кончаютъ.

ФАТЮЕВЪ.

Прекрасно, прекрасно! — А вы, моя прелестная Меланія?

УЖИМА.

Ахъ! Я не въ состояніи долго злиться: у меня сердце такое мягкое.

ФАТЮЕВЪ.

Стало, все идетъ хорошо. (*Даш*) А ты, Даша?

ДАША.

Простите меня, сударь.

ФАТЮЕВЪ.

Такъ никто на меня не золъ. Это очень смѣшно, чтобъ такъ умѣть всѣхъ утѣшить. Ха! ха! ха!

ВСПЫШКИНЪ.

Чрезвычайно забавно! Ха! ха! ха!

ФАТЮЕВЪ.

По чести, это была смѣшная ссора. Ха! ха! ха!

ВСПЫШКИНЪ.

Животики надорвешь, ха! ха! ха! Когда же ваша свадьба?

ФАТЮЕВЪ.

Изъ крайности въ другую, ха! ха! ха! Когда вамъ угодно.

ВСПЫШКИНЪ.

Это совершенно отъ васъ зависитъ.

ФАТЮЕВЪ.

По мнѣ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; такъ ли вы думаете, моя милая Прелеста? Ха! ха! ха!

ПРЕЛЕСТА.

Я не отнимаю отъ васъ воли.

ФАТЮЕВЪ.

Какъ вы милы! ха! ха! ха!

ВСПЫШКИНЪ.

Стало, княжна Спафидина не долго будетъ въ нерѣшимости о своей участи? Ха! ха! ха!

ФАТЮЕВЪ.

Я съ нею кончилъ мастерски, такъ что меня можно поздравить.

ВСПЫШКИНЪ.

Поздравляю, поздравляю.

МИЛОНЪ.

И я васъ поздравляю.

ПРЕЛЕСТА.

И я также.

УЖИМА.

И я отъ всего моего сердца.

ФАТЮЕВЪ.

О, и есть съ чѣмъ! это дѣло было труднѣе, нежели вы думаете. Ха! ха! ха!

ВСПЫШКИНЪ.

Поздравьте же и меня.

ФАТЮЕВЪ.

Со всѣмъ, съ чѣмъ угодно.

ВСПЫШКИНЪ.

Съ зятемъ, только съ зятемъ.

ФАТЮЕВЪ.

Самое милое поздравленіе.

ВСПЫШКИНЪ.

Человѣкъ достойнѣйшій.

ФАТЮЕВЪ.

Не хвастался сказать, въ немъ много хорошаго.

ВСПЫШКИНЪ.

Да развѣ вы знаете?

ФАТЮЕВЪ.

Смѣшной вопросъ: знаю ли я себя?

ВСПЫШКИНЪ.

(Указывая на Милона).

Вы меня не поняли. Вотъ мой зять.

ФАТЮЕВЪ.

Какъ? Что это значитъ?

ВСПЫШКИНЪ.

То, что мы теперь изъ церкви, и они обвѣнчаны. Такъ прошу ихъ поздравить.

ФАТЮЕВЪ.

Вы шутите!

ВСПЫШКИНЪ.

О нѣтъ! — Это совсѣмъ не шутка.

ФАТЮЕВЪ.

Какъ! Какъ! Такъ вы перемѣнили свое слово?

ВСПЫШКИНЪ.

Такъ какъ вы свое. — Да за что же такой гнѣвъ? развѣ вы не рѣшились съ княжною Снафидиной?

ФАТЮЕВЪ.

Сатана бы ее взяла и съ вами! я совсѣмъ не понимаю вашихъ шутокъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Послушай, Фатюевъ: если сдѣлаемъ дурачества, то надобно по крайней мѣрѣ ихъ помнить. Не ты ли, выманивъ насъ сюда прогуливаться, прислалъ намъ пустой пирогъ?

ФАТЮЕВЪ.

Какъ! я?

ВСПЫШКИНЪ.

Да... постой же! Не ты ли прислалъ намъ пустой пирогъ и въ письмѣ своемъ сравненіями съ пирогомъ очень ясно дѣлалъ отказъ нашей дочери и при томъ очень глупо шутилъ надъ нами?

ФАТЮЕВЪ.

Извините, мои сравненія были безподобны, для того, что начинка была прекрасна.

ВСПЫШКИНЪ.

Вотъ хорошо! Да всѣ видѣли здѣсь, что онъ былъ такъ пустъ, такъ пустъ, какъ твоя—безмозглая голова, которая смѣетъ шутить надъ людьми почтеннѣе себя. Но дѣло кончено. — Дочь моя за-мужемъ. Ты видишь, что она послѣ твоего отказа не долго засидѣлась въ дѣвкахъ.

ФАТЮЕВЪ.

Какое бѣшенство! — Какое отчаяніе! Это ужасно! Ванька, Ванька!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже и Ванька.

ВАНЬКА.

(Въ сторону).

Уфъ! Приходитъ моя очередь.

ФАТЮЕВЪ.

Сказывай, бездѣльникъ, это твои плутни?

ВАНЬКА.

Виноватъ, сударь, вотъ она меня соблазнила.

ВСПЫШКИНЪ.

Какъ, негодная! — Что это значитъ?

ДАША.

Виновата, сударь! Дьволъ жадности меня попуталъ.

ВАНЬКА.

Мы разъѣли пирогъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Это пустое: онъ былъ не взрѣзанъ.

ДАША.

Ахъ! мы снизу корку прорѣзали.

ФАТЮЕВЪ.

Видите ли, что я правъ, и что я ѣздилъ отказать княжнѣ Снафидиной.

ВСПЫШКИНЪ.

Но не ты ли на концѣ прибавилъ, что ты дочери моей не женихъ?

ФАТЮЕВЪ.

Какое бѣшенство! Ничего не бывало! Да подайте письмо.

ВСПЫШКИНЪ.

Даша!

ДАША.

Ахъ, сударь! Послѣднія слова я прибавила, чтобъ больше васъ поссорить, и для того тотчасъ изорвала письмо.

ВСПЫШКИНЪ.

Какъ, бездѣлышца!

МИЛОНЪ.

Неужели вы будете раскаляваться?

ВСПЫШКИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Обойми меня, мой другъ, я тебя всегда зналъ за достойнаго человѣка. А ты, господинъ Фатюевъ, пеняй на свое несчастіе.

ФАТЮЕВЪ.

Бѣдные мои запмодавцы! Только что было собрался имъ уплатить.

ДАША.

Иванъ! Иванъ! приходи опять съ пирогомъ.

ВАНЬКА.

Добрая Даша! Это мнѣ наука, чтобъ предъ вашей сестрой ушей не развѣшивать.

ВСПЫШКИНЪ.

Ба! Это приказчикъ здѣшняго села.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣже и Потапъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Здорово! А мы у васъ въ церкви свадьбу скрутили. Гдѣ же твоя барыня?

ПОТАПЪ.

Она, сударь, все видѣла и все знаетъ. Приказала васъ поздравить съ молодыми и просить, нельзя ли нынѣшній день отпраздновать вмѣстѣ: вѣдь нынѣ, сударь, ея именины.

ВСПЫШКИНЪ.

Сердечно радъ и поздравляю. Проведемъ же, дѣтушки, здѣсь нынѣшній день. — Это старинная моя пріятельница. — Господинъ Фатюевъ, досаду въ сторону; останьтесь съ нами.

ПОТАПЪ.

А у насъ уже для нея и пляски и пѣсни приготовлены; дѣвки всѣ, какъ маковъ цвѣтъ, выряжены. Вѣдь это намъ лучшій праздникъ въ году, боярин, для того, что она, голубушка наша, всегда его съ нами проводитъ. Мы было, правда, хотѣли и комедь сломать; и Васька лакей недѣли съ три по печатной книгѣ съ нами бился, да никакъ провальная на ладъ нейдетъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, такъ мы ее за васъ сыграли... Да вонъ и они идутъ. Давайте веселиться!

183

ЛѢНТЯЙ.

КОМЕДІЯ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

И. А. КРЫЛОВА.

Лѣнтулъ усталости не знаетъ,
Лежитъ и ночь и день;
Но ничего не прозѣваетъ,
Затѣмъ что ротъ разинуть лѣнь.

(Надпись на автографѣ Крылова, сдѣланная рукою А. Н. Оленина.)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

О комедіи Крылова, которая здѣсь названа *Лѣнтяй*, у Лобанова сохранилось слѣдующее извѣстіе: «Иванъ Андреевичъ, еще прежде *Модной Лавки*, написалъ *три* дѣйствія комедіи *въ прозѣ*: *Лѣнивый*. Онъ читалъ ее въ домѣ графа Чернышева. Замѣчательно, что герой комедіи еще не являлся въ продолженіе первыхъ трехъ дѣйствій, и неизвѣстно, въ которомъ дѣйствіи вывелъ бы его сочинитель. Чтеніе этой комедіи принесло величайшее удовольствіе слушателямъ, и авторъ былъ осыпанъ похвалами; но мы не услышимъ ни одного слова изъ этого произведенія; оно погибло невозвратно. Авторъ, уходя изъ дома графа, забылъ измаранныя свои тетради въ прихожей и, подражая герою своей комедіи, или, лучше сказать, будучи образцомъ ему, долго не требовалъ ея; а когда потребовалъ, то узналъ, что служители того дома, видя валяющіяся въ прихожей измаранныя бумаги, издержали ихъ, до послѣдняго листа, на обертку свѣчей».

Ошибочно ли послѣднее показаніе, или у Крылова былъ еще другой списокъ комедіи *Лѣнтяй*, только автографъ ея сохранился въ бумагахъ А. Н. Оленина (ум. въ 1843 г.). Покойный Алексѣй Николаевичъ завѣщалъ всѣ свои бумаги зятю своему Григорію Никаноровичу Оленину, по смерти котораго онѣ перешли по наслѣдству къ вдовѣ его, Варварѣ Алексѣевнѣ (дочери Алексѣя Николаевича Оленина), и къ дочери его, Александрѣ Григорьевнѣ, въ замужствѣ Стояновской. Узнавъ, что Академія Наукъ предполагаетъ издать сборникъ статей о Крыловѣ, Николай Ивановичъ Стояновскій, съ согласія своей тещи и своей супруги, препроводилъ рукопись *Лѣнтяя* въ Академію, при письмѣ къ Я. К. Гроту, съ предоставленіемъ Отдѣленію русскаго языка и словесности права напечатать ее въ своемъ изданіи.

Рукопись эта состоитъ изъ 13 полулистовъ синей бумаги in folio; написана относительно весьма разборчиво рукою самого

автора, съ немногими помарками въ началѣ*). Въ ней сохранилось почти все первое дѣйствіе и отрывокъ втораго. Было ли написано третье, о которомъ говоритъ Лобановъ, неизвѣстно; судя по рукописи, можно даже съ нѣкоторою достовѣрностію сказать, что и втораго Крыловъ не довелъ до конца.

О времени сочиненія комедіи *Лентяй* можно только догадываться по слѣдующимъ даннымъ: 1) бумага подлинной рукописи носитъ на себѣ водяные знаки 1800 года; 2) Лобановъ свидѣтельствуетъ, что эту пьесу писалъ Крыловъ прежде *Модной лавки*; 3) почеркъ, какимъ она писана, не противорѣчитъ этому показанію.

Что касается до свидѣтельства Лобанова, что комедія была написана въ прозѣ, то или ему измѣнила память, или онъ смѣшалъ *Лентяя* съ другою комедіею, отъ которой ничего не сохранилось кромѣ воспоминанія: «Еще къ литературнымъ, невозвратнымъ утратамъ», говоритъ Лобановъ, «надобно причислить двѣ сцены изъ комедіи въ стихахъ, которую (помнится, въ 1820 г., или еще нѣсколько позже) задумалъ онъ писать. Названія комедіи не помню, да едва ли она имѣла названіе; но эти двѣ сцены читалъ мнѣ Иванъ Андреевичъ... Въ послѣдствіи времени я просилъ у него этихъ отрывковъ, но онъ отвѣчалъ: «не знаю, куда они дѣлись; ужъ не Феюша ли ихъ прибрала».

Относительно содержанія комедіи, характеровъ и ихъ развитія по сохранившемуся отрывку нельзя сдѣлать даже предположенія. Однако главное дѣйствующее лицо, Лѣнтулъ, уже достаточно выясняется въ первомъ дѣйствіи: это честный, добрый, можетъ быть, даже и образованный, но до безобразія лѣнивый человѣкъ, для котораго лежаніе и спанье составляютъ высшее благо и наслажденіе въ жизни. Для нихъ онъ жертвуетъ всѣмъ: связями, общественнымъ положеніемъ и даже состояніемъ и невѣстою. Лѣнтулъ, по крайней мѣрѣ какимъ онъ представляется въ первомъ дѣйствіи, во многомъ напоминаетъ Обломова, и если-бы авторъ довелъ свое произведеніе до конца, то, по всей вѣроятности, и дальнѣйшая судьба его героя не многимъ бы отличалась отъ судьбы Обломова.

*) Зачеркнутыя въ рукописи слова и цѣлыя строки приводятся нами подъ строкою. Цифры на поляхъ взяты изъ подлинной рукописи: каждая пара стиховъ считается за единицу.

ЛѢТНІЙ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АНДРЕЙ.

(За письменнымъ столомъ).

«Любезный батюшка! по вашему совѣту»
(Ну, лгать, такъ лгать смѣлѣй) — «встаю я до разсвѣту
И цѣлый божій день хлопочу здѣсь тьму теряю»...
(А тутъ бы написать: иль ѣмъ, иль пью, иль сплю)
«Все ѣзжу по судамъ»... (да, ѣздишь ужъ съ недѣлю
Съ постели на диванъ, съ дивана на постелю).
«Теперь-то[а] на мою нельзя пенять вамъ лѣнь:
«Я по уши въ дѣлахъ» — (въ халатѣ цѣлый день).
(перечитываетъ)
Все, кажется[б]. Ну вотъ и грамотка готова...
Ба, ба! да про пріѣздъ невѣсты я ни слова,[в])
А этого никакъ не можно упустить!
Вотъ тутъ-то надобно весь умъ употребить,
Чтобъ было нѣжно все, и кстати бы, и къ мѣсту.
Ну вотъ какъ будто бъ самъ я былъ влюбленъ въ Прелесту.
«Вчерась къ восторгу»... вздоръ! — «Мой умъ»... нѣтъ: «сердце» — нѣтъ!

[а]) ... ужъ *(зачеркнуто)*.

[б]) Довольно, кажется *(зач.)*.
Ну все ли? — все *(зач.)*.

[в]) Постой же, понѣжнѣй прибавлю что-нибудь:
«Вчерась къ восторгу»... вздоръ!.. «вечоръ мнѣ въ нѣжну грудь»...
Нѣтъ, что-то все не такъ... нѣтъ, и то не такъ..
Тфу, пропасть! не клеится... *(зачерк.)*.

Тфу, пропасть! ничего мнѣ въ голову нейдетъ!
Хотя бы подъ перо мнѣ страстный [а]) вздохъ попался.
Ни мысли и въ письмѣ [б])... куда жъ мой умъ дѣвался!..
Э, да!... нѣтъ, нѣтъ! не то... Ей, ей, не знай, какъ быть!
О лѣнтюгъ! за тебя пришло мнѣ и любить.
Такъ просто жъ напишу: «Вчерась, какъ я обѣдалъ,
«Съ своею дочерью Сумбуръ сюда пріѣхалъ»... [в])
Живетъ! — Теперь ужъ все. — Ну, сколько я надулъ?
Изволь лишь подчеркнуть, послушный сынъ, Лѣнтулъ.
Да, вѣрно, и того онъ въ мѣсяцъ не сберется.
Что вижу — за него и подписать придется...

ЯВЛЕНІЕ II.

Андрей и Даша.

ДАША.

Андрей! куда учтивъ твой баринъ въ женихахъ!
Неужли до того зарытъ ужъ онъ въ дѣлахъ,
Что некогда ему зайти на часъ къ невѣстѣ?
Ну, право, это льзя снести одной Прелестѣ.
Ужъ вотъ мы сутки здѣсь [г]) — онъ годъ не видѣлъ насъ —
А ужъ, смотритко ты, совсѣмъ не кажетъ глазъ...

АНДРЕЙ.

Какъ громко ты кричишь!

ДАРЬЯ.

Меня ты не осудишь.

АНДРЕЙ.

Да я не для себя...

ДАРЬЯ.

Что жъ?

[а]) ...кстати. *(зачерк.)*.
[б]) Ну, словомъ, ничего.. *(зач.)*.
[в]) Идетъ... ну, все не то... хе, хе... *(зач.)*.
[г]) Едва ввалились мы.. *(зач.)*.

АНДРЕЙ.

Барина разбудишь.

ДАША.

Какъ! шутишь, что ли, ты? Неужли онъ не всталъ?

АНДРЕЙ.

НѢтъ, всталъ было...

ДАША.

Да что жъ?

АНДРЕЙ.

Опять започивалъ.

ДАША.

Ну, ЛѢнтулъ, видно, здѢсь спокойно поживастъ. [a])
Да почью что жъ онъ?

АНДРЕЙ.

Спитъ.

ДАША.

А днемъ-то?

АНДРЕЙ.

Почивастъ. 20.

ДАША.

Прекрасно! старичекъ нашъ будетъ очень радъ!
Онъ въ зятюшкѢ себѢ найти сбирался кладъ.
Изживши на войнѢ и съ нуждой и съ трудами,
Ложиться и вставать привыкъ онъ съ пѢтухами;
Халата у него и туфлей вовсе нѢтъ:
Чуть разсвѢтъ, и ужъ онъ какъ будто въ строй одѢтъ
И тотчасъ или въ садъ, иль осмотрѢть работу,
Иль вскочитъ на лошадь да брызнетъ на охоту,
И словомъ, цѢлый день въ движеньѢ такъ, какъ ртуть;
Ну, слышь, не только спать — съ нимъ некогда зѢвнуть,
И если первый день покою вамъ достался,

[a]) Тьфу, пропасть! знать онъ (зач.).

Такъ это оттого, что до свѣту умчался
Старикъ нашъ со двора....

АНДРЕЙ.

Сказать да не солгать,
Такая жизнь совсѣмъ намъ, Даша, не на стать:
Мой лѣнтюгъ радъ изжить вѣкъ цѣлый на диванѣ,
И разъ въ году едва бываетъ онъ въ кафтанѣ.
Халатъ да туфли — вотъ и весь его нарядъ....
Ну, коль на то пошло, такъ вамъ я очень радъ:
Пусть вашъ старикъ его подъ лапу поприкрючитъ,
Авось отъ лѣни онъ его и поотучитъ; 30.
А то вѣдь страмъ сказать, да грѣхъ и утаить,
А чай, онъ, право, здѣсь совсѣмъ забылъ ходить.

ДАША.

Что онъ лѣнивецъ, и прежде то мы знали;
Да только удали такой ужъ въ немъ не ждали.

АНДРЕЙ.

О, это все ль еще! послушай, старый другъ:
Теперь напомню я тебѣ, пока досугъ,
Что намъ вѣдь слѣдъ одинъ къ вѣнцу за господами;
Такъ то, что я сказалъ, пусть тутъ замретъ межъ нами:
Я барина люблю, и къ пользѣ лишь его
Хочу не потаить отъ Даши ничего,
Чтобъ слади заодно[a]), намъ всѣ подвесть уловки,
Спасти его въ бѣдѣ, иль въ случаѣ размолвки —
А что не сдобровать ему, то вижу я....

ДАША.

Вздоръ! наши старики издѣтства вѣдь друзья,
Да развѣ твой чудакъ, здѣсь живши, напроказилъ?

АНДРЕЙ.

Куда проказить намъ? съ дивана онъ не слазилъ.
Да это все таки отъ бѣдъ насъ не спасетъ.

---

[a]) Чтобъ общей силою *(зач.)*

ДАША.

Я тутъ не вижу ихъ.

АНДРЕЙ.

Послушай напередъ:
Старикъ,ославъ сюда Лѣнтула за дѣлами,
И денегъ и вещей, всего отправилъ съ нами.
Хоть правъ и святъ его въ наслѣдствѣ братнемъ споръ,
Да знаешь, по судамъ вѣдь деньги такъ, какъ соръ;
А дѣло таково, что домъ нашъ на мель станетъ,
Коль на судѣ его соперникъ перетянетъ;
Такъ онъ, прощаяся, одно сынку твердилъ,
Чтобъ болѣ ѣздилъ онъ, да болѣ бы дарилъ,
Да чтобъ и самъ искалъ опредѣлиться къ мѣсту,
Коль хочетъ сберечи имѣнье и невѣсту.

ДАША.

Ну, знаю! Вѣдь затѣмъ и стали мы у васъ,
Чтобъ послѣ тяжбы въ слѣдъ и свадьбѣ быть тотчасъ.

АНДРЕЙ.

Да то-то видишь: вы въ степныхъ запропастились;
А мы съ Лентулушкой едва сюда ввалились,
Какъ онъ, нашедши здѣсь и волю и просторъ,
Изъ комнаты шага не дѣлывалъ съ тѣхъ поръ.

ДАША.

Конечно, боленъ онъ.

АНДРЕЙ.

Да, очень, къ сожалѣнью.

ДАША.

О, бѣдна барышня! Да чѣмъ онъ боленъ?

АНДРЕЙ.

Лѣнью!
Да, боленъ на повалъ! Что я ни говорилъ,
Ничто не помогло. — Разъ по сту въ день твердилъ:
Помилуйте, сударь, пристойно ль въ ваши лѣта

Въ халатѣ, въ колпакѣ поскимиться отъ свѣта?
Одѣньтесь, съѣздите по дѣлу вы хоть разъ;
Неужли батюшка лежать отправилъ васъ?
Ну если, все узнавъ, лишится онъ терпѣнья,
Иль потеряете отъ лѣни вы имѣнье....
Ну что жъ ты думаешь, какой отвѣтъ дастъ онъ?

ДАША.

Сберется ѣхать?

АНДРЕЙ.

Нѣтъ! зѣвнетъ, да вышлетъ вонъ.

ДАША.

Ну, то-то будетъ мужъ!

АНДРЕЙ.

О, любитъ лежебочить!
За то ни въ чемъ другомъ нельзя его порочить:
Не золъ, не сварливъ онъ, отдать послѣдне радъ
И, еслибы не лѣнь, въ мужьяхъ онъ былъ бы кладъ,
Привѣтливъ и учтивъ, притомъ и не невѣжа;
Радъ сдѣлать все добро, да только бы лишь лежа....
Но чу! старикъ! бѣги къ Прелестѣ ты своей!

ДАША.

Да что жъ я ей скажу?

АНДРЕЙ.

Солги, что хочешь, ей;
Лишь только не поссорь ее ты правдой съ нами.
Бѣги же! онъ идетъ...

ДАША.

Бѣды мнѣ съ чудаками!

ЯВЛЕНІЕ III.

Андрей и Сумбуръ.

СУМБУРЪ.

(За театромъ.)

Ну, смучилъ! такъ всели жъ другихъ впрячи скорѣй!
Вѣдь не прокиснуть же мнѣ здѣсь для лошадей.

Я ѣду вмигъ... Да слышь, чтобы тотчасъ поспѣло —
Ну вотъ люблю, чтобъ все вертѣлось, да кипѣло —
Да чтобъ осѣдланъ былъ скорѣй мой неугомъ;
Лишь ворочусь, тотчасъ поѣду я верхомъ...
Андрей! что баринъ твой — вотъ день-то сѣроватый,
Ну, самый полевой — теперь бы съ перехватой,
Да стрѣлку дай лишь мнѣ, такъ чорта я сомну...

АНДРЕЙ.
(Особо.)
У насъ такъ сѣрый день толкуется ко сну.

СУМБУРЪ.
Что жъ Лѣнтулъ? — ась? я чай, онъ здѣсь захлопотался?
По знатнымъ, по судамъ, по справкамъ затаскался?
Что дѣлать? — Ей, спроси, могу ль я видѣть дочь?

АНДРЕЙ.
Охъ, тяжко будетъ намъ!

СУМБУРЪ.
Да спитъ ли онъ хоть ночь?

АНДРЕЙ.
Ахъ, онъ въ дѣлахъ, сударь, ей, ей, здоровье тратитъ.
(Особо.)
Бываетъ часто то, что полдня онъ прихватитъ,
(Ему.)
Что цѣлую онъ ночь пропишетъ на пролетъ.

СУМБУРЪ.
Мнѣ это не́ мило! И этотъ жизни родъ
И худъ, и нездоровъ! Молчи! какъ свадьбу сладимъ,
Мы по ночамъ писать его совсѣмъ отвадимъ.
Писать всю ночь! Да я какъ молодъ то бывалъ,
Ни книги, ни пера, ни стула не знавалъ;
За то и живъ, и свѣжъ: что всталъ, то въ городъ, въ поле
Верхомъ, пѣшкомъ, въ саняхъ, на дрожкахъ... Нынѣ болѣ
Ужъ этой силы нѣтъ; однако не сижу
И нынѣ цѣлый день ныль ѣзжу, ныль хожу;
А то сидѣть всю ночь! — вѣдь онъ себя погубитъ.

АНДРЕЙ.

То грѣхъ сказать, сударь, сидѣть и онъ не любитъ...
(Особо.)
Вотъ намъ бы полежать...

СУМБУРЪ.

Какъ онъ по кости мнѣ!
Смотри жъ, какъ заживемъ мы въ нашей сторонѣ!
Мы съ нимъ за чудо слыть въ уѣздѣ будемъ двое;
Да мы, ну, слышишь ли, обѣдать станемъ стоя.

АНДРЕЙ.
(Особо).
Попался Лѣнтуга мой!

СУМБУРЪ.

Что, что ворчишь ты, братъ?

АНДРЕЙ.

О! жизни онъ такой, какъ райской, будетъ радъ!

СУМБУРЪ.

Посмотримъ, кто изъ насъ кого съ нимъ перетянетъ,
Кто больше выходитъ, съѣстъ меньше, ранѣ встанетъ...
Да, кстати любитъ ли охоту онъ съ ружьемъ?
Вотъ тутъ-то походить!.. О, съ нимъ мы заживемъ
Въ болотахъ да въ поляхъ!... Я радъ таскаться сутки.

АНДРЕЙ.
(Особо).
Ахти! не по шерсти совсѣмъ намъ эти шутки!

СУМБУРЪ.

Я чай, вы думали, что я изъ дряхляковъ?
Небось, я не изъ тѣхъ кисельныхъ стариковъ,
Которые всегда на креслахъ только прѣютъ,
То дремлютъ, то ворчатъ, то на лежанкѣ грѣютъ
Замерзлы косточки, въ годъ скажутъ разъ словцо,
Да лѣтомъ выползутъ изрѣдка на крыльцо.
Со мной, какъ съ молодымъ, не скоро встрѣтишь скуки;
Лишь только не люби сидѣть, поджавши руки.

АНДРЕЙ.

О! баринъ мой, сударь, какъ ртуть...

СУМБУРЪ.

Да гдѣ жъ онъ самъ?
Небось, чай, до свѣту умчался по дѣламъ?
Люблю, люблю за то, что время онъ не тратитъ.
Жаль только, коль меня обѣдать кто захватитъ,
Такъ не увижусь съ нимъ я цѣлый день опять.
Вчера я вечеромъ зашелъ было, анъ, глядь,
Его и нѣтъ.

АНДРЕЙ.

Да мы успѣли лишь убраться
За ширмы, чтобъ тебѣ въ халатѣ не казаться.

СУМБУРЪ.

Постой же, дай хоть мнѣ бумажки лоскутокъ.

АНДРЕЙ.

Извольте —

СУМБУРЪ.

О нѣтъ, нѣтъ! и малъ, и коротокъ!
Мнѣ написать къ нему одѣлѣ очень нужно.
Я бъ самъ ему сказалъ, да, право, недосужно
Его мнѣ ждать. Постой, я самъ къ нему войду,
Бумагу на столѣ я, вѣрно, тамъ найду.

АНДРЕЙ.

Къ нему, сударь? бѣды!

СУМБУРЪ.

Да, да, ну что за чудо?
Вѣдь я почти ужъ свой.

АНДРЕЙ.

Да я тотчасъ... Охъ, худо!

СУМБУРЪ. 90.

Нѣтъ, нѣтъ, я самъ пойду! Ну, право, какъ я радъ!
Да мы поставимъ съ нимъ все на военный ладъ.

Ручаюсь, что придемъ другъ другу мы по нраву:
Какъ будто въ лагерѣ жить станемъ по уставу....
Неси чернильницу. *(Отворяя дверь)* Ба! это кто храпитъ?

АНДРЕЙ.

Кто это? Такъ, сударь.

СУМБУРЪ.

Какъ такъ? кто это спитъ?

АНДРЕЙ.

Кто спитъ, сударь?

СУМБУРЪ.

Да, да!

АНДРЕЙ.

Ну, что то будетъ съ нами!
Да вы изволите вѣдь, чаю, видѣть сами.

СУМБУРЪ.

Твой баринъ...

АНДРЕЙ.

Онъ, сударь,

СУМБУРЪ.

Какъ, это спитъ Лѣнтулъ?

АНДРЕЙ.

Да вонъ, изволите ль вы этотъ видѣть стулъ?

СУМБУРЪ.

Что мнѣ до стула, плутъ! Какъ! спать объ эту пору?
А ты, бездѣльникъ, мнѣ налгалъ такую гору!

АНДРЕЙ.

Взгляните жъ вы на стулъ

СУМБУРЪ.

Поди жъ, мошенникъ, прочь!
Такъ такъ-то онъ у васъ трудится день и ночь!

АНДРЕЙ.

Да стулъ, сударь...

СУМБУРЪ.

Чтобъ ты сквозь землю провалился
И съ стуломъ!

АНДРЕЙ.

А на немъ всю ночь онъ протрудился.

СУМБУРЪ.

Какъ?

АНДРЕЙ.

Такъ, сударь. Ужъ часъ я битый вамъ твержу;
А если кипу я бумагъ вамъ покажу,
Что въ ночь онъ исписалъ, на этомъ сидя стулѣ,
Такъ вы и нехотя вздохнете о Лѣнтулѣ

СУМБУРЪ.

И точно...

АНДРЕЙ.

Да, сударь, на почту цѣлый возъ
Его руки бумагъ я до свѣту отнесъ;
А послѣ на дворѣ чуть-чуть лишь забѣлѣло,
Какъ баринъ, подхватя, ей, ей, съ полпуда дѣло,
Пустился по судьямъ — ну, право, какъ шальной,
И, выбившись изъ силъ, пріѣхалъ онъ домой
И тутъ было опять принялся за бумагу;
Да я ужъ нечего, пустился на отвагу:
Просплъ, молилъ, кричалъ — ну, дѣлалъ все, что могъ,
Чтобъ онъ, бѣдняжечка, хотя на часъ прилегъ,
И то ужъ голова путемъ его схватила.
Такъ онъ, когда ужъ боль совсѣмъ его свалила,
Раздѣлся, рпнулся — и камнемъ спитъ теперь.

СУМБУРЪ.

Не лжешь ты?

АНДРЕЙ.

Я, сударь!

СУМБУРЪ.

Такъ притвори же дверь.

АНДРЕЙ.
(Особо.)

Спокойный сонъ! ура! Одну бѣду мы сжили.
(Сумбуру).
Бумагами, сударь, совсѣмъ его вскружили.

СУМБУРЪ.

Коль правда это все, такъ жизнь его плоха.

АНДРЕЙ.

Ну, что мнѣ лгать? возьму ль я на душу грѣха?

СУМБУРЪ.

Вотъ я вѣдь говорилъ и радъ божиться снова,
Что эдакая жизнь вредна и нездорова:
Писать, читать, сидѣть и портить лишь глаза!

АНДРЕЙ.
(Особо).

Ну, кажется, теперь совсѣмъ прошла гроза.

СУМБУРЪ.

Когда бъ проклятое скорѣй намъ кончить дѣло,
Другою бы статьей у насъ все закипѣло.
Досадно только мнѣ, что онъ раздѣвшись легъ.

АНДРЕЙ.

Да легъ ли бъ онъ, сударь, когда бъ не занемогъ?

СУМБУРЪ.

Бѣдняжка! Такъ скажи ж., чтобъ тише здѣсь ходили
И чтобъ нечаянно его не разбудили.
Проклятыя дѣла! писать такъ глупо ночь,
Чтобъ голову вскружить и послѣ занемочь.
Скажи жъ, какъ встанетъ онъ, что я здѣсь дожидался
И чтобъ у дочери со мной онъ повидался.
Писать, читать! — Добро! придетъ и та пора,
Что книги полетятъ у насъ долой съ двора.

АНДРЕЙ.

Ура, Андрей! спи, мой лѣнивый господинъ!

———

ЯВЛЕНІЕ IV.

Андрей и Правдонъ.

АНДРЕЙ.

(Увидя входящаю Правдона).

Уфъ! вотъ-те новый гость!

ПРАВДОНЪ.

Андрей! здоровъ ли сынъ?

АНДРЕЙ.

А мы не ждали васъ.

ПРАВДОНЪ.

Гдѣ сынъ?

АНДРЕЙ.

Немножко боленъ.

Теперь заснулъ.

ПРАВДОНЪ.

Я имъ ужасно какъ доволенъ!
Что дѣлалъ здѣсь онъ годъ? По дѣлу ни шага.
Я свѣдалъ все! Была ль въ судѣ его нога? 120.

АНДРЕЙ.

Онъ былъ, сударь, да тамъ то справки, то отсрочки...

ПРАВДОНЪ.

А писемъ отчего я не видалъ ни строчки?

АНДРЕЙ.

Какъ? онъ писалъ, сударь!

ПРАВДОНЪ.

Писалъ! — твоей рукой.
По счетамъ знаю я довольно почеркъ твой;
Меня своей рукой онъ могъ бы удостоить.

АНДРЕЙ.

(особо).

Ну, этого трудпѣй мнѣ будетъ успокоить.

(Ему).

Да, правда, что когда бывалъ онъ нездоровъ,

И я, сударь, писалъ — съ его лишь только словъ
И то, что сказывать онъ самъ лишь мнѣ изволилъ;
И нынѣ было къ вамъ письмо я изготовилъ
И вотъ на почту несть хотѣлъ его сейчасъ,
Да вы нечаянно обрадовали насъ.

ПРАВДОНЪ.

О, если правда все, что мнѣ о немъ писали...

АНДРЕЙ.
(особо).

Ну! — коль писали все, такъ вѣрно мы пропали!
(Ему).
Повѣрьте, баринъ мой трудится безъ уйму.

ПРАВДОНЪ.

Когда ты въ письмахъ лгалъ, то и тебя пройму!

АНДРЕЙ.

Ай-ай!

ПРАВДОНЪ.

Поди же ты, да свѣдай осторожно,
Мнѣ можно ли войти.

АНДРЕЙ.

Я чаю, сударь, можно.

ПРАВДОНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, коль боленъ онъ, такъ не встревожь его.

АНДРЕЙ.

Хотя бъ кафтанъ-то мнѣ напялить на него. 130.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРАВДОНЪ.
(Одинъ.)

Я глупо поступилъ, — и буду самъ виною,
Когда потеряю имѣнье будетъ мною.
Въ какой несчастный часъ, въ какой я черный день,

Знавъ всю Лѣнтулову безпечность, сонность, лѣнь,
По важной толь тяжбѣ ходить его отправилъ.
Чегожъ и ждать? онъ все и кинулъ, и оставилъ.
(Подходя къ письменному столику).
Ба! тьма пакетовъ. Знать, почтовый нынѣ день;
Какъ это перемогъ хоть разъ свою онъ лѣнь?
Посмотримъ-ко, къ кому. Когда бъ въ такія лѣты...
Ба, ба! да это все мои къ нему пакеты.
Прекрасно! гдѣ жъ другой такой лѣнивецъ есть?
Не только отвѣчать на письма, ихъ прочесть
Онъ въ годъ не могъ. Смотри, печати не помяты,
Ну, точно, будто бы теперь лишь съ почты взяты.
Терпѣнья болѣ нѣтъ! Добро, ты лѣнтюгъ мой!
Или я тресну самъ, иль слажу я съ тобой.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Правдонъ и Подмастерье.

ПОДМАСТЕРЬЕ.
(Неся на себѣ подушку.)
Ну, штука! — слышь, съ ися такъ вотъ бы вѣкъ не слазилъ.
А ужъ подъ ней бѣды — кто это напроказилъ?
И выдумалъ диванъ, — ну знать, что былъ чудакъ [а]);
А что ни говори, да былъ онъ не дуракъ — 140.
И видно, что пришлтъ онъ дѣло зналъ къ бездѣлью,
Когда умненько такъ сплотилъ онъ стулъ съ постелью.
Вотъ то-то вещь! — прошу тутъ правду узнавать:
Сидишь, такъ это стулъ; не то, такъ вмигъ кровать.
Смѣшно, какъ вздумаешь — а право, съ понаровкой,
Такъ это у бояръ, муфобель самый ловкій.
Ужъ то-то вотъ на немъ ни лѣтъ, слышь, ни примѣтъ.
Какъ хочешь мни его, лихъ всталъ, и слѣду нѣтъ.

ПРАВДОНЪ.
Къ кому ты притащилъ, мой другъ, такую гору?

[а]) ... уменъ *(зач.)*.

ПОДМАСТЕРЬЕ.

Къ Лѣнтулу. — Только знать, мы, баринъ, здѣсь не въ пору.

ПРАВДОНЪ.

А что жъ?

ПОДМАСТЕРЬЕ.

Да у людей обѣдъ ужъ на дворѣ,
А здѣсь, чай, спятъ еще, какъ будто на зарѣ.
О, баринъ здѣсь, какъ ханъ, соливъ, увальчивъ, чуденъ
И солнцу до него ужасно доступъ труденъ.
Поспать охотникъ онъ, охотникъ полежать
И почки на вожжахъ умѣетъ придержать.

ПРАВДОНЪ.

Прекрасно, мой сынокъ!

ПОДМАСТЕРЬЕ.

Онъ не живетъ — ликуетъ:
Ѣстъ сладко, мягко спитъ, о дѣлѣ въ усъ не дуетъ,
Нѣтъ будней у него — а все шабашны дни,
И въ круглый божій годъ лишь праздники одни; [а])
Ну, прямо у себя живетъ султанъ султаномъ:
Наскучила кровать, такъ шлетъ вотъ за диваномъ. 150.
Проказникъ! — матушкинъ онъ видно былъ сынокъ.

ПРАВДОНЪ.

Добро же слажу я съ тобою, мой дружокъ!

ПОДМАСТЕРЬЕ.

На вздоры, правда, онъ ужъ денегъ не потратитъ:
А чтобъ понѣжиться, послѣднее заплатитъ;
На пышность, на нарядъ такъ крѣпокъ нашъ старикъ,
А радъ кафтанъ отдать за добрый пуховикъ.
Ну, столько у дѣтей не найдешь ты игрушекъ,
Какъ у него перинъ, матрасовъ и подушекъ.

ПРАВДОНЪ.

Не радость это все, мой другъ, его отцу [б])

[а]) Этотъ стихъ былъ зачеркнутъ, но возстановленъ снова.
[б]) Не радость ты, мой другъ, сказалъ его отцу (зач.).

ПОДМАСТЕРЬЕ.

Да кто, сударь, отецъ такому молодцу?

ПРАВДИНЪ.

Къ несчастью, я.

ПОДМАСТЕРЬЕ.

Какъ вы! — прошу, сударь, прощенья,
Что вамъ я наболтать все такъ безъ размышленья.
Вѣдь впрочемъ вашъ сынокъ боярин пречестной:
Не долженъ никому, не замутилъ водой;
Хоть иногда во снѣ онъ лишній часъ загубитъ,
Да кто же изъ господъ повѣжиться не любитъ?

ПРАВДОНЪ.

Нѣтъ, непростительно! Такое мотовство...

ПОДМАСТЕРЬЕ.

И, да во всемъ, сударь, свое есть щегольство.
Вѣдь городъ здѣсь большой: кто хвастаетъ кафтаномъ,
Кто цугомъ, кто столомъ, — а вашъ сынокъ диваномъ.
Вѣдь перечтешь ли всѣ причуды у бояръ?
У барынь такъ и нашъ въ большомъ ходу товаръ.
Мой мастеръ за него, какъ сѣно, деньги коситъ:
Ичая, право, въ годъ дивана три износитъ.
Да заболтался я, разсчесться бъ мнѣ скорѣй.
Не знаете ль, сударь, куда пропалъ Андрей?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Правдонъ, Бурнай и Подмастерье.

БУРНАЙ.

(обычая).

Да гдѣ жъ онъ? нѣмы, чтоль? хоть бы сказалъ кто слово!

ПРАВДОНЪ.

Ба, ба, Бурнай!

БУРНАЙ.

Правдонъ, старинный другъ, здорово!

Откол'Ѣ, какъ, давноль? Ну вотъ ужъ угодилъ!
Нежданый, какъ соколъ, взвился да прикатилъ.
И я вечоръ лишь здѢсь...

ПРАВДОНЪ.

Все такъ же живъ и верченъ...

БУРНАЙ.

Лишь только старостью кой-гдѢ слегка исчерченъ.
Прошло, братъ, утрецо, прошолъ денекъ для насъ
И къ ночи у меня давно шестой ужъ часъ.
Бывало, помнишь, мы какіе непосѢды,
Какъ пташки; а теперь, смотритко, мѢтимъ въ дѢды.
Чинъ важный! а когда бъ сыскались мудрецы,
Чтобы разжаловать опять меня въ отцы,
Не охнулъ бы по немъ... Да это что за вздоры?
Не ты ли тюфяковъ навезъ такія горы? 170.

ПОДМАСТЕРЬЕ.

НѢтъ, это....

ПРАВДОНЪ.

Ты, мой другъ, поди себѢ домой —
И послѢ побывай. Сынъ все заплатитъ мой.

ПОДМАСТЕРЬЕ.

О! тутъ сумнѢнья нѢтъ: онъ въ платежѢ исправенъ
. . . . . .
. . . . . [1])

АНДРЕЙ.

БѢгу, сударь! — Дай Богъ исправить имъ его.

---

[1]) Недостаетъ листа, на которомъ находилось 83 стиха, именно: пары стиховъ отъ 174-й до 219-й включительно.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Правдонъ и Бурнай.

ПРАВДОНЪ.

О, разсказать тебѣ, мой другъ, нельзя всего.

БУРНАЙ.

Довольно, я его ужъ не защитникъ болѣ.
Добро, какъ сокола, его мы въ чистомъ полѣ
Повыносимъ съ тобой. Спущать я все люблю,
Но лѣни не терпѣлъ и нынѣ не терплю.

ПРАВДОНЪ.

Мѣстъ шесть онъ пропустилъ, гдѣ могъ бы быть полезенъ.
Прочти, что пишутъ мнѣ.

(Даетъ письмо.)

БУРНАЙ.

(Читаетъ тихо.)

Ну, право, онъ любезенъ!

(Читаетъ.)

«За лѣнью пропустилъ» — бѣшусь я за тебя,
Бѣшусь за дочь мою, бѣшусь и за себя.
Ну, выдь же только онъ! — Андрей!

ЯВЛЕНІЕ X.

Правдонъ, Бурнай и Андрей.

АНДРЕЙ.

Да, чортъ съ нимъ сладитъ!

БУРНАЙ.

Да въ финжмы, что ль, себя чудакъ, твой баринъ, рядитъ?
Покажется ли онъ, одѣлся ль онъ, иль нѣтъ?

АНДРЕЙ.

Почти совсѣмъ, сударь, другой чулокъ надѣтъ.

ПРАВДОНЪ.

Каковъ?

БУРНАЙ.

Другой чулокъ! лѣнивецъ! — можно ль статься?
Да развѣ хочетъ онъ недѣлю одѣваться?
Нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ къ нему; хоть я тебя люблю,
Пойдемъ бранить его! Тебѣ я пособлю.

ПРАВДОНЪ.

Пойдемъ! — Хоть долженъ я лѣнивца ненавидѣть,
Но сына хочется скорѣй отцу увидѣть.

БУРНАЙ.

Кричи жъ сильнѣй.

ПРАВДОНЪ.

Ты мнѣ старайся пособить.
Признаться, я бъ хотѣлъ теперь сердитѣй быть.

БУРНАЙ.

Забудетъ нѣжиться — лишь прибодрись немножко:
Диваны полстятъ всѣ къ чорту за окошко; *)
Поспитко на жесткѣ, да ѣшь-ко русски щи.

АНДРЕЙ.

Попался мой лѣнтяй въ горячіе клѣщи.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

. . . . . .

ПРАВДОНЪ.

Неспосно! но и тутъ я менѣ бъ огорчался,
Когда бъ лишь въ малостяхъ лѣнивымъ онъ остался;
Но по несчастью, все, что есть на свѣтѣ, онъ
Охотно радъ отдать за праздность и за сонъ.
Изъ дѣла нашего то видно очень ясно:

*) Вмѣсто этого стиха: Диванъ, пуховики всѣ къ чорту за окошко (зач.).

Что я приказывалъ, что ни писалъ, — напрасно.
Ужъ полгода почти рѣшенъ мой кривo споръ,
А апелляціи до сихъ не взнесъ онъ поръ,
Хоть наше отъ того зависитъ состоянье.

ЧЕСТНОВЪ.

О, я, сударь, къ тому употребилъ старанье!
Прошеніе принесетъ мой стряпчій черезъ часъ;
Ужъ съ мѣсяцъ какъ оно готово, но безъ васъ
Съ Лѣнтуломъ и того я толку не добился,
Чтобъ только подписать его онъ потрудился.
Признаться, важность всю знавъ дѣла я сего
И лѣнью овладѣть отчаявшись его,
За нужное почелъ, чтобъ вы здѣсь были сами
И чтобъ принудили вы Лѣнтула дѣлами
Заняться пристальнѣй; притомъ же по дѣламъ
Успѣлъ я объяснить того суда судьямъ,
Куда изъ нижняго суда они поступятъ
И гдѣ уже судей дарами не подкупятъ, —
О вашей истинѣ извѣстенъ цѣлый судъ,
И чтобъ оправить васъ, лишь только дѣла ждутъ.

ПРАВДОНЪ.

Я словъ, сударь, я словъ довольно не имѣю,
Чтобъ васъ благодарить.

ЧЕСТНОВЪ.

Я васъ увѣрить смѣю,
Что дѣло здѣсь при васъ пойдетъ другимъ путемъ.
По счастью, съ многими я на судѣ знакомъ
И только васъ однихъ къ тяжбѣ недоставало;
Но этого еще моимъ желаньямъ мало:
На лѣнь лѣкарство то, чтобы не праздными жить,
Такъ непремѣнно вновь мой долженъ другъ служить.

ПРАВДОНЪ.

Разъ десять я писалъ.

ЧЕСТНОВЪ.

Мнѣ это все извѣстно
И что со мной сходна мысль ваша, мнѣ то лестно.
Мой дядя силенъ здѣсь; я самъ его трудилъ,
И онъ старанья всѣ къ тому употребилъ;
Но съ лѣнью нашей мы три мѣста прогуляли:
Я вытащить не могъ...

ПРАВДОНЪ.

Вы мнѣ о томъ писали.

ЧЕСНОВЪ.

Но къ счастью, новое я мѣсто отыскалъ,
И покровитель мой свое мнѣ слово далъ,
Что другу моему его онъ дастъ конечно;
И если побѣдитъ сложенье онъ безпечно,
То путь откроется и къ чести, и къ чинамъ.
Все слажено; одна осталась трудность намъ,
И трудность важная...

ПРАВДОНЪ.

Да что жъ!

ЧЕСТНОВЪ.

Мой другъ лѣнивый.
Съ безпечностью его упрямой, нерадивой,
Къ министру я никакъ стащить его не могъ:
Онъ у себя засѣлъ, какъ будто бы безъ ногъ,
И только дѣластъ пустыя проволочки:
То поздно, то онъ слабъ, то дай ему отсрочки.
Не разъ его министръ къ себѣ напрасно ждалъ;
Къ несчастью, дядѣ я и нынѣ слово далъ,
Чтобъ съ другомъ быть къ нему — а онъ везетъ представить
Его къ министру самъ. — Но какъ мнѣ то исправить?
Вы развѣ вступитесь?

ПРАВДОНЪ.

О, увѣряю васъ...

ЧЕСТНОВЪ.

Такъ я бъ поѣхалъ съ нимъ туда, и въ сей же часъ
Все бъ дѣло кончилось. — Я этимъ, сударь, льщуся...

ПРАВДОНЪ.

И просьбу я и власть употребить божуся.

ЧЕСТНОВЪ.

Онъ васъ послушаетъ, а я никакъ не могъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Правдонъ, Честновъ и Бурнай.

БУРНАЙ.

Тьфу, пропасть! новую чтверку сбилъ я съ ногъ!
Вездѣ перебывалъ, а нидѣ по два раза.
Ну, братецъ, твой сынокъ великая проказа!
Куда ни покажусь, лишь жалобы одни:
Ни у твоей, сударь, ни у моей родни
Онъ рожи не казалъ. Теперь такая брага...
Вся дядьевъ, тетушекъ и бабушекъ ватага
Всей стаей на него! — Ну, слышь ты, шумъ такой,
Что чуть ли не глухой уплелся я домой.
Ворчатъ, кричатъ, бранятъ, ругаютъ и поносятъ,
Ну, только лишь татьбы на Лѣнтула не взносятъ.
Родясь, не спорилъ я столько никогда.

ПРАВДОНЪ.

Какого жъ лучше ждать отъ лѣности плода?

БУРНАЙ.

А пуще всѣхъ моя несносная сестрица,
Графиня Сѣдова, столѣтняя вдовица,
Грозилась дочери въ наслѣдствѣ отказать,
Когда не выбору ея мой будетъ зять.
Ну, что ты будешь съ ней? Хоть нѣтъ у ней разсудка,
Да есть пять тысячъ душъ, а это вѣдь не шутка!

Лѣнтула твоего со свѣту гонитъ вонъ
За то, что у ися ни разу не былъ онъ.

ПРАВДОНЪ.

Признаться надобно, такое нерадѣнье
Являетъ къ старости одно лишь непочтенье.

БУРНАЙ.

Бѣда бы кажется хоть тутъ не велика,
Да у старухъ вѣдь тотъ грѣшнѣй еретика,
Кто рѣдко ѣздитъ къ нимъ, чтобъ съ ними для утѣхи
Играть или въ лото, иль въ карты на орѣхи.
Однако не крушись: я все ужъ окончалъ —
Поставилъ на своемъ и всѣхъ перекричалъ;
А такъ какъ надобно сестрицу позабавить,
То слово далъ вину Лѣнтулову поправить.
Старушка нынѣче жъ всей роднѣ даетъ обѣдъ,
Куда обоихъ васъ черезъ меня зоветъ.
Уже съ полсотни тамъ билетовъ разослали,
И знаешь ли, какъ мы все дѣло окончали?
У ней, какъ у меня, все вмигъ бы, да тотчасъ,
Чтобъ нынѣ ввечеру сговору *) быть у насъ.

ЧЕСТНОВЪ.

Позвольте съ счастіемъ Лѣнтула васъ поздравить.

ПРАВДОНЪ.

Мой другъ, я не успѣлъ еще тебѣ представить:
Вотъ Честновъ.

БУРНАЙ.

Это онъ? Позвольте васъ обнять.
Я слышалъ все и радъ короче васъ узнать.
Чудакъ, вашъ другъ намъ тьму наноситъ огорченья;
Но по другѣ такомъ достоинъ онъ почтенья.
Молчите жъ! не сказавъ Лѣнтулу ничего,
Мы тамъ нечаянно обрадуемъ его

*) ... помолвкѣ (зач.).

За то, что давича отъ насъ ему досталось.
(Смотря на часы).
Ба! да и время намъ не много ужъ осталось!
Прибраться надобно скорѣй обоимъ намъ,
Чтобъ деревенщиной не показаться тамъ.

ПРАВДОНЪ.

Да мы сбирались вѣдь и такъ туда обѣдать.

БУРНАЙ.

Эхъ!.. мы вѣдь къ Сѣдовой сбирались щей отвѣдать,
Анъ, вышелъ изъ того сговорный, званый пиръ;
Такъ надо попышнѣй намъ показаться въ міръ.
Уже и такъ съ утра я разрядилъ Прелесту
И вывезу се, ну, прямо, какъ невѣсту.

ПРАВДОНЪ.

Молчи, и мой чудакъ свое далъ слово мнѣ,
Что въ пухъ разрядится онъ къ будущей роднѣ,
И съ давишней поры засѣлъ за туалетомъ.

БУРНАЙ.

То можно намъ дѣтьми похвастать передъ свѣтомъ!
Ужъ прямо парочка...

ПРАВДОНЪ.

Когда бъ не эта лѣнь,
То бъ, право, мой Лѣнтулъ...

БУРНАЙ.

Молчи, не въ часъ, такъ въ день,
Не въ день, такъ въ мѣсяцъ мы проказникасправимъ
И молодцомъ его ну хоть на смотръ поставимъ.

ЧЕСТНОВЪ.

Такъ къ дядѣ поскачу сейчасъ я извинить
И друга и себя и дѣло изъяснить.

ПРАВДОНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, сударь! успѣть онъ долженъ прежде съ вами,
А тамъ откушать вы пожалуете съ нами.

БУРНАЙ.

Такъ, такъ, да, попросту! Чиновъ я не люблю.
Постойте жъ, побѣгу, его потороплю.

ЧЕСТНОВЪ.

Позвольте жъ съѣздить мнѣ пристойнѣе убраться.

БУРНАЙ.

Чтобъ нашимъ бабушкамъ прелестнѣй показаться.

ЧЕСТНОВЪ.

У дяди дома я и попросту одѣтъ.

БУРНАЙ.

Смотри, не взбаламуть старухъ у насъ, мой свѣтъ.
(*уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Правдонъ и Честновъ.

ЧЕСТНОВЪ.

На праздникѣ такомъ не ждалъ имѣть я чести...

ПРАВДОНЪ.

Вернитесь же скорѣй, такъ всѣ поѣдемъ вмѣстѣ;
Черезъ минуту нашъ одѣнется чудакъ.

ЧЕСТНОВЪ.

Когда позволите, мы расположимъ такъ:
Черезъ минуту я за Лѣнтуломъ заѣду;
Онъ съѣздитъ съ дядею, и къ званому обѣду,
Все дѣло окончавъ, мы съ нимъ успѣемъ быть.

ПРАВДОНЪ.

Одно лишь только тутъ не надобно забыть:
Чтобъ вмѣстѣ всѣмъ отсель отправиться къ графинѣ,

ЧЕСТНОВЪ.

Такъ точно.

(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Правдонъ и Бурнай.

БУРНАЙ.

Ну, мой другъ, порадуйся о сынѣ!
Я зналъ, что будетъ путь, лишь въ немъ увидѣлъ страхъ.
Куда вся лѣнь пошла? Ну, слышь, расчосанъ въ прахъ.
Теперь лишь отъ него пошелъ мусье съ гребенкой.

ПРАВДОНЪ.

Мусье!..

БУРНАЙ.

Да, да, французъ — сухой, высокій, тонкій.
Ну, что ни говори, французамъ исполать:
Не только причесать, умѣютъ растрепать.
Мы попусту, мой другъ, на нихъ кричимъ частенько;
Ихъ только надобно распредѣлять умненько.
Учить дѣтей они у насъ не мастера,
За то ужъ лучшіе портные, повара
И парикмахеры. Иной, какъ чудо, гадокъ, —
А съ ихъ подправкою, какъ выточенный, гладокъ.
Вотъ давича Лѣнтулъ — ну, точно былъ какъ звѣрь.
Взгляните-ко на него — какъ писаный теперь,
А только голова еще одна готова.
Эй! позовите дочь — мнѣ только ей два слова
Скорѣе приказать.

. . . . . .

215

КОФЕЙНИЦА.

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

И. А. КРЫЛОВА.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Послѣ двухъ предыдущихъ комедій Крылова, доставлена намъ и его *Кофейница*, нынѣ въ первый разъ печатаемая. Леонидъ Михайловичъ Лобановъ, сынъ умершаго въ 1846 году академика, автора извѣстной статьи о Крыловѣ, нашелъ эту оперу въ бумагахъ покойнаго Михаила Евстафьевича и обязательно передалъ ее мнѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими автографами, для напечатанія въ академическомъ изданіи. Рукопись *Кофейницы* составляетъ особую тетрадь въ четверть листа, переписанную начисто рукой самого Крылова и, очевидно, вскорѣ послѣ сочиненія пьесы, которое относятъ къ 1783-му или 1784-му году. Почеркъ этой тетради совершенно сходенъ съ тѣмъ, какимъ писана въ 1783 г. челобитная Крылова объ опредѣленіи его въ с.-петербургскую казенную палату (см. ниже стр. 328): для удостовѣренія прилагается снимокъ первыхъ строкъ какъ этого документа, такъ и *Кофейницы*.

О времени и мѣстѣ сочиненія этого перваго опыта Крылова, показанія его біографовъ нѣсколько разнорѣчатъ между собой: по свидѣтельству г-жи Карлгофъ, статья которой напечатана еще при жизни баснописца[1]), Крыловъ привезъ *Кофейницу* съ собою въ Петербургъ, когда мать его (въ 1783 г.) пріѣхала туда хлопотать о пенсіи; на этомъ основаніи и Плетневъ говоритъ, что Крыловъ написалъ названную оперу на 15-мъ году. Лобановъ, напротивъ того, сообщаетъ, что она написана имъ въ Петербургѣ, когда ему было 16-ть лѣтъ. Какъ бы ни было, біографы согласны въ томъ, что онъ вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ отдалъ эту пьесу книгопродавцу Брейткопфу, который однакожъ оставилъ ее непзданною, а впослѣдствіи, встрѣтясь съ Крыловымъ на службѣ въ Императорской Публичной библіотекѣ, возвратилъ ему рукопись *Кофейницы*. Плетневъ прибавляетъ, что Гнѣдичъ выпросилъ ее у Крылова, какъ драгоцѣнность, и хранилъ у себя до смерти, завѣщавъ ее по духовной вмѣстѣ съ своею библіотекою Полтавской гимназіи, гдѣ

[1]) Въ журналѣ *Звездочка* 1844 г., № 1.

переводчикъ Гомера началъ свое образованіе. Если это показаніе справедливо, то значитъ, что у Крылова было двѣ рукописи первой его пьесы: можетъ быть, онъ подарилъ Гнѣдичу черновой автографъ, а чистый отдалъ М. Е. Лобанову, который поэтому и могъ помѣстить въ статьѣ своей о Крыловѣ извлеченіе изъ *Кофейницы* съ очеркомъ ея содержанія.

Между рукописями, полученными мною отъ Л. М. Лобанова, слѣдующія относятся также къ трудамъ или біографіи Крылова:

1) Полный списокъ шуто-трагедіи *Подщипа*, болѣе извѣстной подъ именемъ *Трумфъ* и напечатанной въ 1859 году въ Берлинѣ. Тетрадь эта писана неизвѣстнымъ почеркомъ, но мѣстами есть поправки руки автора. На заглавномъ листѣ любопытна отмѣтка: «Сочинена въ Казацкомъ, въ 1800 г.». (Ср. выше въ «Дополнительномъ извѣстіи» стр. 37). Вѣрная копія съ этой рукописи, съ варіянтами, извлеченными г. Кеневичемъ изъ другихъ списковъ и изъ печатнаго текста, передана въ академическую библіотеку.

2) Двустишіе Крылова:

Полезенъ ли друзьямъ о баснѣ сей урокъ,
Не знаю — а творцу бѣдняжкѣ онъ не впрокъ,

написанное его рукой на брошюрѣ графа Д. И. Хвостова: «Нѣкоторыя мысли о сущности басни» (Ср. статью Лобан. стр. 64).

3) Подлинная записка Лобанова къ Крылову, отъ 31 янв. 1841 г., слѣдующаго содержанія: «Вотъ ваша біографія, написанная Каменскимъ, почтенный Иванъ Андреевичъ. Прочитайте ее, поправьте или вымарайте, что заблагоразсудите. Я боленъ и не могу къ вамъ сойти [1]. Вашъ Лобановъ».

Изъ этой записки мы почерпаемъ любопытное свѣдѣніе, что статья Бантышъ-Каменскаго, которая потомъ, разумѣется съ измѣненіями и дополненіями, явилась въ Словарѣ достопамятныхъ людей (Спб. 1847 г.), была написана почти за четыре года до смерти баснописца. Но онъ возвратилъ ее Лобанову вмѣстѣ съ приведенными строками, написавъ подъ ними карандашемъ:

Прочелъ.
Ни поправлять, ни выправлять
Ни время, ни охоты нѣтъ.

4) Собственноручное возраженіе Крылова по поводу чужихъ стиховъ, напечатанныхъ съ его именемъ. См. ниже.

Я. Гротъ.

[1] Лобановъ служилъ вмѣстѣ съ Крыловымъ въ Публичной библіотекѣ и занималъ также квартиру въ ея домѣ.

КОФЕЙНИЦА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ лѣсъ, въ самой близи деревни, а вдали также лѣса, поля и деревни.

ПРИКАЩИКЪ.

(Выходитъ. Съ сердцемъ).

Чортъ возьми всѣхъ дѣвокъ въ свѣтѣ,
Отъ которыхъ столько бѣдъ:
Отъ которыхъ въ зиму, въ лѣтѣ
Никогда покою нѣтъ;
Отъ которыхъ крестьянамъ,
Управителямъ, боярамъ,
Словомъ, людямъ въ свѣтѣ всѣмъ
Безпокойствъ живутъ тьмы темъ.

Да и мнѣ досталось отъ нихъ терпѣть за грѣхи мои.... Что дѣлать.... Такп вотъ ума не приложу.... Петрушка ужъ женится, и пособить нечѣмъ.... Э, постой! взошло мнѣ на умъ одно дѣло, чѣмъ не токмо свадьбу его съ Анютой разорву, да можетъ быть, этотъ мошенникъ у меня и въ рекруты угодитъ.... Однако.... Да что же? попытка не шутка, спросъ не бѣда.... Да вотъ и онъ идетъ.

Надо передъ нимъ притвориться, чтобъ онъ не догадался, а то и дѣло можно испортить.

ЯВЛЕНІЕ II.

Прикащикъ и Петръ.

ПРИКАЩИКЪ.

А! здравствуй, Петрушка.

ПЕТРЪ.

Здравствуй, Фролъ Сидоровичъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Куда бредешь такъ раненько?

ПЕТРЪ.

Шелъ-было звать тебя къ себѣ на свадьбу, да сказали, что ты вышелъ въ село Гуртиново: такъ и я пошелъ туда, чтобъ тебя оттоль взять къ себѣ, а ты мнѣ здѣсь въ глаза попался.....

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ свадьба-то твоя приходитъ таки къ концу?

ПЕТРЪ.

Дѣло все безъ остановки
Своимъ идетъ чередомъ,
И безъ всякой ужъ размолвки
Зачали вертѣть пиркомъ.

ПРИКАЩИКЪ.

(Съ притворною радостію).

Такъ имѣю честь поздравить
Съ молодой тебя женой.
Дай Богъ счастливо отправить
Вамъ остатокъ пиру свой.

ПЕТРЪ.

Я прошу тебя покорно
Быть на свадебкѣ у насъ.

ПРИКАЩИКЪ.

О, конечно я безспорно
Ту честь сдѣлаю для васъ.

ПЕТРЪ.

Да не позабудь, пожалуй.

ПРИКАЩИКЪ.

Буду: въ томъ увѣренъ будь.

ПЕТРЪ.

И какъ прежде, насъ такъ жалуй.

ПРИКАЩИКЪ.

Только самъ насъ не забудь.

ПРИКАЩИКЪ И ПЕТРЪ.

Мы всѣ будемъ веселиться.
У { насъ / васъ } пѣсни будутъ пѣть.
Скакать, плясать и рѣзвиться
Есть { чего тутъ посмотрѣть / и мнѣ чего смотрѣть.

ПЕТРЪ.

Такъ ин пойдемъ же.

ПРИКАЩИКЪ.

Нѣтъ, теперь мнѣ нельзя, а надо сходить за однимъ дѣломъ къ госпожѣ. А какъ отъ нея отдѣлаюсь, такъ ужъ прямо приду къ вамъ, и домой не заходя.

ПЕТРЪ.

Ну, и то дѣло.

ПРИКАЩИКЪ.

Послушай: ты вчерась у барыни сказки сказывалъ.

ПЕТРЪ.

Я... а что?

ПРИКАЩИКЪ.

Долго ль тамъ сидѣлъ?

ПЕТРЪ.

Охъ! часу до двѣнадцатаго, и уже языкъ примололся. Я не знай, какъ это барыня такъ долго не засыпаетъ... да только, что

и говорить? живетъ себѣ, какъ въ раю, нужды не знаетъ, горя не вѣдаетъ. Вздумаешь-ли когда про сонъ, пожилъ бы хоть недѣльку на ея мѣстѣ.

ПРИКАЩИКЪ.

Сегодня кто будетъ сказывать?

ПЕТРЪ.

Сегодня надо было моему сосѣду Пантелеймону, да барыня-то хотѣла ѣхать въ городъ и тамъ ночевать; такъ ужъ и не будутъ сказывать.

Не одни лишь только сказки
Этихъ барынь веселятъ;
Да сказать, такъ вѣдь и таски
Намъ за то не миновать.

ПРИКАЩИКЪ.

(Подумавъ, особо).

Ладно... *(Въ слухъ)* Такъ прощай пока; я тотчасъ ворочусь, а ты подожди.

ПЕТРЪ.

Хорошо.... да пожалуйста, поскорѣй.

ПРИКАЩИКЪ.

(Уходя).

Тотчасъ....

ЯВЛЕНІЕ III.

ПЕТРЪ.

А я покамѣстъ спою, да кое-чего съ собою покалякою; да что жъ бы мнѣ спѣть-то? а вотъ что:

Во всемъ нашемъ околоткѣ
Пѣтъ прекраснѣе Анютъ;
Только все моей красотки
Лучше вѣрно не найдутъ.

Рѣзвится-ль она бываю,
Пляшетъ, пѣсни-ли поетъ,
Все къ ней лучше всѣхъ пристало
И все какъ-то къ ней идетъ.

Стоитъ съ нею лишь сойтиться,
Пошутить, поговорить,
Поплясать и порѣзвиться,
Чтобъ смертельно полюбить.

Какая это дѣвка! мнѣ кажется, во всемъ свѣтѣ ея милѣе нѣтъ: ну вотъ.....[1]). То-то я съ нею поживу, поцарствую. Ба! да вотъ и она идетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Петръ и Анюта.

ПЕТРЪ.

Анюта, здорово!

АНЮТА.

(Кланяется).

Что тебя такъ долго не видать?

ПЕТРЪ.

Да какъ вчера я отъ васъ вышелъ, такъ все въ суетахъ да въ хлопотахъ, то тамъ, то сямъ, вездѣ надобенъ. Дѣло свадебное: такъ какъ безъ работы? а теперь было шелъ звать Борисыча къ намъ, да онъ мнѣ на ту пору самъ попался и сказалъ, чтобъ я его здѣсь подождалъ, покамѣстъ онъ воротится..... Такъ-то, Анюта: такъ ты скоро будешь моя жена. Эхъ! кабы можно, такъ теперь же бы на тебѣ обвѣнчался, да старики-то все пиры да заговоры, то да се; да эдакъ мнѣ и ввѣкъ тебя не дождаться будетъ.

АНЮТА.

Ну, полно все объ одномъ твердить; вѣдь это, кажется, стыдно: разъ сказалъ, да и полно.

ПЕТРЪ.

(Взявъ ее за руку).

Не стыдись меня, Анюта:
Я вѣдь здѣшній, не чужой;

---

[1]) Здѣсь точки поставлены вмѣсто четко-, но очевидно невѣрно написаннаго въ подлинникѣ слова: *точная.*

Иль забыла, что Петруша
Говоритъ теперь съ тобой?

АНЮТА.

Да вѣдь я не горожанка,
Чтобъ стыда-то мнѣ не знать;
А и тамъ пна дворянка
Стыдъ умѣетъ разбирать.

ПЕТРЪ.

Пусть хоть надобно стыдиться,
Только вѣдь не женпха;
А то ужъ и не годится,
Что къ нему ты такъ строга.

АНЮТА.

Да кого же я стыдиться
Стану, коль не женпха?
А то дѣвкѣ не годится,
Коль она ужъ такъ строга [1]).

ПЕТРЪ.

Эхъ, Анюта! какъ тебѣ не стыдно? будто впервые со мною видишься! кажется, ужъ третій годъ другъ друга знаемъ, а ты такъ дичишься.

АНЮТА.

Ну, да что ты хочешь говорить?

ПЕТРЪ.

Вотъ что: вѣдь сегодня у насъ сберутся.

АНЮТА.

Вотъ только у тебя и рѣчей-то, что о свадьбѣ! ну, скоро; на что тебѣ?

ПЕТРЪ.

Вѣдь насъ завтра обвѣнчаютъ.

АНЮТА.

Тьфу! какой безотвязный! ну, такъ что жъ?

---

[1]) Надъ словомъ *строга* написано: *плоха*.

ПЕТРЪ.

Обвѣнчавши, насъ поведутъ домой.

АНЮТА.

Ну?

ПЕТРЪ.

А тамъ?

АНЮТА.

(Улыбаясь.)

А тамъ я, право, скоро тебя выбраню или тотчасъ уйду. Ну, что-йто хорошаго? все одно, да одно; какъ заладилъ, такъ ужъ и не отстанетъ.

ПЕТРЪ.

Полно, будто и сердится! смотриткася, притворяться вздумала; да вѣдь тебя скоро можно узнать, сердишься или нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Прикащикъ и прежніе.

ПРИКАЩИКЪ.

Здравствуйте, друзья!

ПЕТРЪ И АНЮТА.

(Кланяясь.)

Здравствуй, сударь.

ПРИКАЩИКЪ.

Объ чемъ совѣтуете?

ПЕТРЪ.

Да такъ, кое-что калякаемъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Коли дѣвка съ молодцомъ,
Да въ такомъ лѣсу густомъ,
Знать, калякали путемъ.

Да не помѣшалъ-ли я вамъ? я пнъ и прочь пойду: я на это сговорчивъ.

АНЮТА.

(Тихо къ Петру.)

Скажи, что помѣшалъ.

ПЕТРЪ.

(Анютѣ.)

Нѣтъ, еще будетъ сердиться.

ПРИКАЩИКЪ.

Право, пойду.

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, Сидоръ Фроловичъ: право, мы вѣдь только отъ скуки говорили.

ПРИКАЩИКЪ.

Ну, такъ ишъ я останусь.

ПЕТРЪ.

Да къ намъ-то чтоже? *(Тихо Анютѣ.)* Примолви и ты его.

АНЮТА.

(Петру.)

Нѣтъ, я лучше уйду: я какъ на огнѣ горю.

(Хочетъ уйти.)

ПРИКАЩИКЪ.

Куда же ты, Анюта, бѣжишь?

АНЮТА.

Домой, Сидоръ Фроловичъ: матушка, я чай, и такъ сердится, что я такъ долго зашла.

ПРИКАЩИКЪ.

Бѣдная! вотъ какъ съ нимъ стоитъ, такъ ни объ матушкѣ, ни о батюшкѣ не вспомнитъ, а при мнѣ, такъ и матушка сердиться будетъ.

АНЮТА.

Ну, да изволь: я останусь, да ты скажи ей, что ты мнѣ велѣлъ остаться, коли меня бранить будутъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Вотъ хорошо: ха, ха, ха! она будетъ въ лѣсу перебивать то съ тѣмъ, то съ сѣмъ, а я возьми на себя.

АНЮТА.

Ну, такъ прощайте: мнѣ ужъ и теперь быть браненой.

ПРИКАЩИКЪ.

Добро, добро: я ужъ скажу на себя.

АНЮТА.

Да зачѣмъ же я тебѣ надобна?

ПРИКАЩИКЪ.

Барыня приказала тебѣ сказать... *(Петру.)* Э! да я и позабылъ тебѣ сказать.

ПЕТРЪ.

Что такое?

ПРИКАЩИКЪ.

Вѣдь тебя сломя голову ищутъ, и меня спрашивали мимоходомъ, не видалъ ли я гдѣ тебя, да я въ забытяхъ сказалъ, что не знаю.

ПЕТРЪ.

Да кто спрашиваетъ?

ПРИКАЩИКЪ.

Свадебные почетные.

ПЕТРЪ.

Такъ ишь пойти... Прощайте жъ.

Мнѣ любовь лишь утѣшенье,
А Анюта въ ней веселье;
Съ ней весь вѣкъ я буду жить
И ее одну любить.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анюта и Прикащикъ.

АНЮТА.

Что такое барыня мнѣ велѣла сказать?

ПРИКАЩИКЪ.

Барыня?... ничего... а я самъ хочу тебѣ сказать.

АНЮТА.
(Съ негодованіемъ.)

Что такое? сказывай, пожалуйста, поскорѣе.

ПРИКАЩИКЪ.

Послушай, Анюта: ты знаешь, какъ я люблю твою семью.

АНЮТА.

О Господи! Ну, такъ что жъ?

ПРИКАЩИКЪ.

Ты знаешь, что я вамъ всегда дѣлалъ льготы, сколько можно было.

АНЮТА.

Ну да, знаю.

ПРИКАЩИКЪ.

Ты знаешь, что я васъ рѣже противъ прочихъ гонялъ на работу.

АНЮТА.

О Боже мой! ну да, коли я знаю, такъ на что жъ это говорить?

ПРИКАЩИКЪ.

Послушай же, ты теперь выходишь за мужъ.

АНЮТА.

Такъ что жъ?

ПРИКАЩИКЪ.

А вотъ что: что этотъ женихъ совсѣмъ не подъ стать.

АНЮТА.

Кто, Петръ? Петръ? мнѣ не подъ стать.

ПРИКАЩИКЪ.

И конечно: а я бы тебѣ сыскалъ жениха въ десять мѣръ лучше его.

АНЮТА.

Ну вотъ, ты знаешь, что я не сама большая, да и кого жъ бы ты лучше-то его сыскалъ?

ПРИКАЩИКЪ.

Человѣка степеннаго, разумнаго, тихаго, не послѣдняго гуляку, у котораго водятся денежки, харчикъ и скотинка, который собою не дуренъ и еще не старъ, и который тебя смертельно любитъ.

АНЮТА.
(Особо.)

Ужъ не себя ль онъ эдакъ честитъ? Ахъ! пропала моя головушка. *(Прикащику)* Да кто жъ бы это такой былъ? я, право, не знаю.

ПРИКАЩИКЪ.

Эдакая недогадливая! развѣ ты не догадалася, что это я самъ?... Ну, теперь разсуди хорошенько,

Лучше ль быть тебѣ крестьянкой
Иль прикащицкой женой:
Вѣдь прикащица съ дворянкой
Поравняется собой.

Такъ-то, Анюта!

АНЮТА.

Чтобъ я пошла за прикащика! да еще за тебя!.. да развѣ я съ ума сойду?

ПРИКАЩИКЪ.

Зачѣмъ же тебѣ прикащицкая-то жизнь не нравится?

Я въ деревнѣ здѣсь живу какъ властелинъ
И въ почтеньи больше нежель господинъ.
Всякій здѣсь меня боится,
Всякъ послушенъ и страшится:
Я всегда всѣхъ воленъ бить,
Какъ лишь можетъ въ умъ придтить.

АНЮТА.

Такъ это и хорошо, что ты всегда дерешься?

ПРИКАЩИКЪ.

Я съ крестьянъ оброкъ сбираю,
Баръ своихъ пренебрегаю,

Все беру, ловлю, хватаю
И карманы набиваю,
Отъ чего сталъ такъ богатъ,
Что всякъ тестемъ мнѣ быть радъ.

АНЮТА.

Коль когда ты попадешься
Въ плутняхъ эдакихъ своихъ,
Такъ и съ рекрутъ не сорвешься
У помѣщиковъ лихихъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Трудно имъ поймать такого,
Моя милость какова:
У меня всегда готова
На увертки голова.

АНЮТА.

Хоть одинова узнаютъ,
Такъ въ зашейникъ натолкаютъ,
На конюшнѣ отдерутъ
И въ солдаты отдадутъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Этого-то и не взвидишь,
Чтобъ когда попался я!

АНЮТА.

Авось скоро ты увидишь
Чужи-дальные края.

ПРИКАЩИКЪ.

Эй, Анюта, постыдися.

АНЮТА.

Мнѣ не для чего краснѣть,
А ты лучше самъ уймися.

ПРИКАЩИКЪ.

Будешь же и ты жалѣть.

АНЮТА.

Право, я жалѣть не буду,
Что не быть тебѣ женой:
Только ввѣкъ не позабуду
Разсказать поступокъ твой.

(Уходитъ.)

ПРИКАЩИКЪ.

(Вмѣстѣ.)

Какъ ни стану, а добуду:
Будешь ты моей женой.
Развѣ Фрюломъ я не буду,
Иль умъ потеряю свой.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прикащикъ и Новомодова.

НОВОМОДОВА.

О, проклятые лакеи,
Окаянный хамовъ родъ!
О, безстыдные злодѣи,
Чтобы всѣхъ васъ побралъ чортъ!
Вы господъ вѣкъ мучить ради
И отъ васъ всегда досады
Пьянства, злобы, плутовства,
Смутъ, ссоръ, дракъ и воровства!

Да развѣ мнѣ не допытаться изъ васъ виноватаго? Нѣтъ, этого-то ввѣкъ не будетъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Что такое сдѣлалось, сударыня?

НОВОМОДОВА.

У меня украли ложки,
Не оставили ни крошки:
Ихъ безъ спросу унесли
И слѣды ужъ заросли.

ПРИКАЩИКЪ.

Ахъ! какъ это?

НОВОМОДОВА.

Вчерась ко мнѣ изъ городу привезли дюжину столовыхъ серебряныхъ ложекъ. А я ихъ, поглядѣвши, и положила въ моей спальнѣ на столъ; сегодня хватилась; анъ ужъ ихъ и нѣтъ; од-

нако у меня найдутся: ни на одной бестіи живаго мѣста не оставлю.

Ваньку, Ташку,
Петьку, Дашку,
Съ ними вмѣстѣ и Парашку
Я смертельно отдеру
И ихъ всѣхъ переберу.

ПРИКАЩИКЪ.

Барыня! да вѣдь кто-нибудь одинъ виноватъ, а вы всѣхъ бить хотите.

НОВОМОДОВА.

Для того, чтобы другъ за другомъ крѣпче смотрѣли, а то нѣтъ, уже и избаловались, давно не пороты: имъ каждому надо на всякой день бани по три давать, такъ и будутъ какъ шелковые; а то это бездѣлица въ недѣлю вытерпѣть дранины двѣ..... Господи, Боже мой! посмотришь въ людяхъ: то такъ любо-дорого глядѣть, какъ смирны, какъ тихи, какъ вѣжливы, какъ чисты на руку, а отчего? оттого, что часто бьютъ; а то съ ними хоть чуточку ласково обойдись, такъ и носъ поднимутъ;

Лишь спусти съ нихъ чуть-чуть глазки,
Съ ними обойдись добромъ,
И не дай въ день двѣ-три таски,
Такъ и будетъ домъ вверхъ дномъ.
Только я поправлю скоро свою погрѣшность.

ПРИКАЩИКЪ.

Боярыня, да иной совсѣмъ не знаетъ...

НОВОМОДОВА.

Драться я не не умѣю,
Всѣхъ ихъ буду порознь драть;
Рукъ своихъ не пожалѣю
Виноватаго сыскать.

ПРИКАЩИКЪ.

Да иной совсѣмъ не знаетъ,
Что пропажа есть у насъ.

НОВОМОДОВА.

Палка это угадаетъ,
Какъ дастъ всякому сто разъ.
Драться я не не умѣю,
Всѣхъ ихъ буду порознь драть,
Рукъ своихъ не пожалѣю
Виноватаго сыскать.

ПРИКАЩИКЪ.

Да другій чѣмъ виноваты?
Ихъ за что хотите бить?

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ ни малой всѣмъ пощады,
Поколь ложекъ не найтить.
Драться я не не умѣю,
Всѣхъ ихъ буду порознь драть;
Рукъ своихъ не пожалѣю
Виноватаго сыскать.

ПРИКАЩИКЪ.

Говорить ужъ не умѣю
И не знаю, что начать;
Только право я робѣю,
Чтобъ чего не накачать.

НОВОМОДОВА.

Съ живыхъ кожи до пятъ спущу.

ПРИКАЩИКЪ.

Э, постойте, барыня: я нашелъ одинъ способъ, коимъ, можетъ быть, сыщемъ виноватаго и ваши ложки.

НОВОМОДОВА.

Палки скажутъ мнѣ,
У кого онѣ;
Я сказала,
Не солгала,
Что ихъ всѣхъ переберу
И какъ бѣлокъ обдеру.

ПРИКАЩИКЪ.

Да упрямый воръ хоть радъ умереть, а не сказать.

НОВОМОДОВА.

Палки скажутъ мнѣ,
У кого онѣ;
Я сказала,
Не солгала,
И потоль не отойду,
Поколь ложекъ не найду.

ПРИКАЩИКЪ.

Да мы и безъ побой сыщемъ виноватаго.

НОВОМОДОВА.

Палки мнѣ вѣрнѣе скажутъ,
Виноватаго докажутъ,
Ложки вынутъ, отдадутъ
И мошенниковъ уймутъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Да какъ вора вы найдете,
Такъ его вы отдерете,
Какъ угодно вамъ;
Я расправлюсь самъ.

НОВОМОДОВА.

Ну, да что такое, честью что ль ты правду отъ нихъ хочешь вывѣдать? такъ этого и вѣкъ не дождаться.

Правды вѣкъ ты не узнаешь,
Какъ на просьбу уповаешь:
Ради всѣхъ хотя изстыть,
Нежель правду объявить.

ПРИКАЩИКЪ.

Да я ихъ и испрашивать не буду.

НОВОМОДОВА.

Да ин какъ же ты хочешь, — ужъ это и мнѣ непонятно.

ПРИКАЩИКЪ.

Вы знаете, какъ хорошо умѣютъ гадать кофейницы, которыхъ искусство ужъ весь свѣтъ знаетъ; а до городу не болѣе отсель 2-хъ верстъ; такъ мы за ней сносылаемъ Дашлку, и она вамъ вѣрно скажетъ виноватаго.

НОВОМОДОВА.

И вѣдомо такъ; такъ пошли же за ней сейчасъ на лошади.

ПРИКАЩИКЪ.

Очень хорошо, барыня.

НОВОМОДОВА И ПРИКАЩИКЪ.

Она скажетъ безъ утайки,
Кто изъ нашихъ ложки взялъ;
А изъ праведной ихъ шайки
Ни одинъ еще не лгалъ.

НОВОМОДОВА.

Допытаюсь, постараюсь,
Постараюсь;
Сломлю голову рублю,
Да ужъ съ вора я слуплю.

ПРИКАЩИКЪ.

Ей узнать,
Намъ сказать
Это ничего не стоитъ,
Коли въ платѣ не поспоритъ.

НОВОМОДОВА И ПРИКАЩИКЪ.

Они знаютъ,
Не болтаютъ,
Тотчасъ правду открываютъ,
И лишь взглянутъ, тайну вмигъ
Скажутъ, ложки кто подстригъ.

НОВОМОДОВА.

То-то дамъ отраду сердцу,
Шельму вора въ гробъ прибью.

ПРИКАЩИКЪ.

Ужъ и я поддамъ же перцу,
Хотя съ ногъ себя собью.

НОВОМОДОВА.

Мнѣ не впе́рвой съ ними драться.

ПРИКАЩИКЪ.

Мнѣ не впе́рвой ихъ учить.

НОВОМОДОВА.

Лихо бъ только что додраться.

ПРИКАЩИКЪ.

Мнѣ изволь лишь поручить.

НОВОМОДОВА И ПРИКАЩИКЪ.

Ну, теперь пошлемъ Данилку,
За кофейницей въ посылку;
А какъ скажетъ вора намъ,
Приберемъ его къ рукамъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ садъ; съ одной стороны барскій домъ, изъ котораго въ садъ крыльцо; на крыльцѣ стоятъ нѣсколько стульевъ и креселъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прикащикъ и Кофейница идутъ съ одной стороны.

ПРИКАЩИКЪ.

Нѣтъ, безъ шутокъ, ты мнѣ нада
Для нужды для большой.

КОФЕЙНИЦА.

Я тебѣ служить вѣкъ рада
И тѣломъ и душой.

КОФЕЙНИЦА. ПРИКАЩИКЪ.

(Вмѣстѣ.)

Я тебѣ служить готова, У меня машна готова,
И объ этомъ нѣтъ ни слова; Въ платѣ спору нѣтъ ни слова;
На меня лишь положись, На меня ужъ положись,
Только самъ не оплошись. Сама только не плошись.

КОФЕЙНИЦА.

Только воля твоя, Борисычь; а я право не понимаю, что̀ ты за дьявольщину городишь: быть пророкомъ, угадывать прошедшее, настоящее и будущее, вѣдь это не моей головѣ; тебѣ надобенъ либо чортъ, либо угодникъ. Да скажи яснѣй, что такое?

ПРИКАЩИКЪ.

А вотъ видишь, что: я ужъ давно люблю здѣсь одну дѣвушку, Анюту, дочь Артамонову, а она также любитъ Петра, здѣшняго крестьянина, который ее любитъ же, и они нынѣ выпросили у барыни позволеніе обвѣнчаться; что имъ и дозволено, а мнѣ хочется взять Анюту за себя....

КОФЕЙНИЦА.

Горе, прикащикъ. Да ты бы ее просилъ у ея отца и матери.

ПРИКАЩИКЪ.

Да ужъ это было.

КОФЕЙНИЦА.

Да что?

ПРИКАЩИКЪ.

Они было согласились; да это видѣла Анюта, сказала имъ, что она сама на себя руки подниметъ, ежели ее за меня отдадутъ, а дураки-то и повѣрили, да мнѣ и отказали.

КОФЕЙНИЦА.

Нѣтъ, такъ ужъ тутъ и самъ чортъ не пособитъ, не только я, грѣшная.

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ видно, что я хитрѣе чорта, для того что ужъ половину дѣла сдѣлалъ.

КОФЕЙНИЦА.

Что ты говоришь! да какъ это?

ПРИКАЩИКЪ.

А вотъ какъ: барыня моя, когда живетъ въ деревнѣ, то всегда беретъ къ себѣ крестьянъ и крестьянокъ сказки сказывать подъ вечеръ; а вчерась у ней сказки сказывалъ Петръ, а я подъ его слѣдъ и подтянулъ сегодня изъ спальни дюжину новыхъ серебряныхъ ложекъ, только право не изъ корыстолюбія, а для того, чтобъ на него пала вина.

КОФЕЙНИЦА.

Да тебѣ изъ этого что прибыли?

ПРИКАЩИКЪ.

Какъ что? ты еще всего не знаешь: барыня моя великая охотница продавать молодыхъ ребятъ въ рекруты.

КОФЕЙНИЦА.

Вотъ хорошая охота: ну!

ПРИКАЩИКЪ.

И за самую малую бездѣлицу рада отдать лучшаго парня изо всей деревни; а какъ Петра удастся мнѣ подловить и на него взнести кражу, то это твердо знаю, что ему быть въ рекрутахъ; а для лучшаго увѣренія госпожѣ, и я присовѣтовалъ уже ей спросить у кофейницы виноватаго, и тутъ-то ты покажи свою проворность. Сказавъ его примѣты и невѣстины, да также нѣсколько приключеній барыни, легко ты ее увѣришь, что Петръ укралъ ложки.

КОФЕЙНИЦА.

О! такъ я тебя увѣрю, что Анюта будетъ твоя [1]).

ПРИКАЩИКЪ.

Постой же: я разскажу тебѣ нѣкоторыя ея приключенія. Анюту-то и Петра ты давеча видѣла.

---

[1]) Въ подлинной рукописи послѣ этого стоитъ еще слово: *живши*; такъ какъ передъ нимъ поставлена точка, то надобно думать, что авторъ хотѣлъ прибавить тутъ еще предложеніе, но остановился на первомъ словѣ. Подобныя неисправности встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ рукописи, окончательно не провѣренной Крыловымъ.

КОФЕЙНИЦА.

А приключенія-то ея я лучше тебя знаю, для того что была повѣренной ея сестры, съ которой барыня твоя очень дружна.

ПРИКАЩИКЪ.

Вотъ этого и не надо лучше.

КОФЕЙНИЦА.

Однако не совсѣмъ хорошо: изъ этого и дурное можетъ быть.

ПРИКАЩИКЪ.

Вотъ, будто тебѣ впервой обманывать!

КОФЕЙНИЦА.

Да вѣдь обманъ обману розь, а за эдакой обманъ я бы и съ батюшки роднаго сгладила за работу.

ПРИКАЩИКЪ.

Да ужъ я те не забуду:
Какъ женой Анютѣ [1]) буду,
Такъ хорошій хлѣбъ добуду;
Будешь насъ благодарить.

КОФЕЙНИЦА.

Надо мной тебѣ шутить
Надо поумнѣе быть,
Вѣдь не дура я какая.

ПРИКАЩИКЪ.

Что ты, вѣдьма городская?
Развѣ здорю я съ тобой?

КОФЕЙНИЦА.

И не здорь таки со мной.

ПРИКАЩИКЪ.

Да что жъ ты, ничего не видя, такъ разгорячилась?

---

[1]) Конечно ошибка, вмѣсто:
«Какъ Анютѣ мужемъ буду».

КОФЕЙНИЦА.

А ты что меня за дуру нашелъ, что сулишь мнѣ заплатить тогда, какъ на Анютѣ будешь женатъ? нѣтъ, а ты не сули журавля въ морѣ, дай синицу въ руки, а ясненькій сказать,

Я тогда за трудъ сбираю,
Когда дѣло зачинаю.

ПРИКАЩИКЪ.

Я и отъ того не прочь;
Лишь изволь ты мнѣ помочь.

Да что тебѣ надобно? пиъ мы поторгуемся.

КОФЕЙНИЦА.

Да коль я когда счастливо
Дѣломъ этимъ поверну,
Дать мнѣ ложекъ шестерню
Не велико будетъ диво.

ПРИКАЩИКЪ.

Ахъ, любезная кума!
Никакъ ты сошла съ ума:
Да я лучше удавлюся,
Нежель въ ложкахъ подѣлюся,
Развѣ я ума ряхнуся.

КОФЕЙНИЦА.

Да пожалуй, не давай
И меня пиъ не замай;
Коль упрямъ, такъ пиъ прощай.

ПРИКАЩИКЪ.

Я сыщу, кли[1]) такъ, другую,
Не такую дорогую;
А ты подь себѣ домой,
Мнѣ не нуженъ разумъ твой.

---

[1]) Именно кли, а не коль.

КОФЕЙНИЦА.

Не сыскать тебѣ другую,
Такъ какъ я не дорогую;
Я пойду таки домой,
А ты здѣсь ищи другой.
Такъ ты мнѣ не дашь шести ложекъ?

ПРИКАЩИКЪ.

Не дамъ, конечно не дамъ: шесть серебряныхъ ложекъ, вѣдь это не шутка.

КОФЕЙНИЦА.

И таки не дашь?

ПРИКАЩИКЪ.

Нѣтъ!

КОФЕЙНИЦА.

Вѣрно?

ПРИКАЩИКЪ.

Вѣрно!
Лучше я Анюту кину,
Нежель дамъ ихъ половину.
Что пустое калякать?
Вѣкъ тебѣ ихъ не видать.

КОФЕЙНИЦА.

Будешь же и всѣ давать, да не во время.

ПРИКАЩИКЪ.

Грози богатому, богатый денежку дастъ, а мнѣ нешто сдѣлаешь: съ твоихъ то угрозъ я великъ взросъ.

КОФЕЙНИЦА.

Хорошо жъ! Вонъ идетъ барыня; я ей сей же часъ про твои плутни разскажу.

ПРИКАЩИКЪ.

Ахъ, кумушка! прости Бога ради: согрѣшилъ я, окаянный; право, не буду впередъ съ тобой ссориться.

КОФЕЙНИЦА.

А, а! теперь трусу праздновать! ну, шъ помиримся: ужъ я

прощу, только вѣдь даромъ и попы грѣховъ не прощаютъ; такъ и ты, сынъ духовный, давай мнѣ скорѣе за мировую.

ПРИКАЩИКЪ.

Ахъ! да что такое мнѣ тебѣ дать! у меня, право, денегъ ни полушки нѣтъ.

КОФЕЙНИЦА.

Ну же, скорѣй! вѣдь вонъ она очень близко.

ПРИКАЩИКЪ.

Ахъ! да мнѣ... вотъ тебѣ; только, пожалуйста, молчи *(даетъ ей одну ложку, которую она съ поспѣшностію прячетъ)* и поворожи въ мою пользу.

КОФЕЙНИЦА.

Это за мировую, а за ворожбу-то у меня таки не отойдешь безъ шести ложекъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Ужо, право, и тѣ отдамъ; а теперь сама видишь, что некогда.

КОФЕЙНИЦА.

Ну, ин хорошо, и я въ свой чередъ соглашусь.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Новомодова.

ПРИКАЩИКЪ.

Вотъ, барыня! кофейница, которая можетъ очень хорошо угадывать прошедшее, настоящее и будущее.

НОВОМОДОВА.

Пожалуй, мадамъ, угадай мнѣ, кто у меня...

КОФЕЙНИЦА.

О, сударыня! пожалуйте, не сказывайте причины вашего гаданья: искусная кофейница это и безъ спрашиванія сама узнаетъ; только я хочу, чтобъ здѣсь людей не было.

НОВОМОДОВА.

Очень хорошо.... Борисычъ, поди отсель въ покои и пришли сюда столъ съ кофеемъ для гаданья.

ЯВЛЕНІЕ III.

Новомодова и Кофейница.

НОВОМОДОВА.

Коли ты мнѣ угадаешь
И подробно все узнаешь,
То увѣрена въ томъ будь,
Что за трудъ тебѣ дадутъ.

КОФЕЙНИЦА.

Ужъ не впервой я гадаю,
Да не лгу лихъ никогда,
За что плату получаю
Непостыдную всегда,
И васъ въ свтомъ увѣряю,
Что не вдолгѣ угадаю.

НОВОМОДОВА.

Я жъ тебѣ за то, мадамъ,
Цѣлый рубль съ полтиной дамъ.

(Въ сію минуту приноситъ дѣвка столъ съ кофеемъ и, поставивъ его на крыльцо, уходитъ; а Кофейница и Новомодова входятъ на крыльцо и садятся за столикъ. Прикащикъ показывается украдкою изъ-за палатъ, и въ то время, какъ кофейница сказываетъ, онъ благодаритъ ее пантомимами).

КОФЕЙНИЦА.

(Смотря въ кофе.)

Какъ ваше имя, сударыня?

НОВОМОДОВА.

Да развѣ ты не можешь это угадать на кофеѣ? да на что же тебѣ его и знать? не по имени ли и по отечеству хочешь ты меня звать?

КОФЕЙНИЦА.

Конечно, сударыня.

НОВОМОДОВА.

О, мадамъ! пожалуйте, не дѣлайте этого дурачества, для того что оно пахнетъ русскимъ обычаемъ и ужасть какъ нехорошо: я никогда во Франціи не слыхала, чтобъ тамъ другъ дружку звали по имени и по отчеству, а всегда зовутъ мамзель или мадамъ, а это только наши русскіе дураки это дѣлаютъ, и это безмѣрно какъ дурно.

КОФЕЙНИЦА.

Какъ же вамъ угодно, чтобъ я васъ звала?

НОВОМОДОВА.

Пожалуйте, зовите меня мадемуазель.

КОФЕЙНИЦА.

Да вѣдь, сударыня, этимъ именемъ звать только можно дѣвицъ, а я по кофею угадываю, что вы уже давно вдовою.

НОВОМОДОВА.

Да, это правда, что я вдова; однако я множество нынѣшнихъ дѣвицъ, которыя, что называется, умѣютъ жить въ большомъ свѣтѣ, и вдовъ почитаю заодно, для того что ни дѣвица, ни вдова не зависитъ отъ мужней власти, и всякая живетъ по своей волѣ.

КОФЕЙНИЦА.

Однако я думаю, что дѣвица и вдова совсѣмъ несходно, для того что вдова была уже замужемъ, а дѣвица еще не знаетъ, что такое мужъ.

НОВОМОДОВА.

Ха! ха! ха! это было въ адамовы вѣки, жизнь моя, а не нынче: какая подлость дѣвицѣ не знать, что такое мужъ; это ужасно какъ мило! (*Съ нѣкоторою досадою*) однако я думаю, что вамъ не многаго будетъ стоить звать меня мадемуазелью.

КОФЕЙНИЦА.

Очень хорошо, сударыня... прикажете ль мнѣ все до крохи правду сказывать?

НОВОМОДОВА.

Все до крошечки.

КОФЕЙНИЦА.

Мадемуазель, вы вышли восмнадцати лѣтъ замужъ и были въ дѣвицахъ, замужемъ и вдовою такого же честнаго поведенія какъ и нынѣ: понимаете ль, мадемуазель?

НОВОМОДОВА.

Да, это правда, что я съ семнадцати лѣтъ стала такова же, какъ и нынѣ.... о! ты, мадамъ, великая угадчица.

КОФЕЙНИЦА.

Вашъ мужъ скончался отъ....

НОВОМОДОВА.

Ахъ! пожалуй не говори: вѣдь здѣсь садъ, такъ и подслушать могутъ; да что ты такъ издалека зачала?

КОФЕЙНИЦА.

Для того, что я исподоволь люблю добираться до настоящаго.

НОВОМОДОВА.

Ну, инъ хорошо; однако не все, что важно, говори, мадамъ.

КОФЕЙНИЦА.

Вы имѣли, мадемуазель, много любовниковъ и всѣ они были вами довольны.... ахъ! извините, что я громко сказала.

НОВОМОДОВА.

Ха! ха! ха! это не важно, мадамъ.

КОФЕЙНИЦА.

Вы жили очень роскошно, и на васъ не малое число долгу, которые долги обѣщали заплатить ваши любовники.

НОВОМОДОВА.

И это не неправда.

КОФЕЙНИЦА.

Вы уѣхали изъ города, за тѣмъ чтобъ отсутствіемъ вашимъ воспламенить одного выгоднаго любовника.

НОВОМОДОВА.

Такъ точно: какъ же ты хорошо гадаешь!

КОФЕЙНИЦА.

Ба! у васъ вчерась сдѣлалась пропажа, и пропали точно двѣнадцать серебряныхъ новыхъ ложекъ въ вашей спальнѣ.

НОВОМОДОВА.

Это-то мнѣ и надо, чтобъ я узнала мошенника, кто ихъ у меня подтянулъ.

Скажи мнѣ его примѣты —
Ростъ, лицо, станъ, голосъ, лѣты.

КОФЕЙНИЦА.

А вотъ онъ собой каковъ:
Не высокой, чернобровъ,
Смуглъ и очень здоровъ,
Еще не изъ стариковъ.

НОВОМОДОВА.

Такъ! такъ! это точно Петрушка.

КОФЕЙНИЦА.

Скоро будетъ онъ вѣнчаться,
Ужъ на дѣвкѣ сговоренъ,
До вѣнца же дожидаться
Имъ не болѣе двухъ денъ.

НОВОМОДОВА.

Точно онъ.

КОФЕЙНИЦА.

Дѣвка эта не велика,
Не толста и круглолика
И семнадцати ей лѣтъ,
Я скажу, что вѣрно нѣтъ.

НОВОМОДОВА.

Такъ... да опиши мнѣ его примѣты хорошенько, мадамъ.

КОФЕЙНИЦА.

Двадцать лѣтъ ему, не больше;

Васъ немного онъ потоньше
И собой черноволосъ,
И къ лицу умѣренъ носъ.

А короче сказать, онъ вчерась у васъ былъ ввечеру, и ложки въ 12-мъ часу ночью стянулъ со стола.

НОВОМОДОВА.

Ну, теперь пока довольно,
Ворожить на кофе полно:
Знаю, ложки кто унесъ, —
Это сдѣлалъ Петька бѣсъ.

КОФЕЙНИЦА.

Ну, изрядно ли я лажу
Въ кофе съ правдою, мамзель?

НОВОМОДОВА.

Ты мнѣ описала кражу
Чище, нежели свпрѣль.

КОФЕЙНИЦА.

Ну, теперь, мамзель, прощайте:
Мнѣ пора домой идтить;
Лишь, прошу, не забывайте
За труды мнѣ заплатить.

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ, вотъ ты не угадала:
Нынѣ у меня спи ночь;
Ты, что было, все сказала,
А ужо мнѣ попророчь.

КОФЕЙНИЦА.

Да ежели вамъ угодно, такъ я и теперь могу поворожить.

Въ утро, въ вечеръ, ночью, днемъ
Я всегда съ однимъ съ умомъ;
Я всегда равно гадаю —
И, что бъ ни было, узнаю.

НОВОМОДОВА.

Да теперь некогда, для того что я дамъ раздѣлку сей же часъ съ своимъ злодѣемъ. Эй, войди сюда кто-нибудь! *(Дѣвка входитъ)* Возьми столъ съ кофеемъ и кликни прикащика. *(Дѣвка уноситъ столъ; прикащикъ, поклонившись Кофейницѣ, уходитъ изъ-за палатъ; барыня и кофейница встаютъ со стульевъ и сходятъ съ крыльца. Тутъ показывается прикащикъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Новомодова, Прикащикъ и Кофейница.

НОВОМОДОВА.

Знаешь ли, вѣдь ложки-то нашлись.
Мадамъ все мнѣ угадала,
У меня кто ложки взялъ,
И того вточь описала,
Кого ты подозрѣвалъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Что вы говорите? станос[1]) ль дѣло? Ну, мадамъ, подлинно ты великая угадчица.

НОВОМОДОВА.

Ну, теперя спорить буду я всегда,
Что вы въ кофеѣ не лжете никогда,
И хоть драться,
А поддаться
Никому не захочу,
Ни предъ кѣмъ не замолчу.

ПРИКАЩИКЪ.

Я вѣдь сказывалъ вамъ, сколь онѣ умны
И что для того лишь только рождены,
Чтобъ гадать
И все знать
И за то чтобъ деньги брать.

ПРИКАЩИКЪ.

Ну, боярыня, теперь пора и до вора добраться.

---

[1]) Такъ именно въ рукописи.

НОВОМОДОВА.

(Подумавъ).

Нѣтъ, теперь пойдемъ за столъ, а послѣ обѣда я знаю, что съ нимъ дѣлать.

ПРИКАЩИКЪ.

Съ мужикомъ како вамъ дѣло?
Коль онъ самъ такъ плоховатъ,
Должно не боясь и смѣло
Его въ рекруты отдать.

НОВОМОДОВА.

Я сама то жъ затѣваю;
Только право какъ, не знаю.
Ужъ и такъ здѣсь нѣтъ ребятъ,
А онъ парень тароватъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Нынь дадутъ триста иль больше,
А какъ погодить подольше,
Такъ и вполы не дадутъ,
Только ложки пропадутъ.

НОВОМОДОВА.

Да и то правда, вѣдь въ животѣ и въ смерти Богъ воленъ:

Вѣдь частенько молодые
Умираютъ иногда;
А хрычи-то, такъ иные
Живутъ сто лѣтъ безъ вреда.

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ ин велите жъ мнѣ его призвать сюда; а тамъ мы пошлемъ его въ городъ, или и здѣсь приперетъ покрѣпче можно.

НОВОМОДОВА.

Теперь ужъ некогда, да я и послѣ обѣда не отдумаю этого каналью отбоярить,

Развѣ я умру случайно,
Что не дамъ раздѣлки съ нимъ;

А то мнѣ необычайно
Упускать канальямъ спмъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Эхъ, барыня! ну, да какъ, можетъ быть, онъ какъ-нибудь провѣдаетъ, что мы узнали объ его плутовствѣ, такъ вѣдь не замѣшкаетъ и лыжи навострить.

НОВОМОДОВА.

А что ты думаешь, вѣдь и это статется.... такъ ин вели же его призвать сюда.

ПРИКАЩИКЪ.

(Всходитъ на крыльцо, отворяетъ двери и говоритъ).

Послушай, поди скажи Петру, который женится, чтобъ онъ скорѣй сюда пришелъ: барыня дескать спрашиваетъ, да скорѣе *(затворяетъ дверь и подходитъ къ нимъ).*

НОВОМОДОВА.

Ну, теперь то я злодѣю
За покражу отомщу
И ужъ развѣ ошалѣю,
Что вину ему спущу:
Разорву одной минутой
Его свадьбу со Анютой,
Въ гробъ отъ палокъ положу
И въ солдаты посажу.

ПРИКАЩИКЪ.

Лучше этого не нада,
Чтобъ ему за то отмстить.

НОВОМОДОВА.

Сколько же тому я рада,
Что мнѣ въ умъ могло придтить.

НОВОМОДОВА И ПРИКАЩИКЪ.

Пусть други то глядя видятъ,
Сколь безчестно воровать,
И порокъ сей ненавидятъ,
Коль лѣнь въ полѣ побывать.

НОВОМОДОВА.

Я вовѣкъ за воровство спущать не буду
И такихъ ссылать въ солдаты не забуду.
Пусть други то глядя видятъ *и проч.*

ПРИКАЩИКЪ.

Мы воротимъ ложки черезъ сей манеръ,
А другимъ ворамъ пусть будетъ онъ въ примѣръ.
Пусть други то глядя видятъ *и проч.*

КОФЕЙНИЦА.

Такихъ умныхъ словъ нигдѣ я не слыхала
И такого наказанья не видала.

НОВОМОДОВА.

Пусть други то глядя видятъ,
Сколь безчестно воровать,
И порокъ сей взненавидятъ,
Коль лѣнь въ полѣ побывать.

ПРИКАЩИКЪ.

Пусть други то глядя видятъ,
Какъ мнѣ страшно досажать,
И порокъ сей ненавидятъ,
Коль лѣнь въ полѣ побывать.

КОФЕЙНИЦА.

То и въ подлинну увидятъ,
Сколь опасно воровать,
И порокъ сей взненавидятъ
Коль лѣнь въ полѣ побывать.

НОВОМОДОВА.

А развѣ онъ тебѣ чѣмъ досадилъ?

ПРИКАЩИКЪ.

Какъ же? Когда онъ вамъ досадилъ, то какой же буду прикащикъ, коли это мнѣ будетъ не обидно?

НОВОМОДОВА.

Вотъ прямо прикащикъ.... Да вотъ и залетъ нашъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Петръ.

ПЕТРЪ.

Зачѣмъ вы меня изволили спрашивать, боярыня?

ПОВОМОДОВА.

А, соколъ! здорово.

ПРИКАЩИКЪ.

Угаръ, здравствуй,
Благодарствуй,
Что недорого берешь,
Какъ ты сказки ей поешь.

ПЕТРЪ.

Я таковъ,
Что готовъ
Всегда барынѣ служить
И во всемъ ей угодить.

ПРИКАЩИКЪ.

Вотъ хорошая услуга,
Чтобъ изъ платы угождать,
И какъ будто-бы у друга,
Не спросясь, по волѣ брать.

ПЕТРЪ.

Право, я не понимаю,
Что теперь ты говоришь,
Да и объ какой, не знаю,
Мнѣ заплатѣ ты твердишь.

ПРИКАЩИКЪ.

По пустому увѣряешь:
Ты насъ въ томъ побольше знаешь;
Такъ не для чего тапть,
Лучше правду намъ открыть.

НОВОМОДОВА, ПРИКАЩИКЪ И КОФЕЙНИЦА.

ПЕТРЪ.

(Вмѣстѣ.)

Коли сдѣлалъ, не стыдяся,
Такъ ужъ лучше не таяся
Намъ вину свою открой
Иль упрямствомъ не удвой.

Что я сдѣлалъ, не стыдяся,
Что открою не таяся,
И меня теперь какой
Всѣ вы клеплете виной?

НОВОМОДОВА.

Какъ, плутъ, развѣ не ты у меня вечоръ сказывалъ сказки?

ПЕТРЪ.

Да вѣдь это по вашему приказу, барыня.

НОВОМОДОВА.

Развѣ ты не тогда вышелъ, какъ ужъ я заснула?

ПЕТРЪ.

Вы такъ и приказали.

ПРИКАЩИКЪ.

Доброй малой! да не по барышнину-ль приказу ты и ложки то сблаговѣстилъ?

НОВОМОДОВА.

Что, каналья? Ну же, говори скорѣй, гдѣ онѣ у тебя?

ПЕТРЪ.

Да какія ложки? помилуйте, Бога ради: я ихъ и въ глаза не видалъ.

НОВОМОДОВА.

Смотри, пожалуй: ну, не досадно ли это? онъ же виноватъ, да онъ же еще и запирается.

ПЕТРЪ.

Право, хоть теперь голова долой, ничего не знаю.

НОВОМОДОВА.

Дюжина ложекъ, которыя вчерась при тебѣ ко мнѣ привезли изъ городу?

ПЕТРЪ.

Ну, эти я видѣлъ: новыя серебряныя; да вѣдь мы пошли, такъ онѣ остались на столѣ.

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ, ты ихъ укралъ, бездѣльникъ!

ПЕТРЪ.

Что вы, барыня? Да я съ роду не кралъ.

НОВОМОДОВА.

О, коль сталъ ты запираться,
Такъ знать, надобно добраться
До тебя, мой свѣтъ, путемъ.
Инъ по палки мы пошлемъ.

ПЕТРЪ.

Ей Богу, не бралъ, боярыня.

НОВОМОДОВА.

Слышь, скажи,
Покажи:
Ложки мнѣ скорѣй отдай
Иль подъ палочье ступай.

Борисычъ, возьми его на конюшню [1]) и бей до тѣхъ поръ, пока не отдастъ ложекъ, а тамъ отдадимъ въ рекруты.

ПЕТРЪ.

Барыня, пожалѣйте хотя бѣдную Анюту.

ПРИКАЩИКЪ.

Да отдай ложки и не запирайся; такъ, можетъ, и проститъ барыня.

ПЕТРЪ.

Да какъ же вы хотите
Ложки чтобъ я вамъ отдалъ?

[1]) Надъ этимъ словомъ написано «и отведши».

Хоть теперя умертвите,
Ни одной я ихъ не бралъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ вотъ я жъ те взъерепеню;
Какъ вобью въ кроваву пѣну,
Такъ не станешь больше лгать,
Будешь правду объявлять.

ПЕТРЪ.

(Падая въ ноги боярыни).

Не погубите, милосердая боярыня.

ПРИКАЩИКЪ.

Чтожъ, сударыня?

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ, теперь ужъ некогда съ нимъ возиться; пора обѣдать, а тамъ мы сдѣлаемся.

ПРИКАЩИКЪ.

Слышу, сударыня, такъ я ниъ его пота самъ постерегу....

Поступать съ нимъ, какъ я знаю,
И его не прогуляю;
Буду плотно такъ стеречь,
Чтобъ онъ не возмогъ утечь.

НОВОМОДОВА.

А мы пойдемъ обѣдать, душа моя; ужъ, чай, и на столъ накрыли.... слышь ты, мошенникъ, не запирайся, чтобъ хуже не было.

Не велика въ томъ утѣха
Запираться безъ успѣха;
Лучше правду намъ скажи,
Ложки вынь да положи.

ПРИКАЩИКЪ.

Развѣ хочешь изъ упрямства намъ ты лгать?
Такъ вѣдь палки то принудятъ же сказать.

Не велика въ томъ утѣха
Запираться безъ успѣха;
Лучше правду намъ скажи,
Ложки вынь да положи.

ВСѢ, КРОМѢ ПЕТРА.

Я тебѣ совѣтъ даю все объявить
И сказать: спина покамѣстъ не болитъ.
Не велика въ томъ утѣха
Запираться безъ успѣха;
Лучше правду намъ скажи,
Ложки вынь да положи.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ комнату г-жи Новоходовой.

ЯВЛЕНІЕ I.

КОФЕЙНИЦА.
(Одна).

Нѣтъ на свѣтѣ правды болѣ:
Всѣ обманами живутъ;
И по волѣ иль неволѣ
Лишь того и стерегутъ,

***

Чтобы ближняго ограбить,
Его мошну процѣдить,
На тотъ свѣтъ родню отправить
И тѣмъ свой карманъ набить.

***

Лихо въ руки бы попало
Отъ кого что и кому,

У него ужъ и пропало,
Тотъ не числи къ своему.

***

Иной кражей промышляетъ,
Иной честнымъ воровствомъ;
Только рѣдкій набиваетъ
Свой шкатулъ не плутовствомъ.

Однако, какъ бы то ни было, а мнѣ кажется, что нѣтъ лучше и безопаснѣе кофейницыной жизни, для того что всякій боится за свои плутни быть наказану; а я, ничего не боясь, набиваю свои карманы, и всѣ тѣ, коихъ я обманываю, на меня не приносятъ ни жалобъ, ни челобитій; а нерѣдко и довольны мною бываютъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Кофейница, Новомодова, Петръ и Прикащикъ.

НОВОМОДОВА.

Такъ ты не отдашь мнѣ ложекъ?

ПЕТРЪ.

Да помилуйте: когда я не бралъ, такъ что же я вамъ отдамъ?

НОВОМОДОВА.

О, такъ хорошо-же... слушай, Борисычъ: сейчасъ прикажи его свесть въ городъ и тамъ содержать у меня въ домѣ во всякой строгости до продажи въ рекруты.

ПРИКАЩИКЪ.

Слышу, сударыня... Да скажи, окаянный, повинись: авось барыня-то и помилуетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже. Анюта, Фиогенъ и Афросинья.

НОВОМОДОВА.

Вы зачѣмъ?

ФИНОГЕНЪ.

Барыня! я слышалъ, будто ты Петра нашего хочешь въ солдаты отдать?

НОВОМОДОВА.

Его! его не только въ солдаты, но съ него живаго кожу снять надобно за его плутовство.

ФИНОГЕНЪ И АФРОСИНЬЯ.

Помилуй, не погуби дѣвки нашей.

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ, я что однажды сказала, то ужъ всегда то сдѣлаю; а дочь ваша можетъ и другаго жениха сыскать и лучше этого; развѣ у насъ въ деревнѣ только ребятъ-то что онъ одинъ?

АФРОСИНЬЯ.

Да они другъ другу по мысли, и мы было половину дѣла уже сдѣлали: кое-что сготовили къ свадьбѣ; такъ вѣдь теперь пришло все кинуть... Да за что вы хотите его отдать-то?

НОВОМОДОВА.

За то, чтобъ онъ не воровалъ.

АНЮТА, ФИНОГЕНЪ И АФРОСИНЬЯ.

Онъ воровалъ? да я за него, какъ за себя, побожусь.

НОВОМОДОВА.

Да ужъ тутъ нечего божиться, коли его приличили.

АНЮТА.

Развѣ вамъ налгали; да что онъ такое своровалъ?

НОВОМОДОВА.

Не много: только дюжину новыхъ серебряныхъ ложекъ.

АНЮТА.

Да чего они стоятъ?

НОВОМОДОВА.

Чего.... со... пятьдесятъ рублей.

КОФЕЙНИЦА.

(Въ сторону).

Немного цѣны прибавлено.

ФИНОГЕНЪ, АФРОСИНЬЯ И ПЕТРЪ.

Да, мы ниъ хотя послѣднее распродавши и кос-гдѣ занявши, эти деньги тебѣ заплатимъ.

НОВОМОДОВА.

Вотъ-то дѣло иное; однако чтобъ ныиѣ же деньги были, коли хотите, чтобъ она была за нимъ.

Чтобы ныиѣ жъ деньги были
У меня всѣ вточь сполна,
Коли всѣ то полюбили,
Чтобъ была за нимъ она.

ФИНОГЕНЪ И АФРОСИНЬЯ.

Хотя это и не шутка
Пятьдесятъ отдать рублей,
Только эдака погудка
Для скупыхъ дурна ушей.

ФИНОГЕНЪ И АФРОСИНЬЯ. ПЕТРЪ.

(Вмѣстѣ).

А мы ихъ не пожалѣемъ, А мы ихъ не пожалѣемъ,
Лишь его бы возвратить; Лишь бы мнѣ отъ бѣдъ отбыть;
Работать еще умѣемъ, Работать еще умѣемъ,
Будетъ съ ними чѣмъ намъ жить. Будетъ съ ними чѣмъ намъ жить.

НОВОМОДОВА.

Ну жъ, скорѣе, торопитесь
И съ уплатой возвратитесь;
А не то прощайтесь съ нимъ,
Ужъ не будетъ онъ моимъ.

ФИНОГЕНЪ.

Мѣшкать долго мы не будемъ,
Тотчасъ деньги принесемъ,

И, не давъ въ огласку людямъ,
Къ намъ назадъ его возьмемъ.

(Финогенъ, Аѳросинья, Петръ и Анюта уходятъ),

ЯВЛЕНІЕ IV.

Новомодова, Прикащикъ и Кофейница.

ПРИКАЩИКЪ.

Барыня, барыня, барыня! какъ тебѣ не стыдно этому плуту упускать?..

НОВОМОДОВА.

Да вѣдь ужъ и такъ не много въ сей деревнѣ молодыхъ, для того —

Для того что я такъ строго
Отдаю въ солдаты ихъ;
А какъ вдосталь поспыряю,
Такъ ужъ, право, какъ не знаю
Деревенькѣ сей стоять.

ПРИКАЩИКЪ.

Вамъ еще ихъ народятъ.

НОВОМОДОВА.

Ха, ха, ха, ха! неужто ты думаешь, что я и вѣдомо такая дура, чтобъ упустила этотъ случай? а я съ нимъ хочу сыграть одну шутку только, а какую, то тебѣ послѣ скажу, для....

ПРИКАЩИКЪ.

(Даетъ знать Кофейницѣ, чтобъ она не шла вонъ).

И теперь можно.

КОФЕЙНИЦА.

Барыня, позвольте мнѣ по саду проходиться.

НОВОМОДОВА.

Поди, мадамъ, ежели угодно, да приходи поскорѣе: мы еще кос-что загадаемъ.

(Кофейница уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Новомодова и Прикащикъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Что такое вы мнѣ хотѣли сказать, боярыня?

НОВОМОДОВА.

А вотъ что: вѣдь я дала слово его не отдавать въ рекруты за нынѣшнюю толковищу; а вмѣсто того возьму на сѣни, и тутъ уже легко можно припнать какую нибудь вину, за которую тотчасъ будетъ онъ въ красной шапкѣ; а пятьдесятъ-то рублевъ таки въ барышахъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Нельзя лучше; да невѣсту-то его возьмете же на сѣни.

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ, ужъ онъ на ней не женится.

ПРИКАЩИКЪ.

Вотъ это ему подлинно страшнѣй громовой стрѣлы.

Какъ Анюту онъ увидитъ
За другимъ, не за собой,
Такъ авось возненавидитъ
Свой поступокъ начатой.

НОВОМОДОВА.

И какъ онъ въ солдатахъ будетъ
И потретъ свою суму,
Думы прежни позабудетъ
И приложитъ умъ къ уму [1]).

Мнѣ печали ужъ не будетъ,
Будетъ красть онъ, иль забудетъ;
Такъ себѣ пожалуй крадь,
Коль не лѣнь сквозь строй бѣжать.

[1]) Въ подлинной рукописи, по ошибкѣ, надъ слѣдующимъ куплетомъ повторена надпись: Новомодова.

ПРИКАЩИКЪ.

Краску съ лихвою воротимъ,
Долги хоть не всѣ оплотимъ.

НОВОМОДОВА.

Да и вновь ихъ заберемъ,
Коли, Богъ дастъ, не умремъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Тамъ ужъ будетъ ваша воля
Заплатить и вновь забрать,
А моя въ дѣлахъ сихъ доля
Потакать иль ужъ молчать.

НОВОМОДОВА.

Кабы мнѣ да за Петрушку
Дали рубликовъ пять сотъ,
Да потомъ бы и Ванюшку
Я отправила въ походъ,
То бъ хорошую ливрею,
Экипажевъ, мебелей,
Словомъ, все уже затѣю,
Лишь бы съ рукъ ихъ сбыть скорѣй.

ПРИКАЩИКЪ.

Да сжели, барыня, вамъ за нихъ дадутъ и цѣлую тысячу, такъ вѣдь и того будетъ мало на ваши замыслы.

НОВОМОДОВА.

Коли этого не станетъ,
Я съ крестьянъ оброкъ сберу.

ПРИКАЩИКЪ.

И того вѣдь не дотянетъ.

НОВОМОДОВА.

Въ долгъ на вексель заберу.
Да съ крестьянъ-то какъ не станетъ?
Развѣ не изъ чего имъ мнѣ дать оброку за пять лѣтъ впередъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Да вы и такъ въ прошломъ мѣсяцѣ съ нихъ взяли за четыре года впередъ.

ПОВОМОДОВА.

Эдакая диковинка! ну, такъ что жъ? можно и еще взять за четыре.

ПРИКАЩИКЪ.

Правда, и еще бы можно:
Да ужъ нечего имъ дать.
Знайте вы, что то не ложно:
Вы изволили все взять.

ПОВОМОДОВА.

Какъ возьму въ ежовы руки,
Такъ дадутъ хоть изъ подъ муки.

ПРИКАЩИКЪ.

Да они ужъ такъ голы,
Какъ вотъ точно соколы.

ПОВОМОДОВА.

Ну, да ужъ я тамъ подумаю.... да вотъ и они идутъ; какъ же дуракъ-то радъ! да скоро перестанетъ радоваться.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ФИНОГЕНЪ, АФРОСИНЬЯ, АНЮТА, ПЕТРЪ И ПРЕЖНІЕ.

ФИНОГЕНЪ И ПЕТРЪ.

(Приносятъ по мѣшку денегъ; потомъ, положивъ ихъ на полъ, поютъ съ Афросиньей и Анютой).

Приказъ вашъ мы исполняемъ,
Коль на то пришелъ уже рокъ;
Деньги тотчасъ отсчитаемъ
Вами въ положенный срокъ.

Мы теперь ужъ квиты съ вами.

ПЕТРЪ.

(Къ Финогену).

Скоро буду я твой зять.

ВСѢ, КРОМѢ ПРИКАЩИКА И НОВОМОДОВОЙ.

Будетъ тихо между нами
И слезъ не за чѣмъ терять.

НОВОМОДОВА.

Подождите,
Не ходите:
Не совсѣмъ-то квиты мы,
Хоть не будетъ несть сумы.

ПЕТРЪ.

Да за чѣмъ же дѣло стало?
Что вамъ въ мирѣ помѣшало?
Хоть бы ложки то я взялъ,
Такъ вѣдь деньги вамъ отдалъ.

НОВОМОДОВА.

Я то знаю,
Понимаю;
Только надо же унять,
Чтобъ не смѣлъ впередъ ты красть.

ФИНОГЕНЪ, АФРОСИНЬЯ, АНЮТА И ПЕТРЪ.

Да что-же вамъ еще надобно?

НОВОМОДОВА.

Хоть не будетъ онъ въ солдатахъ,
Да пусть будетъ мой лакей;
Будетъ жить въ моихъ палатахъ,
Чтобы былъ впередъ умнѣй.

ФИНОГЕНЪ.

Да вѣдь онъ не будетъ моимъ зятемъ: такъ что жъ мнѣ въ томъ пользы?

НОВОМОДОВА.

Та польза, что я такъ хочу... Слышите ль?

ФИНОГЕНЪ.

Такъ инъ подай же деньги, барыня.

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ, деньги-то я таки возьму за ложки и за то, что не отдамъ его нынѣ въ рекруты.

ПЕТРЪ.

Помилуйте, Бога ради, барыня, что мы вамъ сдѣлали?

НОВОМОДОВА.

Ну же, больше ни слова.

ПЕТРЪ.

(Прикащику).

Фролъ Борисычъ, замолви хоть ты за насъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Спорить отнюдь я не намѣренъ;
Ты будь, дружокъ [1]),
Ты будь, дружокъ мой, въ томъ увѣренъ,
Съ госпожею худъ разборъ.

НОВОМОДОВА.

Коли въ лакеяхъ будетъ онъ послушенъ,
У меня ретивъ и не лѣнивъ,
То и еще успѣетъ быть Анютинъ;
Мой пароль донёръ не лживъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Сами совѣтъ ему вы дайте,
Какъ жить тамъ и поступать;
Также и я совѣтъ сей, знайте,
Ему буду же давать.

---

[1]) Этотъ стихъ не дописанъ въ рукописи.

НОВОМОДОВА И ПРИКАЩИКЪ.

Не великая кака кручина
Быть лакеемъ на сѣняхъ;
Онъ ужъ вѣдь не маленькой—дубина,
Знаетъ сколь великъ сей страхъ.

НОВОМОДОВА.

(Прикащику).

Поди же одѣнь и убери его теперь какъ надобно..... а вы не подъѣзжайте комнѣ больше ни съ какими просьбами; коли будетъ уменъ, такъ я и въ лакеяхъ его не оставлю.

ПЕТРЪ.

(Прикащикъ уводитъ Петра, который поетъ вмѣстѣ съ Анютой, Финогеномъ и Аѳросиньею).

Чтобъ сквозь землю провалиться
Тому, ложки кто укралъ
И кто Бога не боится,
Что насъ такъ въ бѣду вкачалъ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

НОВОМОДОВА.

Врите себѣ тамъ,
Что угодно вамъ;
А Петрушку я ужъ не отдамъ.
Я возьму на сѣни вора,
Пригоню къ нему вину
И безъ всякаго ужъ спора
Во солдаты прогоню.

А деньги надобны.... Подлинно, кабы почаще эдакіе виноватые.... Да полно, что говорить, я и безъ вины въ солдаты улѣтаю... лишь бы только деньги понадобились: за что ни отдамъ, да отдамъ.

Тотъ помѣщикъ ужъ худой,
Коль крестьяне у кого

Не подъ крѣпкою уздой
И не слушаютъ его.
Онъ въ обманъ,
Какъ болванъ,
Къ нимъ всегда готовъ попасться,
И ихъ принужденъ бояться.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Новомодова и Прикащикъ.

НОВОМОДОВА.

Ну, велѣлъ ли ты убрать новаго лакея?

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ какъ надобно лакею,
Я его велѣлъ убрать,
Обуть и одѣть въ ливрею,
Прививъ косу, причесать.

НОВОМОДОВА.

Ныпѣ жъ, время не теряя,
Искать надобно купцовъ;
Тѣмъ и лучше что скоряе,
А ужъ онъ совсѣмъ готовъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Объ томъ буду я стараться,
Чтобъ продать его скорѣй;
Вы извольте лишь держаться
Дамской пароли своей.

НОВОМОДОВА.

Тутъ не долго надо думать,
Не о многомъ размышлять,
А чтобъ намъ скорѣе сдунуть,
Должно въ городъ поспѣшать.

ПРИКАЩИКЪ И ПОВОМОДОВА.

Тамъ купцовъ сыскать сихъ можно;
Поспѣшать скорѣй лишь должно,
А какъ только продадимъ,
Деньги въ лавки отдадимъ.

ПОВОМОДОВА.

Однакожъ надобно прiискать вину.

ПРИКАЩИКЪ.

О! въ свтомъ уже на меня положитесь и надѣйтесь, какъ на городскую стѣну; я самъ въ городъ съ вами поѣду, и на другой же день онъ у меня будетъ виноватъ.

Это я уже свахляю,
Потружуся околъ пня
И ужъ въ томъ васъ поздравляю;
Лишь надѣйтесь на меня.

ПОВОМОДОВА.

А я пойду по саду и сыщу, можетъ быть, Кофейницу... а Петрушка пусть сряжается ѣхать въ городъ. А тамъ его уже спровадимъ.

Крушиться я не стану,
Мнѣ нечего жалѣть:
Какъ денежки достану,
Другихъ можно имѣть.
Все за деньги здѣсь достанешь,
Чего хочется тебѣ;
На что мило лишь ни взглянешь,
Смѣло все бери себѣ.

ЯВЛЕНIЕ IX.

(Барыня уходитъ въ садъ, а Кофейница изъ другихъ дверей входитъ въ покой).

КОФЕЙНИЦА.

Ну что, умѣю ль я ворожить на кофей?

ПРИКАЩИКЪ.

Ну, подлинно, самъ бы сатана лучше твоего не спроворилъ.

КОФЕЙНИЦА.

Теперь подавай ложки за работу.

ПРИКАЩИКЪ.

Нѣтъ, кума, мы лучше чѣмъ-нибудь другимъ расплатимся.

КОФЕЙНИЦА.

Или ложки, или деньги, мнѣ что нибудь да-давай!

ПРИКАЩИКЪ.

Изволь, возьми за нихъ деньгами: много ль же тебѣ надобно?

КОФЕЙНИЦА.

Вотъ то дѣло инъ другое:
Я за деньги подарю,
И дороже только вдвое
Съ кумапька за нихъ сдеру.

ПРИКАЩИКЪ.

Да я спрашиваю, много ль тебѣ за нихъ надобно.

КОФЕЙНИЦА.

Сорокъ рублевъ за полдюжины, которыми ты мнѣ долженъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Ухъ... Ухъ... Ухъ!... что ты это, сдурилась, что ли? да и двѣ-то дюжины эдакихъ больше не стоятъ.

КОФЕЙНИЦА.

Коли дашь двадцать рублей, такъ возьми; а меньше ни за полушку не отдамъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ инъ возьми же лучше ложки.

КОФЕЙНИЦА.

Вотъ этого не надо лучше, подавай же скорѣе.

ПРИКАЩИКЪ.

(Вынимая ложки).

Вѣдь пять ложекъ.

КОФЕЙНИЦА.

Нѣтъ, и всѣ шесть.

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ ниъ тому и быть: принимай. Вотъ тебѣ съ рукъ на руки: разъ, два, три! Простите, мои любезныя ложечки; приходитъ наша разлука. *(Уронятъ двѣ ложки на столъ. Въ ту минуту входитъ Новомодова).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Новомодова, Прикащикъ, Кофейница, Петръ, Анюта, Финогенъ и Афросинья.

НОВОМОДОВА.

Больше ни слова... ба! что за ложки?

КОФЕЙНИЦА.

(Испугавшись).

М.. оп.. су..да..ры..ня.

НОВОМОДОВА.

(Осматривая ихъ).

Какія прекрасныя!.... ба, ба, ба! да на нихъ мое клеймо.

КОФЕЙНИЦА.

Нѣтъ, мамзель...

НОВОМОДОВА.

Какъ, нѣтъ? я точно вижу, и это тѣ, которыя, я думаю, что Петрушка укралъ, а это не его дѣло.

ПЕТРЪ.

Я вѣдь вамъ сказывалъ, барыня, что я ихъ не бирывалъ, да и въ умъ не всходила эдакая чепуха.

КОФЕЙНИЦА.

Мамзель, я право также не знаю.

НОВОМОДОВА.

(Прикащику).

Слушай, плутъ: это твое дѣло.

ПРИКАЩИКЪ.

(Становясь на колѣни).

Виноватъ! барыня, помилуйте..

НОВОМОДОВА.

О, хорошо: тотчасъ помилую. Я знаю, какъ вашу братью миловать. Ты еще годишься въ рекруты и замѣнишь Петрово мѣсто.

ПРИКАЩИКЪ.

Ахъ, не погубите!

НОВОМОДОВА.

А тебя, плутовку, сей же часъ отошлю въ городъ и тамъ ты за твое плутовство будешь потолѣ сидѣть въ тюрьмѣ, поколѣ не погонятъ на поселеніе.

КОФЕЙНИЦА.

Ахъ, мамзель! сжальтесь.

НОВОМОДОВА.

Нечего жалѣть, коли сами виноваты.... а ложки-то у васъ не останутся же; сейчасъ подайте ихъ мнѣ.

КОФЕЙНИЦА И ПРИКАЩИКЪ.

(Подаютъ всякъ отъ себя ложки и говорятъ вмѣстѣ).

Вотъ извольте.

НОВОМОДОВА.

Ну, теперь готовьтесь: *(Прикащику)* ты въ рекруты, *(Кофейницѣ)* а ты въ тюрьму. Гей, малый *(Входитъ слуга)*. Возьми этого плута и эту мошенницу и вели, чтобъ ихъ на заперти держать до завтрешняго дня; а завтре я съ ними отправлюсь въ городъ и тамъ они за ихъ плутни наказаны будутъ. *(Слуга выводитъ прикащика и кофейницу).*

ЯВЛЕНІЕ XI..

Тѣже, кромѣ Прикащика и Кофейницы.

НОВОМОДОВА.

(Петру).

А ты, сердешный Петръ, будь отъ сего времени прикащикомъ и свадьбу твою съ Анютой я сыграю на свой коштъ за претерпѣнный тобою страхъ, и деньги также вы у меня возьмете.

ВСѢ КЪ НОВОМОДОВОЙ.

Покорно благодарствую, барыня.

НОВОМОДОВА.

Теперь новымъ тебя чиномъ я дарю
И сама твоей съ нимъ свадьбы посмотрю.

ВСѢ, КРОМѢ НОВОМОДОВОЙ.

Ну, теперь повеселимся,
Намъ не для чего тужить;
Другъ на дружку наглядимся,
Будемъ вмѣстѣ вѣчно жить.

АНЮТА.

Скоро буду я прикащику женою;
Веселится, друзья мои, со мною.

ВСѢ, КРОМѢ НОВОМОДОВОЙ.

Ну, теперь повеселимся,
Намъ не для чего тужить;
Другъ на дружку наглядимся,
Будемъ вѣчно вмѣстѣ жить.

ФИНОГЕНЪ И АФРОСИНЬЯ.

Теперь оба мы счастливы, да и дочь;
Будетъ намъ кому на старости помочь.

ФИНОГЕНЪ, АФРОСИНЬЯ, ПЕТРЪ И АНЮТА.

Ну, теперь повеселимся,
Намъ не для чего тужить;
Другъ на дружку наглядимся,
Будемъ вмѣстѣ вѣчно жить.

НОВОМОДОВА.

Ну, теперя веселитесь,
Вамъ не для чего тужить;
Другъ на дружку наглядитесь,
Вмѣстѣ будете вы жить.

КОНЕЦЪ.

ПОСМЕРТНЫЯ МЕЛОЧИ КРЫЛОВА.

I.

ПИРЪ.

Басня.

(Эта, здѣсь въ первый разъ печатаемая басня Крылова сохранилась въ автографѣ его между бумагами покойнаго А. Н. Оленина и доставлена намъ И. И. Стояновскимъ съ согласія дочери его Варвары Алексѣевны Олениной, рукою которой на автографѣ отмѣчено: «Въ то время какъ была написана Крыловымъ, цензура запретила ее печатать»).

Въ голодный годъ, чтобы утѣшить міръ,
Затѣялъ левъ богатый пиръ.
Разосланы гонцы и скороходы,
Зовутъ гостей:
Звѣрей
И малой и большой породы.
На зовъ со всѣхъ сторонъ стекаются ко льву.
Какъ отказать такому зву?
Пиръ дѣло доброе и не въ голодны годы. —
Вотъ приплелись туда жъ сурокъ, лиса и кротъ.
Да только часомъ опоздали
И за столомъ гостей застали.
У кумушки лисы хлопотъ
На ту бѣду случился полонъ ротъ;
Сурокъ прохолился, промылся,
А кротъ съ дороги сбился.

Однакожъ на тощакъ никто домой нейдетъ,
И, мѣсто подлѣ льва увидѣвши пустое,
Всѣ на него хотятъ продраться трое.
Послушайте, друзья! сказалъ имъ барсъ:
То мѣсто широко, да только не про васъ.
Тутъ придетъ слонъ и васъ сойти заставитъ,
Иль хуже: васъ онъ передавитъ.
Итакъ,
Когда не хочется домой вамъ на тощакъ,
Такъ оставайтесь у порогу:
Вы сыти будете, и это слава Богу.
Мѣста не ваши впереди:
Ихъ берегутъ звѣрямъ лишь крупнаго покроя;
А кто изъ мелочи не хочетъ кушать стоя,
Тотъ дома у себя сиди *).

II.

ОБЪЯСНЕНІЕ КРЫЛОВА
ПО ПОВОДУ ПРИПИСАННЫХЪ ЕМУ ЧУЖИХЪ СТИХОВЪ.

(Обстоятельство, вызвавшее со стороны Крылова это возраженіе, разсказано ниже въ библіографическомъ указателѣ г. Кеневича, стр. 278 и 279. — Печатается въ точности съ автографа, доставленнаго Л. М. Лобановымъ; вверху листа помѣта: «Ч. 9 Маія 1812»).

На сихъ дняхъ присланы къ А. С. Шишкову (неизвѣстно кѣмъ) стихи отъ моего имени, которые и напечатаны въ типографіи у Дрехслера съ моимъ же именемъ — вотъ они.

ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ А. С. ШИШКОВУ.

Апрѣля 13 дня 1812 года.

На случай Всемилостивѣйше пожалованной ему для слѣдованія за Его Императорскимъ Величествомъ коляски.

Шишковъ, оставя днесь бесѣды мирный домъ,
Ты ѣдешь въ славный путь въ каретѣ подъ орломъ.

---

*) Такъ стихъ окончательно поправленъ карандашемъ; сперва же было: «Тотъ ранѣ приходи».

Нашъ добрый Царь, тебѣ вручая важно дѣло,
Старается твое хранить, покоить тѣло;
Лишь ето надобно, о тѣлѣ только рѣчь;
Неколебимый духъ умѣешь самъ беречь.

И. Крыловъ.

Не большему надобно быть знатоку, чтобы увидѣть, сколь нелѣпы и безтолковы сіи стихи; но безъ-толковые стихи у насъ не въ диковинку, такъ тутъ и чрезвычайнаго ничево нѣтъ; а удивительно то, что сочинитель ихъ не только скрылъ свое имя, но даже выставилъ чужое. Наблюдателю человѣческаго сердца покажется конечно ето загадкою; ибо примѣчено вообще, что чемъ глупѣе твореніе, тѣмъ охотнѣе и полнѣе сочинитель выставляетъ свое имя; а етова здѣсь нѣтъ, а вотъ еще первой подкидышъ на нашемъ Парнассѣ. Я не знаю, почему Автору вздумалось слабость своей музы сокрыть подъ чужимъ именемъ, но поставляю долгомъ сказать, что я стиховъ сихъ не писалъ, да и уваженіе мое къ А: С: Шишкову столь велико, что я бы почелъ непростительнымъ вставить имя почтеннаго сего человѣка въ столь нелѣпые стихи, въ коихъ похвала хуже брани. И. Крыловъ.

III.

ПИСЬМО КРЫЛОВА
КЪ ВАРВАРѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ОЛЕНИНОЙ.

(Письмо это было уже напечатано въ статьѣ Лобанова; но такъ какъ тамъ оно подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ,—отчасти, кажется, потому, что не вполнѣ было разобрано,—то мы перепечатываемъ его во всей точности съ автографа, сообщеннаго намъ, съ согласія г-жи Олениной, Н. И. Стояновскимъ).

Какъ изобразить вамъ мои чувства, любезнѣйшая и почтеннѣйшая Варвара Алексѣевна, когда я получилъ ваше второе письмо! мою радость, мою благодарность — мой стыдъ! — И вы еще столь добры, что ко мнѣ пишете и меня браните. — Сказать однакожъ правду, я стою и того и другова. По лѣши моей, мало бить меня — по по чувствамъ моимъ къ вамъ право я заслуживаю ва-

ше снисхожденіе; ибо такую имѣть привязанность, какъ я къ вамъ,— божусь, что можно едва ли только найти въ собакѣ, а въ человѣкѣ вы вѣрно ее не сыщете. Продолжайте же быть ко мнѣ добры по прежнему, и подсластите тѣмъ остатокъ жизни тово, который хотя много имѣетъ слабостей и пороковъ, но съ увѣреніемъ можетъ сказать, что неблагодарность никогда не заглядывала въ ево сердце.

Не смотря на вашъ негодный ревматизмъ, я утѣшаюсь мысленно, воображая, какъ вы толстѣете. Продолжайте съ Богомъ и въ доброй часъ—да хорошенько —такъ, чтобъ сдѣлаться оригиналомъ тово портрета, которой нѣкогда послали вы къ кузинѣ вашей Ел: Пав: Полтарацкой — то-то бы я порадовался и не пожалѣлъ бы опорожнить доброй бутылки шампанскаго за ваше здоровье съ будущими.

Намѣреніе ваше заняться музыкою прекрасно. Я всегда утверждалъ, что у васъ къ ней врожденный талантъ, и сожалѣлъ, что онъ пропадаетъ безъ дѣйствія. Сколько пріятныхъ минутъ вы можете доставить и себѣ и всѣмъ тѣмъ, которые васъ любятъ (и въ числѣ которыхъ я не послѣдній). Что касается до вашего голосу, то я никогда не былъ противъ—увѣренъ даже, что вы можете пѣть очень пріятно, лишь бы не погнались за большими крикливыми аріями — гдѣ часто болѣе шуму нежели чувства — и видна одна претензія на превосходство! которая всегда вооружаетъ слушателя на пѣвца, есть ли ето не первѣйшій талантъ.

И такъ вамъ пріятно въ Воронежѣ (ето я замѣтилъ по вашему письму). Любя васъ, я стому очень радъ; любя себя, не совсѣмъ мнѣ ето по сердцу — ибо отнимаетъ надежду скоро васъ увидѣть; но какъ бы то ни было, будте только здоровы и будте щастливы—и тогда, естьлибъ я имѣлъ и волшебной жезлъ, которымъ махнувши могъ бы васъ перенести сюда, то какъ желаніе мое видѣть васъ ни велико — даже не ручаюсь, чтобъ я нѣсколько разъ не хватался за жезлъ, только вѣрно бы имъ не махнулъ — и не потревожилъ вашего щастія — а особливо естьлибы вы дали мнѣ слово, не смотря на мою лѣнь, иногда писать ко мнѣ. Вы не повѣрите, какой ето для меня пріятной подарокъ.—И сколько разъ я перечитывалъ ваше письмо.—Я авторъ и сказать вамъ на ушко, довольно самолюбивый; но естьлибы я зналъ, что мои стихи не-

рѣчитываютъ столько разъ, то бы я сдѣлался спѣсивѣе Г: Хвостова, котораго въ прочемъ никто не читаетъ.

Теперь что писать вамъ о Петербургѣ — о себѣ? Петербургъ нашъ похожъ на красавицу, которая наряжается и зѣваетъ. — Что до меня, то по отпускъ сего письма я слава Богу живъ и здоровъ — ѣмъ и сплю много, читаю — вздоръ! пишу — ничего, и нахожу, что сто довольно весело. — Теперь сбираюсь къ себѣ: въ ваше Пріютино, — гдѣ мнѣ никогда не можетъ быть скучно. И къ статѣ: естьли лѣто находится у васъ въ Воронежѣ, то нельзя ли сдѣлать милость отпустить къ намъ ево на 28 дней? — вы бы очень насъ одолжили. — За то, естьли случится вамъ нужда въ холодѣ, дождяхъ и слякоти, то присылайте навѣрное къ намъ: мы ради вамъ служить сколько угодно: такіето мы здѣсь добрые!

Вы сбираетесь въ Москву? Нельзя ли увѣдомить, когда вы туда поѣдете — я уже нѣсколько лѣтъ тоже сбираюсь туда и только раздумываль, какое время выбрать въ году. Зимою — хотя Москва и полна, но меня пужали снѣга и то, что ни садовъ ни гуляньевъ не увидишь. — Лѣтомъ Москва пуста — когда же ѣхать? — Но естьлибы я васъ тамъ нашелъ — то всякое время въ году мнѣ бы показалось пріятно — и божусь (*только не такъ какъ честной человѣкъ*), что я бы тотчасъ сѣлъ въ дилижансъ и отправился бы безъ дальнихъ сборовъ. — Право! ета мысль играетъ у меня въ головѣ такъ весело! — такъ пріятно! — я вижу, что вы смѣетесь и говорите: какой вздоръ! — гдѣ ему ѣхать! пошевелится ли онъ? съ ево лѣнью — ето пустое! — Не вѣрте же мнѣ, пожалуйста не вѣрте, товото мнѣ и хочется — для тово, чтобъ больше васъ удивить; только отпишите, а особливо, гдѣ вы остановитесь и какъ васъ сыскать? — А тамъ увидимъ.

Между тѣмъ я буду. — Но не наскучилъ ли ужъ я вамъ? не заболтался ли —? Не пора-ли перестать? — но нѣтъ, совсѣмъ не пора. — Передо мною цѣлая десть бѣлой бумаги. Но я милостивъ — и не хочу довести васъ до зевоты, вить ето вамъ не здорово, — а ваше здоровье для меня дорого — и увѣренъ, что вы въ етомъ не сомнѣваетеся! И такъ кончу — на первой разъ — и естьли получу въ отвѣтъ, что вы все мое письмо вытерпѣли, то ждите отъ меня безконечныхъ посланій. — Мнѣ всегда только первый шагъ труденъ, — а тамъ меня не уймете.

Будте здоровы и щастливы — и продолжайте любить тово, который отъ всей души, отъ всего сердца и помышленія любитъ васъ (honny soit qui mal y pense) и будетъ любить пока останется въ немъ сердце и память! — NB. Прошу етова мѣста въ письмѣ кромѣ Григорья Никаноровича никому не показывать, а особливо тѣмъ, кто не знаетъ моихъ лѣтъ и моей фигуры. — — Прощайте, буди Божья милость съ вами.

Вашъ неизмѣнный И: Крыловъ.

Григорью Никаноровичу свидѣтельствую свое почтеніе и низко кланяюсь — хотя и воображаю, какъ онъ мучится отъ ревности — и какъ на меня золъ; — но я душевно ево люблю — и прошу ево чтобъ онъ ревновать-то ревновалъ — но все бы любилъ меня — чево даже искренно надѣюсь и въ чемъ увѣренъ.

ЗАМѢТКА О НѢКОТОРЫХЪ БАСНЯХЪ КРЫЛОВА [1]).

Я. К. ГРОТА.

Книга г. Галахова кончается полнымъ и обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ Крылова. Раздѣляя вообще взглядъ нашей критики на этого писателя, авторъ входитъ между прочимъ въ подробный разборъ тѣхъ басенъ, за смыслъ которыхъ уже не разъ упрекали Крылова, именно выставляющихъ вредныя стороны просвѣщенія, какъ-то: *Водолазы*, *Огородникъ и Философъ* и нѣк. др. Онъ справедливо приходитъ къ выводу, что мораль первой изъ этихъ басенъ оказывается не вполнѣ состоятельною. Крыловъ требуетъ въ ней, какъ выражается г. Галаховъ, «ученія по силамъ человѣку, умѣреннаго, средняго между невѣжествомъ, происходящимъ отъ лѣности, и глубокимъ пучинымъ знаніемъ, или всезнаніемъ, происходящимъ отъ дерзости ума и ведущимъ, по словамъ пустынника, къ гибели». Г. Кеневичъ въ «пучинѣ» знаній указываетъ на увлеченіе ложною идеей или на вольнодумство, какъ на ту крайность, которую разумѣлъ баснописецъ; но, замѣчаетъ г. Галаховъ, «исканіе глубочайшихъ истинъ вовсе не

[1]) Изъ критической статьи о сочиненіи г. Галахова *Исторія русской словесности*, т. II, *первая половина*. Статья эта напечатана въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за февраль 1869 года. Заимствуя оттуда мѣсто, относящееся къ предмету настоящаго тома *Сборника*, позволяю себѣ надѣяться, что уважаемый авторъ разбираемой книги не посѣтуетъ на меня за нѣкоторое съ нимъ разногласіе въ частностяхъ, которое нисколько не мѣшаетъ мнѣ отдавать полную справедливость научному и литературному достоинству его обширнаго труда, какъ это и видно изъ цѣлаго разбора моего.

противно, а наоборотъ свойственно природѣ человѣка, и потому не можетъ быть отнесено къ ложнымъ идеямъ или ложнымъ увлеченіямъ» (стр. 312). Притомъ современники Крылова (ставимъ это выраженіе вмѣсто словъ г. Галахова: «предки наши въ первую половину царствованія Александра I»[1]) «не до такой степени погружались въ знанія, чтобы слѣдовало удерживать ихъ рвеніе; напротивъ было бы благоразумнѣе и патріотичнѣе возбуждать въ нихъ охоту къ умственнымъ трудамъ, которымъ очень немногіе посвящали свое время» (тамъ-же). Съ этимъ нельзя не согласиться точно такъ же, какъ и съ тѣмъ, что̀ говоритъ авторъ въ этомъ отношеніи о баснѣ «*Сочинитель и разбойникъ*», которая, по мнѣнію его, мало примѣнима къ обществу, обезпеченному *цензурой* отъ гибельныхъ послѣдствій вольнодумства въ литературѣ. «Развивалась ли на виду у баснописца литература съ безнравственнымъ направленіемъ? гдѣ сочинители, отравлявшіе ядомъ своихъ твореній общество, или философы-наставники, заражавшіе ядовитымъ ученіемъ юношество?» (стр. 314). Но мы готовы поспорить съ авторомъ, когда онъ находитъ, что «Крыловъ обходилъ большинство явленій, наиболѣе тяжкихъ, будто ихъ вовсе не существовало» (стр. 315). Отъ этого упрека защищаютъ Крылова не только его басни, въ которыхъ онъ какъ моралистъ и философъ касался всего, что могъ затронуть по характеру времени, а какъ художникъ не обязанъ былъ касаться того, что не вызывало въ душѣ его искры творчества; — отъ приведеннаго упрека ограждаютъ его и прежнія сатирическія его сочиненія, въ которыхъ онъ высказалъ много смѣлаго и рѣзкаго. Намъ кажется что г. Галаховъ, попавъ на справедливую точку зрѣнія въ отношеніи къ названнымъ баснямъ, самъ вдался въ нѣкоторое увлеченіе. Если и трудно вполнѣ отрицать мысль, что «Крыловъ былъ равнодушенъ къ знанію, какъ знанію, независимо отъ его практическихъ надобностей, которыя онъ цѣнилъ по преимуществу» (стр. 312), то нельзя однакожъ безусловно принять слѣдующаго за тѣмъ замѣчанія г. Галахова: «тяжелый на подъемъ, онъ и въ

[1]) Басня *Водолазъ* написана въ 1813 г.; это уже не первая половина царствованія: да къ тому же положеніе дѣла не измѣнилось и послѣ, не только при Крыловѣ, но и по смерти его.

другихъ не одобрялъ качествъ, противоположныхъ своей собственной природѣ»...

Этому явно противорѣчитъ, напр., уваженіе, которое Крыловъ не разъ выражалъ къ трудолюбію и дѣятельности. Въ баснѣ *Прудъ и рѣка* онъ говоритъ:

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

Въ ограниченности образованія баснописца г. Галаховъ видитъ причину его недоброжелательнаго отношенія къ наукѣ (стр. 313 и 315); но немного выше (стр. 310) представлено нѣсколько извлеченій изъ басенъ, направленныхъ противъ невѣжества и показывающихъ сочувствіе къ наукѣ и къ ученымъ; можно бы привести еще нѣсколько другихъ подобныхъ мѣстъ. Нравоученіе, вытекающее изъ басни *Водолазы* во вредъ глубины знаній, очевидно, не было цѣлью автора и произошло отъ неудачнаго примѣненія образа пучины къ злоупотребленію наукой. Вѣроятно, Крыловъ разумѣлъ собственно не глубину, а гордость знанія, которая ведетъ къ безвѣрію и къ отрицанію всего, что налагаетъ на человѣка спасительныя узы: не даромъ онъ называетъ того, кто ищетъ морскаго дна на самой глубинѣ, безумцемъ и дерзкимъ; замѣтимъ, что его водолазъ выбралъ мѣсто, гдѣ была *черная глубина*, т. е. такую область, которая всего болѣе закрыта отъ знанія. Крыловъ былъ конечно не такъ простъ, чтобы думать, будто стремленіе къ глубокимъ знаніямъ есть дѣло *дерзкаго ума* и ведетъ къ погибели. Напротивъ, неутомимаго и ненасытнаго изслѣдователя истины онъ сравниваетъ съ тѣмъ водолазомъ, который «богатыхъ жемчуговъ» *нырялъ искать по дну*, «и жилъ, всечасно богатѣя»; но этотъ водолазъ выбралъ себѣ *глубину по силѣ*, т. е., тѣ сферы мышленія, которыя доступны для человѣческаго разума, не превышаютъ его, словомъ, область вѣдѣнія, науки. Подъ бездонною же пучиной Крыловъ разумѣетъ область высшихъ, не умомъ, а вѣрою и совѣстью постигаемыхъ законовъ. Скорѣе всего можно полагать, что къ водолазамъ послѣдняго рода онъ относилъ философовъ, отвергающихъ откровеніе и рѣшающихъ мыш-

леніемъ самые трудные вопросы метафизики [1]). Басня *Водолазы* написана въ 1813 году. Въ это время вышелъ переводъ Эстетики Ансильйона, который надѣлалъ много шуму, вызвалъ строгую критику со стороны архимандрита (впослѣдствіи митрополита) Филарета и былъ причиною невзгоды архіепископа Осоѳилакта, подъ руководствомъ котораго былъ сдѣланъ переводъ [2]). Толки объ этомъ дѣлѣ конечно находили отголосокъ и въ домѣ Оленина, который, какъ извѣстно, былъ почитателемъ Филарета; тамъ-же вѣроятно разсуждали иногда и о нѣмецкихъ философахъ, между которыми европейскою славой пользовался тогда Фихте. Подобныя разсужденія именно и могли подать Крылову поводъ сравнить слишкомъ отважныхъ мыслителей съ водолазомъ, ищущимъ жемчуга въ самой глубинѣ морской пучины. Спору нѣтъ, и такой взглядъ можно считать не безошибочнымъ; но между имъ и неуваженіемъ къ глубинѣ знанія вообще,—большая разница. Требовать, чтобы писатель былъ совершенно внѣ вліянія среды, въ которую онъ поставленъ обстоятельствами времени и мѣста, едва ли справедливо. Затѣмъ, въ своей силѣ остается все-таки замѣчаніе г. Галахова о малой примѣнимости подобнаго правоученія къ русскому обществу; развѣ Крыловъ хотѣлъ предостеречь тѣхъ, которые слишкомъ увлекались системами нѣкоторыхъ западныхъ мыслителей.

Не можемъ также присоединиться къ слѣдующему мнѣнію почтеннаго автора *Исторіи русской словесности* о Крыловѣ: «Разсматривая его басни, легко узнать, чего онъ не хотѣлъ; трудно опредѣлить, чего именно хотѣлъ онъ». Безъ сомнѣнія, Крыловъ хотѣлъ всего противоположнаго тому, что онъ порицалъ или осмѣивалъ. «Конечно», продолжаетъ г. Галаховъ, «такое направленіе частію условливалось сущностью басни какъ сатиры, но большею частью (такъ мнѣ кажется) оно зависѣло отъ недостатка положи-

---

[1]) Тутъ припоминаются слова Ж. Ж. Руссо: «Voulons-nous pénétrer dans ces abimes de métaphysique qui n'ont ni fond, ni rive, et perdre à disputer sur l'essence divine ce temps si court qui nous est donné pour l'honorer?» (*Nouv. Hél.*, VI, 8). Т. е. «Какъ намъ проникнуть въ ту пучину метафизики, у которой нѣтъ ни дна, ни береговъ, и не потеряемъ ли мы на споры о верховномъ Существѣ время, дарованное намъ для Его почитанія?»

[2]) См. *Сборникъ Отдѣленія р. яз. и сл.* т, V, вып. 1, «Переписка митроп. Евгенія» *и пр.* стр. 154 — 158.

тельнаго сочувствія къ чему бы то ни было. Переходъ отъ многихъ отрицаній, выражаемыхъ Крыловымъ, къ общему утвержденію теменъ и затруднителенъ» (стр. 330). Затѣмъ критикъ задастъ себѣ вопросъ, въ чемъ именно могъ состоять положительный, господствующій идеалъ Крылова, и находитъ, что такого идеала нѣтъ въ его басняхъ. Мы съ своей стороны позволимъ себѣ замѣтить, что въ сатирѣ, такъ же какъ и въ комедіи, по самому существу этихъ родовъ, вообще не является положительныхъ идеаловъ; такъ и у Гоголя въ *Ревизорѣ* не отыскалось ни одного честнаго лица; когда же его въ томъ упрекнули, то онъ отвѣчалъ, что это честное лицо есть, но его проглядѣли: это — смѣхъ зрителей. Идеалъ поэта-сатирика скрывается за тѣмъ негодованіемъ или тою насмѣшкой, которыя пробуждаются его образами. Неужли въ самомъ дѣлѣ всякому необходимо имѣть какой нибудь односторонній и узкій идеалъ? Развѣ не можетъ быть идеаломъ все достойное сочувствія и уваженія человѣческаго? И развѣ даже у поэтовъ положительнаго направленія, напр. у Шекспира или Пушкина, долженъ быть непремѣнно какой-нибудь явственно обозначенный, ограниченный идеалъ? По мнѣнію г. Галахова, идеалъ Крылова заключается въ покоѣ безстрастія. И въ подкрѣпленіе этой мысли онъ приводитъ слова Вигеля: «Одного ему дано не было: душевнаго жара, священнаго огня... Вездѣ умъ, нигдѣ не проникаетъ чувство» (тамъ-же). Если такъ, то откуда же взялся у Крылова тотъ священный огонь искусства, которымъ проникнуты всѣ его созданія? Если онъ обладалъ однимъ умомъ, не долженъ ли онъ былъ оставаться сухимъ моралистомъ, и какъ же могъ онъ сдѣлаться поэтомъ-художникомъ? Неужели правда, что нигдѣ у Крылова не проглядываетъ чувство? — а какъ же назвать то, чѣмъ согрѣты нѣкоторыя его басни, въ особенности *Два голубя*, или его письма къ Олениной? Подъ чувство такъ поддѣлаться нельзя. Жаль, что г. Галаховъ, въ подкрѣпленіе такого безотраднаго взгляда на Крылова, ссылается на свидѣтельство двухъ нерасположенныхъ къ нему современниковъ, — Вигеля и Сперанскаго, которые оба имѣли свои причины неблаговолить къ нему. Правда, и покойный П. А. Плетневъ говоритъ, что «Крыловъ ничего не полюбилъ какъ человѣкъ общественный», но это свидѣтельство ослабляется отзывомъ

того же критика о глубинѣ и разнообразіи содержанія многихъ басенъ Крылова.

Изъ частныхъ замѣчаній г. Галахова о нѣкоторыхъ басняхъ остановимся на томъ, что̀ онъ говоритъ о двухъ изъ нихъ по поводу предположеній г. Кепевича. Онъ отрицаетъ (стр. 322), чтобы басня *Орелъ и паукъ* могла имѣть, какъ увѣрялъ Гречъ, какое-нибудь отношеніе къ Сперанскому. Дѣйствительно, преданіе, сообщенное Гречемъ, оказывается и по замѣчанію г. Кепевича несправедливымъ уже потому, что басня эта написана въ 1811 году, т. е. прежде паденія Сперанскаго. Происхожденіе этого преданія можно, кажется, объяснить тѣмъ, что Сперанскаго въ образѣ паука представлялъ тогда другой писатель, также сочинявшій въ ту эпоху басни, которыя по всей вѣроятности были извѣстны многимъ современникамъ. Это былъ Державинъ; у него паукъ является съ этимъ значеніемъ въ двухъ басняхъ: *Выборъ министра* и *Цвѣты и паукъ* [1]). Г. Галаховъ отвергаетъ также мысль г. Кепевича, чтобы басня *Парнассъ* могла относиться къ любимцамъ императора Александра I въ началѣ его царствованія, но ничего не предлагаетъ на мѣсто этого объясненія. По нашему мнѣнію, баснописецъ подъ Парнассомъ могъ разумѣть не что иное, какъ Россійскую Академію. Вспомнимъ, во первыхъ, что Крыловъ уже и въ сатирическихъ журналахъ своихъ часто подшучивалъ надъ академіями и академиками; такъ напр., онъ говорилъ, что Канбъ [2]) многихъ попугаевъ сдѣлалъ членами своей академіи только за то, что они умѣли чистенько выговаривать то, что выдумалъ другой. Въ сказкѣ *Ночи* есть также выходка противъ академій; а вслѣдъ затѣмъ Мому съ, потрунивъ надъ Мельпоменой и Таліей, обращается къ Фебу съ такою насмѣшкой: «Что до другихъ твоихъ Музъ, то есть надежда, что онѣ скоро превратятъ Парнассъ въ богадѣльню». Послѣдняя мысль уже довольно близка къ содержанію разсматриваемой басни. Во вторыхъ, обратимъ вниманіе на отношенія, въ какихъ Крыловъ, при сочиненіи этой басни, могъ находиться въ Россійской Академіи. Басня написана въ 1808 году. Она въ хронологическомъ спискѣ сочиненій Крылова въ этомъ родѣ значится 10-ю. Не-

[1]) *Соч. Держ.*, изд. Ак. Н., т. III, стр. 561 и 563.

[2]) *Зритель* 1792 г. ч. III, стр. 94—95.

многія басни, написанныя имъ до нея, были помѣщены въ журналахъ *Моск. Зритель* и *Драматич. Вѣстникъ*; извѣстно, что Крыловъ уже при первомъ появленіи своемъ въ качествѣ баснописца возбудилъ вниманіе, которое конечно выражалось разными о немъ толками. Разумѣется, о его басняхъ судили и академики—можетъ быть, даже въ стѣнахъ академіи. Кто же были тогда члены Россійской Академіи? Не будемъ исчислять всѣхъ, но назовемъ между прочими: Захарова (Ив. Сем.), графа Хвостова, Мальгина, Соколова (Петра Ив.), Шишкова, Партова, Кутузова (Павла Ив.), Львова (Павла Юрьев.) и, пожалуй, Ив. Ив. Мартынова, избраннаго въ академики незадолго передъ тѣмъ, именно въ 1807 году. Изъ нихъ нѣкоторые писывали и басни; къ числу такихъ лицъ принадлежалъ особенно гр. Хвостовъ, который не далѣе какъ въ 1807 г. издалъ свои *Притчи* и конечно встрѣтилъ враждебно опаснаго себѣ соперника на этомъ поприщѣ. Отношенія между имъ и Крыловымъ навсегда остались таковы[1]). Зная духъ и дѣятельность остальныхъ изъ исчисленныхъ нами академиковъ, можно навѣрное сказать, что большинство ихъ также неблагосклонно смотрѣло на новыя басни, въ которыхъ отражался оригинальный и свѣжій талантъ. Отзывы одного или нѣсколькихъ изъ этихъ лицъ могли дойти до Крылова, и въ отплату имъ онъ естественно могъ написать басню о *Парнассѣ*, на которомъ живутъ ослы и принимаютъ такое рѣшеніе:

А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнассъ.

Нашему предположенію не противорѣчитъ, кажется, и заключеніе басни:

Мнѣ хочется, невѣждамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

---

[1]) См. выше стр. 26 и 27.

Передъ самымъ выходомъ въ свѣтъ настоящаго тома мы получили изъ Лондона книжку: «Krilof and his fables, by W. R. S. Ralston». Это переводъ въ прозѣ большей части оригинальныхъ басенъ Крылова, числомъ около ста. Почти къ каждой присоединены объясненія, заимствованныя изъ *Библіографическихъ и историческихъ примѣчаній* г. Кеневича. Передъ баснями помѣщенъ, подъ заглавіемъ «Memoir», очеркъ біографіи баснописца (стр. XVII—XLII), составленный на основаніи статей Плетнева, Лобанова и напечатанныхъ нами по поводу юбилея Крылова. Кромѣ того, г. Ральстонъ изложилъ въ предисловіи свой взглядъ на предпринятый имъ трудъ. Вотъ что онъ говоритъ между прочимъ о значеніи басенъ Крылова въ переводѣ: «Картины русскаго быта, представляемыя словами этихъ разсказовъ, совершенно понятны всякому, кто приметъ на себя трудъ изучать ихъ; онѣ могутъ дать иностранцу болѣе вѣрное понятіе о русскихъ нравахъ и обычаяхъ, чѣмъ самыя яркія изображенія живописца, не такъ основательно знакомаго съ предметомъ. Изъ разсказовъ *Два мужика*, *Крестьянинъ въ бѣдѣ*, *Три мужика*, *Крестьянинъ и работникъ* можно почерпнуть множество свѣдѣній о житьѣ-бытьѣ простонародья въ Россіи, этихъ милліоновъ единородныхъ намъ Европейцевъ, о которыхъ мы однакожъ знаемъ менѣе, чѣмъ о Китайцахъ и американскихъ Индѣйцахъ. Еще интереснѣе заключающіеся во многихъ басняхъ Крылова протесты противъ угнетенія и лихоимства, такъ долго господствовавшихъ въ Россіи, противъ того, какъ сильный попиралъ ногами слабаго, и богатый высасывалъ соки изъ бѣднаго. Отрадно видѣть то великодушное сочувствіе къ обиженной слабости, то смѣлое негодованіе противъ преступнаго насилія, которыя побуждали Крылова къ сочиненію такихъ апологовъ, какъ: *Крестьяне и рѣка*, *Медвѣдь у пчелъ*, и *Рыбы пляски*. Такіе разсказы никогда не теряютъ вполнѣ своей занимчивости, даже тогда, когда у нихъ отнята изящная форма и онѣ являются въ чуждой имъ прозаической одеждѣ». Англійскій текстъ басенъ просмотрѣнъ живущимъ въ Лондонѣ г. Онѣгинымъ. Это уже не первый опытъ г. Ральстона въ переводахъ съ русскаго: сколько намъ извѣстно, онъ издалъ по-англійски кое-что изъ Кольцова и писалъ о русской литературѣ въ англійскихъ «обозрѣніяхъ». Мы должны быть признательны г. Ральстону за любовь, съ какою онъ изучаетъ Россію, и за его стараніе знакомить съ нею своихъ соотечественниковъ. Въ книжкѣ его помѣщены, передъ нѣкоторыми баснями, иллюстраціи; но къ сожалѣнію, въ нихъ русскій типъ до того изуродованъ, что издатель счелъ себя въ обязанности напечатать послѣ заглавнаго листа слѣдующее заявленіе на русскомъ языкѣ: «Тѣхъ Русскихъ, которымъ попадется этотъ переводъ уважаемаго баснописца, переводчикъ покорнѣйше проситъ принять въ соображеніе, что иллюстрированіе книги нисколько отъ него не зависѣло.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.